

Память 22 сентября (ст. стиль 09 сентября)

Житие святых и праведных Богоотец Иоакима и Анны

Святой праведный Иоаким происходил из колена Иудина, из дома царя Давида. Родословие его таково: у сына Давида Нафана родился сын Левий, Левий родил Мелхию и Панфира, Панфир родил Варпафира, Варпафир же родил Иоакима, отца Божией Матери.

Святой Иоаким жил в городе Назарете Галилейском и имел жену по имени Анну из колена Левиина, из рода Ааронова, дочь священника Матфана, жившего пред царствованием Ирода, сына Антипатра. Сей священник Матфан имел женою Марию, из колена Иудина, из города Вифлеема и трех дочерей: Марию, Совию и Анну. Из них первую вышла замуж Мария в Вифлеем и родила Саломию; потом вышла замуж Совия, также в Вифлеем и родила Елисавету, мать Иоанна Предтечи; третья же, как мы уже сказали, мать Пресвятой Богородицы, отдана была замуж за Иоакима в страну Галилейскую, в город Назарет. Супруги сии, Иоаким и Анна,

происходя из знатного рода, поучались в законе Господнем и были праведны пред Богом. Имея богатства вещественное, они не были лишены и богатства духовного. Украшенные всеми добродетелями, они беспорочно соблюдали все заповеди закона Божия. На каждый праздник благочестивые супруги отделяли от своего имущества две части, — одну отдавали на церковные потребности, а другую раздавали нищим.

Своею праведною жизнью Иоаким и Анна так угодили Богу, что Он сподобил их быть родителями Пресвятой Девы, предизбранной Матери Господа. Из этого одного уже видно, что их жизнь была свята, богоугодна и чиста, так как у них родилась Дщерь, Святейшая все святых, угодившая Богу больше всех, и херувимов Честнейшая. В то время на земле не было более угодных Богу людей, нежели Иоаким и Анна, по непорочной их жизни. Хотя в то время можно было найти и многих живущих праведно и угождающих Богу, но эти двое превзошли всех своими добродетелями и явились пред Богом самыми достойными того, чтобы от них родилась Божия Матерь. Такая милость им не была бы дарована богом, если бы они действительно не превосходили всех праведностью и святостью. Но как Сам Господь имел воплотиться от Пресвятой и Пречистой Матери, так подобало и Матери Божией произойти от святых и чистых родителей. Подобно тому как земные цари имеют свои порфиры, сделанные не из простой материи, а из златотканной, так и Небесный Царь восхотел иметь Пречистою Своею Матерью, в плоть Которой как в царскую порфиру, Ему должно было облечься, рожденную не от обыкновенных неводержных родителей, как бы из простой материи, но от целомудренных и святых, как бы из материи златотканной, прообразом чего служила ветхозаветная скиния, которую Бог велел Моисею сделать из багряной и червленой материи и из виссона (Исх.27:16). Скиния эта прообразовала Деву Марию, вселившийся в Которую Бог имел **"с человеки пожити"** как написано: **"се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними"** (Откр.21:3). Багряная и червленая материя и виссон, из которых была сделана скиния, прообразовали родителей Божией Матери, Которая произошла и родилась от целомудрия и воздержания, как бы от багряной и червленой одежды, и совершенства их в исполнении всех заповедей Господних, как бы от виссона.

Но сии святые супруги, по Божию изволению, долгое время были бездетны, — дабы в самом зачатии и рождении такой дочери была явлена и сила Божией благодати, и честь

Рожденной и достоинство родителей; ибо неплодной и состарившейся женщине родить иначе невозможно, как по силе благодати Божией: здесь действует уже не природа, но Бог, побеждающий законы природы и уничтожающий узы неплодия. Родиться от неплодных и престарелых родителей – большая честь и для самой рожденной, потому что она рождается того не от невоздержных родителей, но от воздержных и престарелых, каковыми были Иоаким и Анна, которые пятьдесят лет жили в супружестве и не имели детей. Наконец чрез таковое рождение открывается достоинство и самих родителей, так как они после долгого неплодства родили радость всему миру, чем уподобились святому патриарху Аврааму и благочестивой супруге его Сарре, родившим, по обетованию Божию, Исаака в старости (Быт.21:2). Однако, без сомнения, можно сказать, что рождество Богородицы выше рождения Авраамом и Саррою Исаака. Насколько сама рожденная Дева Мария выше и более достойна почести, нежели Исаак, настолько больше и выше достоинство Иоакима и Анны, нежели Авраама и Сарры. Этого достоинства они не сразу достигли, но только усердным постом и молитвами, в душевной горести и в сердечной скорби умолили о сем Бога: и скорбь их обратилась в радость, а бесчестие их явилось предвестником великой чести, и усердное прошение руководителем к получению благ, и молитва – лучшей ходатаицей.

Иоаким и Анна долгое время скорбели и плакали, что у них нет детей. Однажды Иоаким в большой праздник приносил в Иерусалимском храме дары Господу Богу; вместе с Иоакимом и все израильтяне приносили свои дары в жертву Богу. Бывший в то время первосвященник Иссахар не захотел принять даров Иоакима, потому что он был бездетным.

"Не должно, – говорил он, – принимать от тебя дары, потому что ты не имеешь детей, а следовательно и благословения Божия: наверное, у тебя есть какие-нибудь тайные грехи".

Также и один еврей из колена Рувимова, вместе с прочими приносивший свои дары, укорял Иоакима, говоря:

– Зачем ты хочешь прежде меня принести жертвы Богу? разве ты не знаешь, что ты недостоин приносить дары вместе с нами, ибо ты не оставишь в Израиле потомства¹?

Укоры сии очень опечалили Иоакима, и он в сильно скорби ушел из храма Божия посрамленным и униженным, и праздник для него обратился в печаль, а праздничная радость сменилась скорбью. Глубоко скорбя, он не возвратился домой, но ушел в пустыню к пастухам, пасшим его стада, и там плакал о неплодстве своем и о поношении и укорах, сделанных ему. Вспомнив про Авраама, праотца своего, которому уже в преклонном возрасте Бог даровал сына, Иоаким стал усердно молить Господа, чтобы Он и его сподобил такого же благоволения, услышал бы его молитву, помиловал бы и отнял от него поношение со стороны людей, даровав в старости плод его супружеству, как некогда Аврааму.

– Да буду я, – молился он, – иметь возможность именоваться отцом ребенка, а не бездетным и отверженным от Бога терпеть укоры от людей!

К сей молитве Иоаким присоединил пост и сорок дней не вкушал хлеба.

– Не буду есть, – говорил он, – и в дом свое не возвращусь; пусть слезы мои будут мне пищею, а пустыня сия домом, до тех пор пока не услышит и не отнимет от меня поношение Господь Бог Израилев.

Точно также и жена его, будучи дома и услышав, что первосвященник не хотел принять их дары, укоряя в неплодстве, и что муж ее от великой скорби удалился в пустыню, плакала неутешными слезами.

– Теперь, – говорила она, – я несчастнее всех: Богом отвержена, у людей в поношении и мужем оставлена! о чем плакать теперь: о вдовстве ли своем, или о бесчадии, о сиротстве своем или о том, что не удостоилась называться матерью?!

Так горько плакала она все те дни.

Рабыня Анны, по имени Юдифь, старалась ее утешить, но не могла: ибо кто может утешить ту, печаль которой глубока, как море?

Однажды Анна печальная пошла в свой сад, села под лавровым деревом, вздохнула из глубины сердца и, возведя свои глаза, полные слез к небу, увидала на дереве птичье гнездо

с маленькими птенцами. Зрелище сие причинило ей еще большую скорбь, и она с плачем начала взывать:

– Горе мне бездетной! Должно быть, я самая грешная среди всех дочерей Израилевых, что одна пред всеми женами так унижена. Все носят плод своего чрева на своих руках, – все утешаются своими детьми: я же одна чужда сей радости. Горе мне! Дары всех принимаются в храме Божиим, и за чадородие им оказывают уважение: я же одна отвержена от храма Господа моего. Горе мне! Кому я уподоблюсь? ни птицам небесным, ни зверям земным: ибо и те приносят Тебе, Господи Боже, плод свой, я же одна неплодна. даже с землею я не могу сравнить себя: ибо она прозябает и выращивает семена и, принося плоды, благословляет Тебя, Небесного Отца: я же одна бесплодна на земле. Увы мне, Господи, Господи! Я одна, грешная, лишена потомства. Ты, Который даровал некогда Сарре в глубокой старости сына Исаака (Быт.21:1-8), Ты, Который отверз утробу Анны, матери Твоего пророка Самуила (1Цар.1:20), призри ныне на меня и услыши молитвы мои. Господи Саваоф! Ты знаешь поношение бездетства: прекрати печаль сердца моего и отверзи мою утробу и меня неплодную соделав плодоносною, дабы рожденное мною мы принесли Тебе в дар, благословляя, воспевая и согласно прославляя Твое милосердие.

Когда Анна с плачем и рыданием так восклицала, явился ей ангел Господень и сказал:

– Анна, Анна! услышана твоя молитва, воздыхания твои прошли сквозь облака, слезы твои явились пред Богом, и ты зачнешь и родишь Дочь преблагословенную; чрез Нее получают благословение все племена земные и будет даровано всему миру спасение; имя ей будет Мария.

Услышав ангельские слова, Анна поклонилась Богу и сказала:

– Жив Господь Бог, если родится у меня дитя – я отдам его на служение Богу. Пусть он служит Ему и прославляет святое имя Божие день и ночь во всё время своей жизни.

После сего, исполнившись неизреченной радости, святая Анна быстро пошла в Иерусалим, чтобы там с молитвою воздать благодарение Богу за Его милостивое посещение.

В то же самое время Ангел явился и Иоакиму в пустыне и сказал:

– Иоаким, Иоаким! Услышал Бог молитву твою и благоволил даровать тебе благодать Свою: жена твоя Анна зачнет и родит тебе дочь, рождение которой будет радостью для всего мира. И вот тебе знамение, что я благовествую тебе истину: иди в Иерусалим к храму Божию и там, у золотых ворот, найдешь свою супругу Анну, которой я возвестил то же самое.

Иоаким, удивленный таким ангельским благовестием, славословя Бога и благодаря Его сердцем и устами за великое милосердие, с радостью и веселием поспешно отправился в Иерусалимский храм. Там, как и возвестил ему ангел, он нашел у золотых ворот Анну, молящуюся Богу, и рассказал ей об ангельском благовестии. Также и она поведала ему о том, что видела и слышала ангела, возвестившего о рождении у нее дочери. Тогда Иоаким и Анна прославили Бога, сотворившего им такую великую милость и, поклонившись Ему в святом храме, возвратились в свой дом.

И зачала святая Анна в девятый день декабря месяца, а восьмого сентября у ней родилась дочь, пречистая и Препоблагословенная Дева Мария, начало и ходатаица нашего спасения, о рождестве Коей возрадовались и небо и земля. Иоаким по случаю Ее рождения принес Богу великие дары, жертвы и всесожжения, и получил благословение первосвященника, священников, левитов и всех людей за то, что сподобился благословения Божия. Потом он устроил в доме своем обильную трапезу, и все с веселием прославляли Бога.

Подрастающую Деву Марию родителя Ее берегли, как зеницу ока, ведая, по особенному откровению Божию, что Она будет светом всему миру и обновлением естества человеческого. Посему они воспитывали Ее с такою тщательною осмотрительностью, какая подобала Той, Которая имела быть Матерью Спасителя нашего. Они любили Ее не только как дочь, столь долгое время ожидаемую, но и почитали, как госпожу свою, помня

ангельские слова, сказанные о Ней, и провидя духом, что должно над Ней совершиться. Она же, исполненная Божественной благодати, таинственно обогащала тою же благодатью и своих родителей. Подобно тому как солнце своими лучами освещает звезды небесные, уделяя им частицы своего света, так и богоизбранная Мария, как солнце, озаряла лучами данной ей благодати Иоакима и Анну, так что и они были исполнены Духа Божия, и твердо веровали в исполнение ангельских слов.

Когда отроковице Марии исполнилось три года, родители ввели Ее со славою в храм Господень, сопровождая с возженными светильниками, и посветили Ее на служение Богу, как то обещали. По прошествии нескольких лет после введения Марии во храм, святой Иоаким умер, восьмидесяти лет от рождения. Святая Анна, оставшись вдовою, покинула Назарет и пришла в Иерусалим, где пребывала около своей Пресвятой Дочери, молясь беспрестанно в храме Божиим. Прожив в Иерусалиме два года, она почилла о Господе, имея 79 лет от рожденья².

О, сколь благословенны вы, святые родители, Иоаким и Анна, ради Препоблагословенной вашей Дочери!

Сугубо благословенны вы ради Сына Ее, Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого получили благословение все народы и племена земные! Справедливо вас святая Церковь наименовала Богоотцами³, ибо мы знаем, что от Пресвятой вашей Дочери родился Бог. ныне предстоя Ему близко на небе, молитесь, да уделится и нам хотя некая часть вашей радости нескончаемой. Аминь.

Тропарь, глас 1:

Иже в законней благодати праведни бывше, младенца богоданного породили нам, Иоаким и Анна: темже днесь светло тожествует, весело празднующи, божественная церковь честную вашу память, славящи Бога, воздвигшаго рог спасения нам в дому Давидове.

Кондак, глас 2:

Радуется ныне Анна, неплодства разрешившись союз, и питает Пречистую, созывающи вся воспети, даровавшего от чрева ея человеком едину Матерь и неискусомужную.

¹ Еще патриархам израильского народа неоднократно было дано Богом обетование о размножении потомства их; поэтому израильтяне на многочисленное потомство смотрели как на высшее счастье и благословение Божие. С другой стороны, по древнему обетованию Божию, израильтяне надеялись в своем потомстве обрести обетованное Богом "Семя жены" – Мессию. Вот почему бесчадие считалось у евреев тяжким несчастьем и наказанием Божиим за грехи, и на людей, не имеющих детей, евреи смотрели как на великих грешников.

² Память преставления праведной Анны церковь совершает 25 июля.

³ Церковь ежедневно по окончании божественных служб, на отпусте, испрашивает исходящим из храма помилование и спасение от Господа молитвами Богородицы и св. праведных Богоотцев Иоакима и Анны, и ежегодно совершает память их на другой день Рождества Богородицы, ибо после праздника Рождеству Богоматери прилично славить и св. Ее родителей.

Мученик Стратор (Стратоник) Никомидийский

Дни памяти

22 сентября

26 сентября

Св. Стратоника (III в.) по приказу вифинского правителя после пыток привязали к двум пригнутым стволам дерева. Тело его было разорвано на две части.

Святые мученики Селевк, Стратоник, Кронид, Леонтий и Серапион пострадали за христианскую веру в III веке. Святой Селевк происходил из Галатии, Стратоник – из

Никомидии Вифинской, Кронид, Леонтий и Серапион – из Египта. За исповедание веры во Христа после жестоких истязаний святые мученики были зверски умерщвлены. Святых Крониду, Леонтию и Серапиону связали руки и ноги и бросили в море. Их тела волнами вынесло на сушу, где христиане предали их погребению.

Святой Селевк пострадал в Галатии, где после многих мучений был брошен с супругой на съедение зверям.

Святого Стратоника по приказу вифинского правителя после пыток привязали к двум пригнутым стволам дерева. Тело его было разорвано на две части. (Память его празднуется также 9 сентября.)

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/sv-strator-stratonik-nikomidijskij>

Память преподобного Феофана, постника и исповедника

Родители Феофана были язычники, он же обратился ко Христу еще в детстве. Будучи еще младенцем, он увидел ребенка, умиравшего от холода; сжалился над ним, снял с себя одежду и надел на него. Когда, после того, пришел он домой, родители спросили его: "Чадю, где твоя одежда?"

Он отвечал:

– Я одел ею Христа.

Отец спросил его:

– Кто это Христос? Мы почитаем Меркурия и Аполлона.

После сего отрок ушел от своих родителей. Ангел Господень взял его и возвел на гору Диавис, где поручил его одному постнику, который семьдесят пять лет проводил монашескую жизнь. Старец принял отрока и стал учить его иноческой жизни и священным книгам. Их обоих питал ангел. Чрез пять лет после того старец преставился. По его кончине, отрок жил в пещере, проводя постническую жизнь пятьдесят восемь лет. Затем, получив повеление от ангела Божия, он вышел из пещеры и, сев на льва, проехал шестьдесят поприщ, проповедуя веру Христову. Цари Кар, Карин и Нумериан¹ велели схватить его и бить: преподобному нанесено было сто ударов по шее, после чего он претерпел еще многие мучения. Когда мучители увидали, как много он творит чудес, и какое великое число людей приходит к нему и получает святое крещение, они устыдились своего бессилия и мирно отпустили его. Он возвратился в свою пещеру и, прожив в ней еще семнадцать лет в строгом посте, преставился ко Господу².

¹ Кар, Нумериан и Карин – преемственно царствовавшие императоры римские: Кар с 282 по 283, а Нумериан и Карин, сыновья Кара, вместе с 283 по 284 гг.

² Кончина прп. Феофана последовала около 300 г.

Страдание святого мученика Севириана

В царствование злочестивого царя Ликиния, в то время, как Агриколаем, правителем Севастии¹, были взяты и посажены в темницу сорок святых мучеников, – в области той жил некий муж, по имени Севириан, знатного рода по происхождению.

Севириан был христианином. Часто посещая в темнице сорок мучеников, он укреплял их к страдальческому подвигу за имя Христово; и они так возгорелись любовью к своему Господу, что даже холодное Севастийское озеро не могло угасить в них сей божественной любви; вставши по повелению беззаконного правителя в воды озера, они единодушно

исповедовали пред своим мучителем имя Иисуса Христа и здесь скончались мученической смертью².

После страдания Севастийских мучеников, – когда на место Агриколая, тем же нечестивым царем Ликийцем, назначен был Лисий, человек лютый и жестокий, как дикий зверь истреблявший верующих и проливавший христианскую кровь, – настало время и святому Севириану выступить на тот же подвиг и на ту же борьбу, к каким он и других возбуждал своим словом.

К правителю области явились клеветники и стали говорить ему:

– Честь великих богов наших умаляется в сем городе чрез Севириана: он не только сам не чтит и не поклоняется им, но и многим другим советует бесчестить и уничтожать их. Веруя сам в Распятого, он и других учит той же вере, и уже не мало людей отторглось вслед его, так что если ты не погубишь его, – то скоро весь город последует его вере: и разгневаются боги на наш город и оставят его своею милостью, да и царь, когда услышит об этом, не пощадит нас.

Выслушав сие, правитель Лисий послал своих слуг схватить Севириана и привести его к себе. Воин же Христов, не дожидаясь посланных, пока они придут и возьмут его, предварив их приход, пошел сам и, представ пред Лисием, мужественно и дерзновенно говорил ему:

– Или недостаточно тебе, правитель, одной только твоей гибели, что ты хочешь и наши души погубить и, как некое приобретение, предать их во власть бесов? Но знай, что ты попал здесь на людей мужественных, а не на малодушных и боязливых, ибо мне, как говорит мой божественный учитель Павел, **"жизнь – Христос, и смерть – приобретение"** (Фил.1:21).

Правитель Лисий, выслушав эти слова, немного помолчал; а потом, взглянув на стоявших пред ним слуг и указав рукою на Севириана, сказал им с яростью:

– Возьмите и бейте его суровыми жилами, – пусть он научится, с каким смирением нужно говорить с правителем.

Когда святого стали мучить, он радовался, что сподобился пострадать за Христа, и воспевал псаломские слова, которые были ему как бы отрадою в его страданиях: **"На хребте моем орали оратаи, проводили длинные борозды свои"**³ (Пс.128:3).

Мучитель, видя, что слуги его уже утомились, а на лице мученика – та же просветленность и мужество, велел перестать его бить, а затем, обратившись к нему, сказал:

– Вот, теперь ты по ранам своим можешь познать, что Христос твоей не приносит тебе ни радости, ни благополучия в жизни.

Мученик отвечал:

– Если бы твои душевные очи не были помрачены тьмою безбожия, тогда бы я мог открыть тебе, сколь много благ мои страдания исходатайствует мне у Христа. Но теперь, при твоём нечестии, чего я могу достигнуть, как бы зажигая свечу пред слепым и воспевая песнь пред глухим? О, судя! если бы ты не был так слеп и глух, ты бы познал благодать Христову и ту силу, которая укрепляет меня.

Сии и многие другие слова святого мученика привели правителя еще в больший гнев. Повесив мученика на дереве, он велел строгать тело его железными когтями. Святой же Севириан, среди своих лютых страданий, так молился Богу:

– Иисусе Христе! Ты, некогда повешенный на кресте, низложивший гордыню вражию и даже до ныне прославляемый за все Свои дивные дела, прииди и помоги мне и сокруши силу всезлобного мучителя, растерзанные члены мои исцели и дай мне доблестно совершить подвиг мученический!

И переменялись слуги, мучившие святого; наконец, долго промучив его, повели по приказанию правителя в темницу. Идя к темнице, святой мученик показал себя красноречивым оратором и, как бы не чувствуя своих страданий, хвалился подъятыми за

Христа ранами. Когда шел он среди города, то, указывая на свои язвы, со светлым лицом, сладостными устами так говорил, обращаясь ко множеству смотревшего на него народа:

– О, люди, посмотрите на меня и уразумейте, в каком блаженстве я сегодня нахожусь! Вы, я думаю, считаете меня теперь самым несчастным и беднейшим человеком, так как я лишился не только временной своей чести и богатства, но даже и самого здоровья. А между тем я ныне счастливее всех вас. Ибо раны мои, прияты за имя Христа, дороже для меня всякой земной радости; кровь, пролитая мною, и обагрение ею драгоценнее царской багряницы; самое же страдание за моего Господа несравненно приятнее для меня всех ваших земных утех, которые вы так любите. А высокий сан мой и богатство – что они были, как не суета и прах и прелесть мира сего, которые я оттрясаю как грязь от ног своих, восходя в высшее мученическое достоинство и приемля богатство неоскудеваемое? Для меня именоваться мучеником – славнее всякого царского сана, лишение же богатства ради Христа драгоценнее сокровищ всех земных царей. Да и самое здоровье, крепость и красота, которыми я прежде обладал, что есть иное, как не болезнь, слабость и безобразие? Если бы члены моего тела не были ныне уязвляемы за Христа, и не обагрялись кровью, то они не были бы моими членами, но были бы только узами и темницею для моей души; а теперь, когда они терзаются за Христа, они поистине суть мои уды. Ныне, когда плоть моя умерщвляется, она здорова и крепка; со мною красота моя, даже и теперь, – когда я не имею человеческого вида и представляю как бы единую язву, ибо и Христос был уязвляем с главы до ног. **"Ныне радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его"** (Кол.1:24). Вы же, взирая на мои раны, помышляйте о воздаянии за них: ни умом постигнуть, ни словом высказать нельзя тех благ, кои Царь бессмертный и ныне дает страждущим за Него, и на небе уготовляет им для вечного блаженства. Уже одно то, чтобы страдать за Христа, есть наслаждение, а умереть за Него еще вожделеннее. О, други! Если здесь есть кто из наших, если кто из верных рабов Христовых находится среди сего народа неверного, то, взирая на меня, как я страдаю, укрепляйте свое сердце, мужайтесь и будьте неустрашимы. Да не отторгнет вас от пресладкого имени Иисуса Христа ни единая мука: да не устрасит вас ни сечение мечей, ни разжжение печей, ни ярость зверей! Да не прельстит вас ни ласкание мучителя, ни обещание им даров и санов. Всё это поперите ногами, как сор, чтобы воцариться со Христом.

В то время, как Севириан говорил так, за ним следовало много народа. Слушая его, народ проводил святого мученика до самой темницы. Вверженный в нее, воин Христов ликовал, как светлом чертоге, и лобызал то место, где заключены были сорок святых мучеников, к которым он прежде часто приходил беседовать. В темнице он пробыл пять дней, а потом снова был приведен на суд.

лисий на суде, подобно волку в овечьей шкуре, стал как бы соболезнавать святому и так начал ему лукаво говорить:

– Видят все боги, Севириан, как я сожалею тебя, и весьма удивляюсь, как ты, человек такой видный, благообразный и почтенный, самовольно лишаешься сего радостного мира. Я похвалил бы твою крепость и мужество, но только если бы ты направил их против врагов; бороться же с железом и огнем, со зверями и камнями и так губить себя есть поистине дело безумное. И вот, сила твоя уже сокрушена и тело растерзано.

Говоря так, беззаконный мучитель хотел лукавством прельстить истинного раба Христова, но тот мужественно отвечал:

– Не щади тела моего, покрытого ранами, но увеличь еще более мои страдания. Не только бей меня и строгай мое тело, но и метай на меня камни, жги огнем и делай всё, что только хочешь и можешь. Ты никогда не отворишь меня от моего Господа. Скорее ты утомишься, терзая меня, нежели я страдаю за имя Христово.

Тогда мучитель, оставив лукавство, предался обычной своей ярости и повелел бить святого Севириана в уста камнями, приговаривая при этом:

– Не носи имени Христа на языке твоём и не докучай ушам правителей воспоминанием сего имени.

Святой мученик устами, – уже разбитыми от ударов, – отвечал мучителю:

– Несчастный, если ты устроил в душе твой жилище для бесов, то, конечно, и слух твой уже не может сносить имени Христа!

Лисий повелел снова повесить мученика на дереве и строгать его железными когтями. Севириан, жестоко мучимый, произнес:

– Одну только язву я считаю жестокою – ту, которая отлучает от Христа: все же сии раны скорее для меня наслаждение, чем страдание, так как, отрешая меня от всего земного, они соединяют меня со Христом.

И сказал ему снова правитель:

– Севириан, принеси жертву богам, и ты освободишься от муки.

На это воин Христов ничего не отвечал ему; он только тихо сказал:

– **"Нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас"** (Рим.8:18).

Лисий, считая оскорблением для себя то, что мученик ничего не ответил на его слова, изобрел для него новое мучение: снявши святого с дерева, повели его к городской стене и, привязав тяжелые камни – один на шею, а другой на ноги, а тело опоясав веревкою, свесили его высоко со стены.

Так вися, святой предал свою праведную душу в руки Подвигоположника – Христа Господа своего⁵; некоторые из христиан, снявши ночью со стены его честное тело, понесли к месту прежнего жительства мученика. Когда они, неся его благоговейно с пением псалмов, приближались к тому селению, где был дом Севириана, все почти жители вышли к сретению святых мощей: старые и юные – все одинаково спешили, перегоняя друг друга и этим самым стараясь как бы предвосхитить благословение от многострадального угодника Божия. только жена одного из рабов Севириана осталась дома, плача над телом своего мужа: он только что умер и лежал еще дома не погребенным. И рыдала она над ним, говоря ему как живому:

– Вот, господин наш приближается к дому, и все вышли встречать его, один только ты не вышел, да я из-за тебя. Итак, встань навстречу господину своему.

Только что она проговорила это, мертвый тотчас встал как бы от сна, пошел навстречу к несущим святые мощи и, припавши к нем, с радостью лобызал тело господина своего. Люди же все, видя, что умерший, с принесением святого тела в их селение, воскрес, пораженные сим чудом, прославили Господа и стали еще с большим усердием лобызать честные мощи.

Относительно погребения тела святого мученика у жителей того селения возникло несогласие: одни хотели похоронить его на одном месте, другие на ином. На мощах Севириана лежал венок, сплетенный из красивых цветов; вдруг, неизвестно откуда появился орел и схватил этот венок; отлетев немного, орел снова опустился на землю. Все, видевшие это, пошли по полету орла и когда подошли к нему, он медленно полетел далее с венком; народ тоже пошел за ним. И таким образом орел довел благочестивых жителей до ближайшей пустыни, и здесь, сев на одну высокую, красивую гору и положив на ней венок, скрылся с глаз. Народ, найдя венок мученика на горе, решил, что Господь благоволил на ней упокоить святое тело Севириана, и, взявши мощи, с подобающею честью погребли на той горе; и совершались при гробе мученика Христова многие исцеления⁶.

Вышеупомянутый же раб, воскресший при перенесении святых мощей Севириана, прожил еще пятнадцать лет, постоянно находясь при гробнице своего господина.

За всё сие да будет слава Богу, в Троице Единому: Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков! Аминь.

¹ Севастия – город в Армении.

² Мученики Севастийские пострадали в 320 г. Память их 9 марта. В житии их повествуется, что они за непреклонное исповедание веры были мучимы, затем осуждены были пробыть ночь в озере, покрывшемся льдом, при северном пронзительном ветре, и на другой день после новых тяжких мучений сожжены.

³ Пророческое слово понимает здесь бичи и язвы, какие злостивыми мучителями наложены на победоносных мучеников.

⁴ Смысл выражения тот, что св. мученик, подобно ап. Павлу, чувствуя еще в своей плоти недостаток страданий и сробей, какие перенес Христос, ищет случая восполнить оный, и радуется, что нашел такой случай в страданиях за исповедание имени Христова.

⁵ Мученическая кончина Севириана последовала в 320 году, в одно гонение с 40 мучениками Севастийскими, но только спустя полгода.

⁶ Перенесение св. мощей мученика последовало чрез 15 лет по его кончине.

Воспоминание святого Третьего вселенского собора в Ефесе

В Двадцать первый год царствования императора Феодосия Младшего, сына Аркадиева, созван был в Ефесе святой третий Вселенский собор¹ по следующему поводу. Несторий, который недостойно занимал место патриарха Константинопольского², стал проповедовать лжеучение, сродное с учениями прежнего еретика Павла Самосатского, а также и Диодора Тарсийского³. Он не убоился утверждать, что Единородный Сын Божий Христос, Который нас ради и нашего ради спасения воплотился и вочеловечился, Который предвечно рождается от Бога Отца без матери, а на земле родился, как человек, без отца, — имеет не одно Лицо или

одну Ипостась, но два разных лица: одно — Божеское, а другое человеческое. И о Пречистой Матери Господа нашего Иисуса Христа он нечестиво учил, что Ее не следует называть Богородицею, но Христородицею, не желая признавать, что Она поистине родила плотию Бога Слово. Св. Кирилл, архиепископ Александрийский⁴, много писал ему, увещевая его отстать от такого заблуждения, но видя, что он не только не внимает его увещаниям, а еще сильнее укрепляется в своей ереси, — написал Целестину, папе римскому⁵, и другим патриархам, прося их убедить Нестория оставить свое лжеучение. Когда и они не могли отвратить нечестивого Нестория от его лжеучения, тогда православные архиереи обратились с просьбою к императору Феодосию, чтобы он созвал Вселенский Собор. Феодосий повелел созвать такой Собор в Ефесе. На сем соборе присутствовало двести святых отцов, из коих знаменитейшими были: св. Кирилл Александрийский, св. Ювеналий Иерусалимский⁶, Мемнон Ефесский и многие другие (св. Целестин, папа римский, не мог по болезни приехать на Собор). Прибыл в Ефес и Несторий. Хотя отцы Ефесского собора и посылали троекратно к нему приглашение явиться на собор, но он всякий раз упорно отказывался. Тогда святые отцы решили начать соборные заседания без него. Осудив Нестория и его нечестивое учение, они торжественно подтвердили православное учение о

том, что подобает исповедовать в Господе нашем Иисусе Христе единое Лицо и два естества, и Пречистую Его Матерь восхвалять, как единую Приснодеву и истинную Богородицу. Для того, чтобы еще больше обличить злочестие Нестория, святые отцы сего собора одобрили и предали св. Церкви в руководство сочинение св. Кирилла Александрийского, называемое "Двенадцать анафематизмов против Нестория".

¹ Феодосий II или Младший – восточный римский (византийский) император, внук Феодосия Великого, царствовал с 408 по 450 г. – III вселенский собор был созван с 431 г. – Ефес – ионический город на западном берегу Малой Азии, бывший первоначально центром малоазийских греческих колоний, а во время владычества римлян – главный город Азии проконсульской; славился обширной торговлею, науками и искусствами и великолепным храмом в честь языческой богини Дианы. Впоследствии Ефес быстро пришел в упадок. В настоящее время от этого некогда знаменитого и блестящего города остались одни развалины.

² Несторий был патриархом Константинопольским с 428 по 431 г.

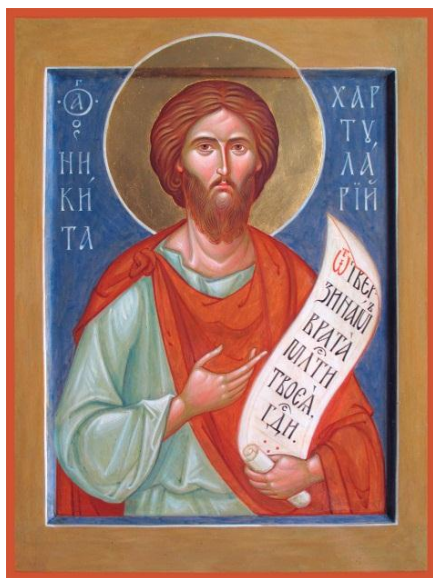
³ Павел Самосатский (Самосат – древний город в Сирии) – епископ Антиохийский (260 г.), учил об Иисусе Христе, как о человеке, достигшем Божественности и о Духе Святом, как о силе Божией; осужден на Антиохийском соборе 269 г. – Диодор, епископ Тарсийский (Тарс – главный город Киликии – юго-восточной римской провинции в Малой Азии) – один из известных христианских богословов IV века, отличался благочестием и ученостью. Но он признавал в Иисусе Христе соединение двух естеств Божеского и человеческого лишь нравственное, а не по существу – неслитное и нераздельное, почему многие не без основания видят в нем прямого предтечу несторианства.

⁴ Кирилл Александрийский – замечательнейший – и ученейший богослов христианской Церкви в V в., ратоборец за православие и обличитель различных ересей, особенно же – несторианства; оставил после себя многочисленные творения; скончался в 444 г.

⁵ Св. Целестин I – папа римский с 422 по 432 г.

⁶ Св. Ювеналий – патриарх Иерусалимский с 420 по 458 г.

Память блаженного Никиты, тайного угодника Божия, которого видел диакон Созонт

Тайный угодник Божий, блаженный Никита, называемый хартуларий¹, был рожден и воспитан благородными родителями в Царьграде; живя в мире и тайно служа Богу, он настолько угодил Ему, что и церковные двери сами отверзались, когда он в полночь приходил на молитву, и светильник, зажженный не человеческими руками, освещал его, и был он в состоянии показать диакону Созонту умершего священника как живого, о чем существует такое сказание.

Один благочестивый священник и благоговейный диакон возымели к Богу любовь друг к другу, но спустя некоторое время оба под влиянием бесовского навета изменили любовь на вражду. Имя диакону было Созонт, а имя священника осталось неизвестно. Много времени находились они во вражде, и в этих чувствах священнику пришлось умереть. Тогда диакон начал смущаться мыслью и терзаться совестью, что он не прекратил вражды со священником и не уничтожил гневливости прощением. Посему он отправился искать мудрого духовного отца, которому можно было бы открыть свою совесть, и ходил он по пустынным местам, отыскивая врача для болезни своего сердца; наконец, найдя одного великого в добродетелях святого старца, признался ему в своем грехе гнева и вражды, какую имел со священником, и просил прощения.

Старец сказал ему: "Всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят" (Мф.7:7; Лк.11:10-11). Хорошо делаешь, брат, заботясь о скором разрешении сего

великого греха; да поможет тебе Господь, так как не мое это дело помирить тебя, чадо, с умершим. Однако, возвращаясь в Царьград, откуда и пришел; придя ночью к великой церкви Святой Софии², стань у великих прекрасных дверей, и кого ты прежде увидишь подходящим к дверям, тому поклонись, сообщи о нас и дай это запечатанное письмо; от него и будет тебе исправление в твоём грехе.

Диакон, исполняя повеление своего духовного отца, пошел в город, достиг ночью церковных дверей святой Софии и стал в ожидании прихода неизвестного лица. И вот, увидел он некоего приближающегося к дверям мужа, – то и был блаженный Никита, о котором идет повествование. Диакон поклонился ему, поцеловал его, подал письмо старца и высказал ему свою печаль. Муж тот, слушая признание диакона, обсудив и прочитав полученное письмо старца, облился слезами и сказал:

– Как я могу решиться на дело, превышающее мои силы? Однако, надеясь на молитвы пославшего тебя, и насколько поможет Бог мне, приступлю к тому, что мне повелено. Сказав сие, он стал пред дверями и, подняв руки к небу, начал шепотом молиться. Потом, преклонив колена и приложив голову к земле, стал тихо творить молитву и, по прошествии некоего времени вставши, сказал:

– Господи, отверзи нам врата Твоей милости!

Тотчас преддверие храма само собой открылось, и блаженный Никита, взявши диакона, вошел на паперть и, подошедши к самым церковным дверям, сказал ему: "Стои здесь неподвижно", сам же сделал поклон на пороге церкви; двери открылись, и он вошел внутрь. Когда молясь стал он посреди церкви, зажженный светильник с потолка церкви спустился над головой того мужа и осветил всю церковь; потом он пошел к жертвеннику, и там двери сами открылись; преклонив голову и молча помолившись, он вышел к диакону, и снова все двери сами собой закрылись. Видя сие, диакон ужаснулся и не смел приблизиться к тому мужу, ибо великий страх объял его; кроме того, и лицо его казалось диакону как бы лицом ангела, прославленным молитвой. И подумалось диакону: не ангел ли это? Но не скрылось сие от мужа того, и он сказал диакону:

– Зачем ты смущаешься мыслями о мне? Веруй, что и я – человек из крови и плоти, родившийся в честном доме и воспитанный в этом городе. Благодать Божия, если восхощет, действенна и в немощах. Пойдем же в путь, нам предстоящий!

После сего он направился к торговому месту, а диакон последовал за ним. Когда они достигли здесь церкви Пресвятой Богородицы, двери церковные по молитве опять открылись; пробывши в церкви помолвившись, угодник Божий вышел, и двери сами затворились. Диакон, смотря на это, только с ужасом говорил про себя: "Господи, помилуй!" Так пошли они ко Влахернской церкви. Впоследствии уже диакон сообразил, что замеченное им шествие по церквам совершалось столь быстро, как будто бы было подобно летанию птиц. Когда они подошли к дверям Влахернской церкви³, и муж тот со слезами совершил молитву, тотчас, как и в других церквах, двери сами открылись; поставив диакона в дверях и приказав внимательно смотреть внутрь, сам он вошел в церковь, преклонил колена и начал усердно молиться. Диакон же, стоя в дверях, увидел внутри церкви свет, освещающий всё вокруг, и некоего световидного диакона, вышедшего из алтаря и кадящего по всей церкви. Спустя немного времени он увидел лик священников, одетых в белые одежды и вышедших из алтаря на средину церкви; он увидел и другой лик священников, одетых в красные ризы; все вместе собрались они посредине церкви и пели прекрасные и какие-то особенные церковные песни, из коих диакон не мог запомнить ни одной, кроме "аллилуиа".

Муж же тот, встав после своей молитвы, сказал диакону:

– Брат, войди внутрь церкви без страха и посмотри на левый лик стоящих священников: не узнаешь ли ты того священника, с которым имел вражду?

Диакон, с трепетом вошедши и приблизившись к Божьему человеку, посмотрел на левый лик и не нашел искомого священника. Ангеловидный муж повелел диакону

рассмотреть также и правый лик священников. диакон, посмотрев, увидел того священника, с которым имел вражду, и указал на него Божьему человеку. Он же сказал диакону:

– Иди, скажи священнику, которого узнал: Никита хартуларий стоит снаружи храма и зовет тебя, чтобы ты пришел к нему!

Диакон пошел по приказанию, взял священника за правую руку и привел к Божьему человеку, который в то время уже вышел из церкви. Кротко он посмотрел на священника и тихим голосом сказал:

– Отче пресвитер, побеседуй с братом твоим прекратите вражду, какую имеете между собою.

Тотчас священник и диакон стали друг против друга на колени и после продолжительных приветствий прекратили вражду. Священник после прощения вошел в церковь и стал на свое место, а Никита, человек Божий, на пороге церковном сделал поклон, и тотчас двери церковные затворились. Затем, вместе с диаконом пошел он в обратный путь. Прошедши некоторую часть пути, блаженный Никита сказал диакону:

– Брат Созонт, спаси душу свою для себя и для моей пользы; отцу же, пославшему тебя, скажи, что чистота его святых молитв и упование на Бога могут и мертвых воздвигнуть!

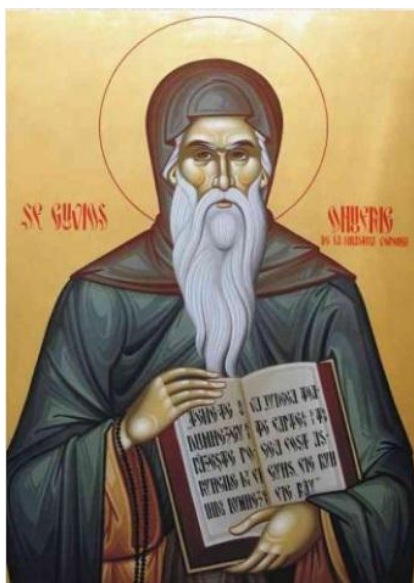
Сказав сие, блаженный исчез из глаз диакона. Сей же, поклонившись на том месте, где стояли ноги сего дивного мужа, пошел к старцу – духовному отцу своему – со страхом и радостью, славя и благодаря Бога за то, что Он сподобил его дивным и чудесным образом примириться с умершим священником, по молитвам тайного раба Божия Никиты хартулария, столь угодившего Богу среди народа и мирских смятений.

¹ Хартулариями назывались в греческой церкви письмоводители при должностных лицах церкви. – Жизнь и подвиги блж. Никиты, тайного угодника Божия, относятся к XII столетию.

² Здесь разумеется величественнейший великолепный собор во имя св. Софии – Премудрости Божией, построенный императором Византийским Юстинианом Великим в Константинополе в 537 г. В 1453 году, по завоевании Константинополя турками, Софийский собор обращен в мечеть.

³ Влахерны – местность в Константинополе на западном углу города – во времена Византийской империи славились по всему Востоку своими святынями. особенно известны были Влахерны Богородичною церковью, построенной императором Львом Великим, при котором в этой церкви в 474 г. положены были честные ризы Пресвятой Богородицы, принесенные из Палестины.

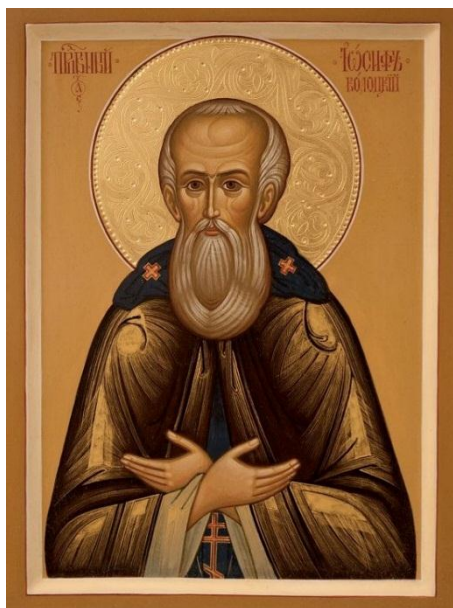
Преподобный Онуфрий Воронский

Преподобный Онуфрий Воронский прославился святостью своей жизни и иноческими подвигами во славу Господа Бога. Скончался он в 1789 году.

Его прославление было совершено Румынской Православной Церковью, а 21 августа 2007 года его имя было внесено в месяцеслов согласно определению Священного Синода Русской Православной Церкви.

Память преподобного Иосифа Волоколамского

Дни памяти

19 июля (переходящая) - Собор Тверских святых
6 сентября (переходящая) - Собор Московских святых
22 сентября
31 октября - Обретение мощей

Прп. Иосиф Волоцкий (Санин, 1439/40–1515) – великий русский святой, основатель Иосифо-Волоколамского монастыря и строгого общежительного устава. Ученик прп. Пафнутия Боровского, он 18 лет провел под его руководством. Став игуменом, ввел общежитие, что вызвало недовольство, и покинул обитель. В 1479 году основал собственную обитель под Волоколамском, где установил строгий устав. Воспитал плеяду выдающихся архипастырей. Активный борец с ересью

жидовствующих. Канонизирован в 1578 году как местночтимый святой, в 1591 году – как общерусский.

Преподобный Иосиф, в миру Иоанн, родился в 12 ноября 1440 г. от благочестивых родителей Иоанна и Марины близ Волоколамска, в селении Язвище. Селение это было пожаловано великим князем прадеду преподобного, Александру Сане, выехавшему из Литвы в Россию на службу. Семи лет от роду Иоанн отдан был своими родителями в Волоколамскую обитель Воздвижения Честного Креста Господня иноку Арсению для обучения грамоте. Возраставший в страхе Божиим, отрок учился прилежно и в учении превзошел всех сверстников. В один год изучил он псалмы Давида, на другой же год навык в Божественном Писании, так что мог читать и петь в церкви. Непрестанно поучаясь слову Божию, отрок не принимал никакого участия в играх своих сверстников. Видя, что Иоанн разумен не по летам, люди говорили: «Что будет из сего отрока? Благодать Божия на нем».

Затем Иоанн перешел в обитель Пречистой Богородицы на Возмище. И здесь проводил он благочестивую жизнь, исполняя церковные правила и непрестанно помышляя о тщете суетного жития сего, которое, как он читал в Писании, святые называли тенью, сном и дымом. Видя истину этих слов и помня будущее воздаяние каждому по делам его, Иоанн опечалился; и сбылись на нем пророческие слова: Стрелы твоя унзоша во мне, и утвердил еси на мне руку Твою. Несть исцеления в плоти моей (Пс. 37, 3, 4). И пребывал он в уединенной храмине, в тишине, безмолвии и молитвах. Тогда пришел ему помысл бежать от мира и облечься во святой иноческий образ. Задумав совершить сие великое дело, Иоанн молился со слезами и недоумевал, как ему приобрести строгого наставника, коему он мог бы предаться в безответное повиновение, не утаивая ни одного своего помысла. Так проводил он жизнь до 12-летнего возраста.

Расспрашивая об обителях и иноках, Иоанн узнал, что в монастыре святого Саввы пребывал благочестивый старец, по имени Варсонофий. Помолившись, Иоанн дал обещание послушаться совета, какой даст ему сей инок. Придя к нему, Иоанн принял от него благословение и на вопрос, зачем он пришел, сказал: «Научи, отче святой, как мне спастись; желаю я иноческого образа – дай мне полезный совет; ибо дал я обещание пред Богом, что все, что ты мне скажешь, будет мне заповедью от Господа». «Иди с Богом, возлюбленное чадо, – сказал старец, – в Боровск к преподобному игумену Пафнутию, который живет богоугодно, – там ты получишь желаемое».

Придя в Боровский монастырь, Иоанн застал прп. Пафнутия среди трудов. Блаженный старец вместе с другими иноками рубил и носил дрова. Лишь поздно вечером прп. Пафнутий пошел к богослужению. Иоанн припал к ногам старца и умолял принять его в число братии. Тот расспросил об обстоятельствах его жизни и увидел, что он, будучи юн возрастом, весьма разумен, по слову Писания: Седина есть мудрость человеком, и возраст старости житие нескверное (Прем. 4, 9). Прозрев в Иоанне будущего подвижника, прп. Пафнутий испытал его по иноческим правилам и, известив о всем братию, постриг его в иноческий образ, нарекши Иосифом. Прп. Иосиф был пострижен 13 февраля 1460 г.

Сначала Иосифа отослали в монастырскую поварню и отдали под начало старцу, давно жившему в монастыре, дабы новопостриженный инок научился монашескому житию и вместе с тем потрудился для братии. И заповедали прп. Иосифу повиноваться старцу, как самому святому отцу Пафнутию, заботиться более всего об иноческом житии и предварять работу молитвой, чтобы Господь не оставил его Своей милостью. Прп. Иосиф принял к сердцу эти наставления и соблюдал их. Пребывая в повиновении старцу, он без отдыха работал в поварне, даже не выходя оттуда.

Спустя довольно времени св. Пафнутий, увидев, что Иосиф крепок телом и вынослив в трудах, и перевел его в хлебопекарню. Здесь было много тяжелой работы, потому что хлеб требовался как для братии, так и для богомольцев, странников и нищих, коих св. Пафнутий не только кормил в обители, но и снабжал хлебом на дорогу. Иосиф с любовью принял отчее повеление и усердно исполнял это дело. Вскоре ему было поручено еще более тяжелое послушание – ходить за болящими иноками. И здесь никогда не оставлял он своей кротости и не проявлял нетерпения. Без ропота ухаживал он за больными, утешая их добрым словом и сострадая им, как будто бы сам болел. Памятуя слова Господа: Болен бех, и посетисте Мене (Мф. 25, 36), служил он братии как бы Самому Христу. Когда Иосиф исполнил возложенные на него послушания, Пафнутий поместил его в своей келлии и причислил к церковному клиру. Так воспитывал его св. Пафнутий, предвидя, что со временем Иосиф будет игуменом, и радовался душевной чистоте ученика своего.

Во время прохождения послушаний пришло прп. Иосифу на память, что отец и мать его остались в старости и немощи великой. Он сказал об этом св. Пафнутию. Тот же повелел Иосифу иметь попечение о родителях и позволил взять отца его в свой монастырь. Прп. Иосиф взял отца своего, а матери написал грамоту, советуя постричься. Прочтя грамоту сию, мать его воскликнула со слезами: «Чадо мое возлюбленное, сотворю повеленное тобою». И постриглась она в монашество в обители святого Власия с именем Мария. Отца же своего прп. Иосиф взял к себе в келлию; его постригли в иночество и нарекли имя Иоанникий. Отец Иосифа был в великой немощи, не владея ни ногами, ни руками. Иосиф ходил за ним и кормил его, будучи для него учителем, слугой и опорой, утешая его в унынии и читая Божественное Писание. Отец, видя его заботы, проливал слезы и говорил: «Чем я тебе воздам, чадо? Бог наградит тебя за труды; не я тебе, а ты мне отец телесный и духовный».

15 лет преподобный служил отцу своему, слушаясь каждого его слова. Когда же отпустил он отца своего с миром ко Господу, то снова пребывал в послушании у св. Пафнутия. Полюбил его св. Пафнутий: все, что открывал ему Господь, он рассказывал Иосифу, как возлюбленному сыну, и стал Иосиф сотаинником святого.

Так пребывал Иосиф у преподобного игумена в послушании 18 лет. Когда же св. Пафнутий прозрел свое отшествие ко Господу, то призвал братию и сказал им: «Старость приблизилась ко мне и немощь овладела мною; предвещают они мне смерть и страшный Спасов суд; изберите игумена для сей обители». Братия же со слезами говорили: «Ты наш пастырь, отец и учитель – пусть будет во всем твоя воля».

Святой призвал тогда Иосифа и понуждал его занять по кончине своей место игумена. Иосиф долго отказывался, считая такое служение выше своих сил. И снова святой молил его. Страшась Божия осуждения за прекословие, Иосиф наконец согласился. Известив о сем братию, преподобный игумен Пафнутий повелел им после своей кончины просить у

державного государя старца Иосифа на игуменство. Преподобный скончался, как предсказал, в четверг, в восьмом часу пополудни, 1 мая 1478 г.

Когда весть о кончине св. Пафнутия дошла до великого князя московского Иоанна Васильевича III (1462–1505), он опечалился и спросил прибывших к нему иноков Боровской обители, кого святой благословил на игуменство. Услышав, что святой благословил на сие Иосифа, великий князь, зная добродетельное житие преподобного, повелел исполнить волю почившего игумена. Иосифа же он принял с великой любовью и велел ему послушаться своего державного слова. Тогда Геронтий, митрополит Московский (1473–1489), возвел прп. Иосифа в священный сан и благословил его быть игуменом Боровской обители.

Когда Иосиф возвратился в обитель, братия встретили его с радостью и воздали ему честь, какая подобает начальнику обители. Иосиф, придя в церковь Божию, стал учить от Божественного Писания. И пробудились иноки от скорби о прп. Пафнутии, как от сна, и возблагодарили они Бога за новопоставленного игумена.

По некотором времени восхотел прп. Иосиф устроить в обители общежитие, чтобы все было общим у иноков, своего же никто бы не имел, по апостольскому слову: Ничтоже имуще, а вся содержаще (2Кор. 6, 10). Но в иноках не было сочувствия сему желанию преподобного, скоро начался между ними ропот. Посоветовавшись с некоторыми старцами, прп. Иосиф оставил настоятельство, дозволил братии избрать себе настоятеля по душе и, преподав им наставление, тайно ушел из монастыря со старцем Герасимом, коего поставил как бы начальствующим над собою.

И странствовали они по монастырям русским, причем прп. Иосиф выдавал себя за простого инока и исполнял всякую работу в хлебопекарне и поварне и в иных низших службах.

Наконец, пришли они в Кириллов монастырь на Белом озере. Был же тот монастырь общежительным, не по званию только, но и на деле. Не объявив ни того, что он книжен и разумен, ни того, что он почтен саном игумена, прп. Иосиф просил настоятеля монастыря принять его в число братии. Тогда преподобному поручили хлебопекарню; и не было у него здесь ни книг, ни священнических одежд. Когда приходило время исполнять правило, он тайно пел псалмы, боясь в смирении своем, чтобы братия не узнала, кто он. Полюбив общежительное житие в обители прп. Кирилла, Иосиф изучал устав и обычай сей обители. С этой целью он часто беседовал с престарелыми иноками и добродетельными подвижниками, возлюбившими прп. Кирилла и твердо державшимися его преданий; и в сих беседах прп. Иосиф выказывал себя ни в чем не сведущим.

Однажды, когда прп. Иосиф в уединенной келлии молился и пел, один брат, с ним вместе трудившийся, пришел позвать его на работу. Подойдя тихо к келлии, так что прп. Иосиф не заметил его присутствия, брат сквозь стену вдруг услышал, что прп. Иосиф необыкновенно правильно читает и поет священные псалмы. Посмотрев в щель, инок с удивлением заметил, что у прп. Иосифа не было никакой книги. Долго инок слушал и дивился, ибо все думали, что прп. Иосиф и азбуки не знает. Услышав затем, как преподобный читал Евангелие и Апостол, инок отошел от келлии и поведал братии, что видел и слышал.

Дознавшись об Иосифе, кто он, старшие иноки обители подивились великому смиренномудрию его, освободили от тяжелой работы в хлебопекарне и стали почитать его за равного.

Пробыв в этой обители 17 месяцев и многому научившись в ней, а еще более наставив других своим смиренномудрием, прп. Иосиф удалился с благословения настоятеля монастыря. Затем посетил он много обителей, но нигде так не нравилось ему, как в Кирилловом монастыре. Посему он решился удалиться в пустынное место и основать там с Божией помощью общежительный монастырь по образу Кириллова. Явившись опять в Пафнутиев монастырь, к великой радости братии, он, однако, недолго оставался там, но, избрав нескольких единомышленных ему братий, поселился в некоей лесной пустыни близ

города Волоколамска, в месте безлюдном и обитаемом лишь дикими зверями. Сие было в 1479 г.

В то время владетелем области Волоколамской был князь Борис Васильевич. Узнав, что в лес его вотчины пришел игумен Иосиф, князь весьма обрадовался, ибо уже давно желал иметь преподобного у себя. Тотчас он отправился к Иосифу и сказал ему: «Во всем тебе необходимом я твой помощник; молю только твою святыню, избери место в моей вотчине, какое захочешь».

Князь дал преподобному ловчего своего, который должен был поискать удобного для обители места. Когда ловчий пошел по приказу преподобного в лес, внезапно поднялся вихрь, ломая деревья. Ловчий в страхе скрылся. Когда же буря перестала, он пошел путем, по которому пронесся вихрь. И лишь только ловчий пришел на место, где ныне стоит обитель, внезапно заблестала молния, сильнее солнечного света, хотя в то время воздух был чист и небо безоблачно; человек тот пришел от страха в испуг и восторг ума. О происшедшем он никому не поведал и только дивился в себе. Но вот игумен Иосиф пришел на то место, и сильно оно ему полюбилось. Тогда ловчий рассказал многим, как здесь молния сияла сильнее солнечного света.

Иосиф и князь послали к епископу, прося благословения строить церковь. Когда святитель прислал благословение свое и антиминос, прп. Иосиф заложил церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы на память преподобного Илариона Далматского и Виссариона. Узнав о сем, приехал к месту закладки храма князь Борис Васильевич со всеми боярами и многими знатными юношами. Прежде всех он и преподобный взяли на свои плечи бревна и положили в основание храм. Видя, как князь трудится для Бога, присутствовавшие там возрадовались, и все от мала до велика, как простые работники, стали трудиться во славу Божию и сносили бревна. Спустя немного времени церковь была совершенно построена и освящена в том же году, августа 15-го дня, на праздник честного Успения Пречистой Богородицы. Затем начали строить келлии и стали собираться братия. Приходили к прп. Иосифу князья и бояре на покаяние, и многие из них постригались, не достигшие же зрелого возраста отдавали себя без рассуждения на послушание и повиновение, на труды и воздержание.

Прп. Иосиф днем трудился с братией, ставя келлии, ночью же пребывал в молитве, не давая себе покоя. Слыша о сих великих трудах преподобного и братии, князь Борис Васильевич стал часто ездить в обитель Пречистой Богородицы, привозя с собою брашна и питье, ибо в обители еще во всем был недостаток, даже хлеба было мало. И здесь обнаружилась любовь иноков к Богу – они отказывались от яств, изнеживающих тело, и питались одним хлебом и простым зелием. Видя сие о Христе собравшееся стадо в таковом воздержании и трудах, Иосиф радовался духом и славил Пречистую Богоматерь, ибо он еще не налагал на братию полного соблюдения закона, а они сами добровольно жили согласно обещанию преподобного пред Богом. Обещание же было таково: все должно быть общим, никому своего не иметь, яства и питье всем поровну, также и одежда и обувь, в келлиях же не пить и не есть, разве лишь по болезни или старости.

Умилительно было видеть подвиги иноков, которые по своему произволению утруждали себя, ночью стоя на молитве, днем же пребывая в трудах. Служили они Богу не как нанятые работники, коих надсмотрщики побуждают к труду, а сами старались превзойти друг друга в иноческих подвигах. И когда кто-нибудь из них брался за тяжелое дело, другие запрещали ему, сами же принимались за труднейшее. Так трудились они, по наказанию и учению Иосифа, в молчании и с молитвой, не взирая на лица друг друга и испуская из очей слезы, не ради людей, но помня час смертный. Самый вид их показывал их покаяние и сокрушение, ибо все они, как иноки из простолюдинов, так и происходившие от княжеского или боярского рода, ходили в лычной обуви и заплатанной одежде. Так же ходил и сам прп. Иосиф, коего по внешнему виду нельзя было отличить от прочей братии. И было правило у тех добровольных Христовых страдальцев, чтобы каждый делал сколько ему по силам, но все по благословению и совету отца Иосифа. От великого усердия во славу

Божью один из них носил на теле под одеждой железную кольчугу, другой – тяжелые железные оковы, причем клали они поклоны числом даже до трех тысяч. О своем теле иноки не заботились, перенося с одинаковым терпением и зной, и стужу. Однажды случилась такая студеная зима, что птицы замерзали, а иноки стояли в холодном храме в летних одеждах.

Видя подвижническое житие братии, преподобный молился, чтобы избегнуть им навета вражия и получить достойное возмездие от Господа. Так имел он попечение не только о теле, но и о душах их. Поздно вечером обходил он келлии и, где слышал братию, беседующую после повечерия, ударял в окно, знаменуя приход свой, а затем отходил. Обходя однажды келлии, преподобный увидел человека, крадущего жито, и тихо подошел к нему. Увидев игумена, человек тот хотел бежать. Но Иосиф подал ему знак, чтобы он не боялся; насыпал сосуд и поднял ему на плечи, заповедав впредь не воровать. «Если же, – сказал преподобный, – у тебя будет в чем недостаток, скажи мне, и я исполню твое желание».

О происшедшем преподобный запретил рассказывать. Но спустя долгое время человек тот не мог сохранить сего в тайне и поведал многим. Однако в то время братия жили в такой безопасности, что у келлий не было замков, и вымытая на реке одежда вешалась иноками для просушки на дворе и не только на день, но и на ночь, так как никто к ней не смел прикоснуться.

И прошла по городу и окрестностям молва об Иосифе, как о муже, отличающемся совершенством иноческого жития и даром духовного красноречия. Бояре, воеводы и воины князя стремились лицедреть преподобного и пользоваться его беседою, побуждавшей к покаянию. Они молили игумена дозволить им исповедовать ему свои тайные помышления и иметь его своим отцом духовным. Многие из вельмож и знатных воинов, повинувшись слову преподобного, переменили свои грубые нравы на кроткие и исправлялись. В них являлось стремление угодить Богу; часто повторяли они заповеди Христовы, пели священные псалмы и читали душеполезные книги, пользуясь толкованиями, которые им давал прп. Иосиф. Тогда вся Волоколамская область склонялась к доброй жизни и наслаждалась тишиною и покоем. Все радовались, и крестьяне получали много облегчений от своих владельцев по внушению прп. Иосифа, ибо он постоянно увещевал владельцев быть снисходительными к своим крестьянам. «Когда, – говорил преподобный, – отягчают пахаря работами для дома своего и делают ему насилие, то вскоре приводят его к бедности. Когда же он обнищает, то будет ли он в силах собрать себе плоды с полей, чтобы заплатить подати, и чем он, сокрушенный нищетою, пропитается с семьею своею? Побуждаемый нуждою, он продаст скот, а продав, чем вспашет поля? Кто бедняку даст семена? Не обратятся ли его поля в пустоши? А когда поля запустеют, то и сам господин понесет убытки за сделанный им крестьянину ущерб. В какой мере кто сделает зло, в такой мере оно и падает на него. Дающий же облегчение крестьянину возделает пустоши свои, распашет поля свои и всегда получит обильные плоды. Пахарь же, пользуясь облегчением, окончит собственные работы, исправно уплатит подати и охотно послужит обогащению господина своего».

Владельцев прп. Иосиф умолял не быть злыми к своим подчиненным, подвластных же учил не быть нерадивыми по отношению к господам своим и платить им доброжелательством за руководство и заботы. Он часто напоминал им слова Писания: Вся убо, елика аще хотите, да творят вам человецы, тако и вы творите им: дайте, и дастся вам: меру добру, наткану и потрясну и преливающуюся дадут на лоно ваше; тою бо мерою, ею же мерите, возмерится вам (Мф. 7, 12; Лк. 6, 38). Часто увещевал преподобный словами свт. Николая: «По страху не делайте зла, не постигнет и вас зло», или же говорил словами апостола, который повелевает «добродетели прилежати, зла же удалятися».

Те, которые с любовью привязывались к прп. Иосифу, к сердцу приняли слова его, стали благословенны и богаты, и у многих пахарей умножились стога на гумнах и хлеб в амбарах. Сколько благодарений ради прп. Иосифа вознеслось к Богу! Для всей той страны Иосиф

был как бы сияющее светило. О нем говорили, что речи его дышат великой благодатью, приятны для слуха и убедительны для воли; говорили, что ко всякому ищущему добродетели он бывал так благосклонен, что хотелось бы всегда находиться при нем и наслаждаться его беседой. Даже имя его произносилось как нечто священное, и дивились, восхваляя жизнь его, как одного из великих преподобных.

Вследствие сего многие ревностно старались подражать житию его, оставляли блага мира сего и, всего отрекшись, приходили к нему на пострижение.

В 1484 г. заложил преподобный каменную церковь, через два года окончил ее построение и поручил расписать ее искуснейшим иконописцам Русской земли. Сел у обители тогда не было. Князь Борис Васильевич часто приезжал ко всенощному бдению и, видя, что братия умножается и пребывает в тяжелых трудах, весьма удивлялся их житию и великому воздержанию.

Видя скудость и недостаток во всем обиходе монастыря, дал он обители Пречистой Богородицы село Очищаево, княгиня же Иулиания дала село Успенское.

Когда преставился благородный и милостивый, христолюбивый и нищелюбивый князь Борис Васильевич, осталось у него два сына, которые видели, как отец их любил обитель Пречистой Богородицы и игумена Иосифа. И вот больше отца своего стали они блюсти сию обитель, часто посещали ее и привозили все необходимое для братии. Один из сих князей, Иоанн, был крестным сыном Иосифа, который принял его от святой купели. Вскоре после смерти отца своего заболел сей князь Иоанн Борисович. Когда он весьма разболелся, то велел отвезти себя в обитель Пречистой Богородицы, к отцу своему крестному, игумену Иосифу. Князь и бояре были в великой скорби, и все плакали, желая за него умереть, лишь бы он выздоровел, так он был любим всеми от мала до велика. Да и как его не любить! Был он государь и правитель, посещение больных и утешение скорбным, одеяние нагим, старым честь и привет молодым. Князя привезли в обитель Пречистой Богородицы и отнесли в келлию. Когда же он изнемог и был без дыхания, князья, бояре и благородные юноши стали издавать вопли, некоторые же из них бились о землю. Услышав сие смятение, сошлась вся братия монастыря. Пришел и игумен Иосиф; он велел прекратить плач и, видя князя без дыхания, спросил: покаялся ли он и причастился ли. Узнав, что князь не покаялся и не причастился, св. Иосиф весьма опечалился, вздыхая и проливая слезы. Затем, выслав всех вон, кроме одного старца, преподобный помолился Господу Богу и Пречистой Его Матери – и тотчас князь очнулся, как бы от сна, сбросил одеяло и стал громко звать отца Иосифа, прося прощение во грехах. Услышав голос князя Иоанна, князья и бояре обратились от скорби к радости. И сказал им прп. Иосиф: «Что вы смутились? Князь немного задремал; глядите, он жив». Они же, видев его ранее мертвым, изумились и, видя его снова живым, воздали славу Богу. И все стали воздавать хвалу Иосифу, говоря: «Твоей молитвой ожил князь». Но преподобный запретил им так говорить, исповедал князя и сподобил причаститься Животворящих Христовых Таин. Князь же, воздав славу Богу и Пречистой Его Матери, возрадовался духовной радостью и благодарил отца Иосифа, говоря ему: «Чем я тебе воздам, отче, помощник души моей, которую ты не допустил до гибели? Бог тебе воздаст за твои труды». И приказал князь: «Если Бог возьмет душу мою, положите здесь мое грешное тело». Монастырю же он велел дать село свое Спасское в Рузском уезде. Распорядившись всем и разделив свое имение, князь предал с миром Господу дух свой. И положили его во святой церкви на правой стороне.

В то время исконный начальник зла, враг и ненавистник рода христианского – диавол – навел жидовина Схарию на новгородских христиан, и после него стали распространять жидовскую ересь ученики его. И возвестил преподобному Иосифу о сем зле архиепископ Новгородский Геннадий (1484–1504). Узнав о сем, отец Иосиф весьма опечалился и, ревнуя о православной вере, стал помогать архиепископу наставлением и писаниями. И вот стараниями архиепископа и прп. Иосифа были созваны Соборы святителей Русской земли (1490, 1504 гг.) на обличение жидовствующих еретиков, кои обвинялись в отвержении христианских догматов и правил, в безбожии, отрицании истинности Божественных книг и

в следовании бесовским обычаям: звездочетству и волхвованию. Обвиняли их также в совращении многих христиан в свою ересь.

Призванный для обличения еретиков, прп. Иосиф воссиял в священном собрании словом и разумом и показал себя доблестным подвижником, опровергая нечестие. Кроме этого, он написал против отступников большую книгу, известную под названием «Просветитель», которую епископы с радостью одобрили, признав благочестивой. Вскоре за тем преподобный еще два раза ездил в Москву на Соборы (1503–1504 гг.) по вопросу о вторично вступающих в брак вдовствующих священнослужителях и о приеме в вотчинное владение отказываемых монастырям сел и деревень. И на этих Соборах преподобный показал глубокое познание в правилах, установленных Вселенскими Соборами и святыми отцами Церкви. Высоко ценя в св. Иосифе глубокое понимание Священного Писания, епископы часто обращались к нему с письмами, предлагая ему на разрешение свои дела. И он усердно исполнял сии поручения и письменно сообщал свое мнение святителям. Особенно любил его и часто советовался с ним владыка Новгородский Геннадий, хотя прп. Иосиф жил от него почти за пятьсот верст. Сей владыка так почитал Иосифа, что сделал его наместником своим над волоколамскими церквами, поручил ему церковные дела и отчислил к монастырю его доходы с церковей города Волоколамска на все время своего епископства.

В одно время постигло Волоколамскую область Божие наказание или, лучше сказать, милость, так как Господь, праведных любя и грешных милуя, приводит их различными путями на покаяние: страну посетил великий голод. Многие оставили свои дома и разошлись по другим городам, иные же пришли к вратам обители прп. Иосифа, вопия от голода. Привратники поведали о сем преподобному. Тот призвал келаря и велел кормить пришедших. А было их семь тысяч, кроме малых детей, среди которых находились и не достигшие трехлетнего возраста. Вскоре келарь пришел к отцу Иосифу и сказал, что нет ржи, так что и братию нечем кормить. Тогда Иосиф велел казначею купить ржи, но тот объявил, что нет денег. Преподобный приказал занять денег на рожь и кормить голодных, ибо еще со времени основания обители было его распоряжение келарю и казначею, чтобы никто из посетителей не уходил из монастыря ненакормленным, хотя бы он жил неподалеку.

Видя сие, некоторые из братии стали роптать, говоря: «Как столько народа накормить? Такое милосердие безрассудно; игумен нас уморит голодом и их не накормит». Услышав ропот, преподобный отец сказал: «Писано, братие, в Божественном Писании, что всякому любящему Бога и чающему воздаяния будущих благ подобает «радоваться с радующимися, и плакать с плачущими» (Рим. 12, 15). И ныне, братия, постигло нашу страну посещение Божие или, лучше сказать, милость, приводя заблудших к покаянию. Смотрите: весь этот народ не различных брашен, а лишь куска хлеба желает, ради этого они оставили дома свои и скитаются по чужим местам с женами и детьми. Мы же, обещавшие терпеть всякую скорбь Царствия ради Небесного, ныне немилостивы к несчастным. Молю вас, братие, потерпим немного, а в чем согрешили, покаемся, и Бог не оставит нас».

Слушая такие слова, братия почитали их исходящими как бы от Бога, а не от человека, и каждый из них, придя в свою келлию, со слезами молился Господу, чтобы укротил Он гнев свой и призрел на нищих и алчущих.

Сам же преподобный, видя нестерпимую скорбь, также молился со слезами, чтобы Создатель призрел на создание Свое и явил милость Свою.

И вот внезапно прибыл в обитель Пречистой Богородицы державный и милостивый великий князь московский Василий Иоаннович (1505–1533) с великой верой и любовью и пожаловал братию многими брашнами, которые привез с собою. Узнав, что прп. Иосиф кормит столько народа, занимая для сего у других и покупая, державный государь тотчас повелел из сел своих привезти ржи и овса, сколько необходимо. И сказал он Иосифу: «Если сего не хватит, вели взять из села моего, сколько тебе нужно».

Узнав о сем, стали присылать милостыню и удельные князья и другие многие христороубы. И милостью Бога и Пречистой Его Матери появилось изобилие во всем. Лето случилось плодородное, и терпевшие голод разошлись из монастыря и поселились в своих прежних домах, благодаря Бога и отца Иосифа.

Видя, что братия умножается, преподобный написал им устав о благочинии церковном и монастырском и о всех службах обители. Удрученный многими подвигами и склоняясь под бременем глубокой старости, прп. Иосиф позаботился, чтобы и после его смерти сохранилось в монастыре устроенное им благочиние. Посему написал он христороубному самодержцу всея России Василию Иоанновичу послание, в коем просил его взять монастырь Пречистой Богородицы на его, государево, попечение, не посылать в обитель игумена из другого монастыря, не по мысли братии, и следить за верностью иноков преданному им уставу. «Уже, государь, с одра встать не могу, – писал Иосиф, – не могу и в церковь дойти, нет у меня сил управлять братиею ни телесно, ни духовно».

Прочитав это послание, государь Василий Иоаннович был весьма им опечален. Во исполнение же завета преподобного стал он заботиться о монастыре как при жизни Иосифа, так и по его кончине.

Немощь все более и более овладевала престарелым игуменом, и, наконец, он лишился зрения, подобно патриарху Исааку, но внутренние очи его и тогда оставались по-прежнему ясными. Так, случалось, прикажет он брату иноку прочесть что-нибудь из книг Божественного Писания, инок же, по незнанию, нескоро находил в книге указанное для чтение место; тогда прп. Иосиф повелевал подать ему книгу и, разогнув ее, сразу находил требуемое место.

Прозревая близость отхождения своего к Господу, преподобный призвал к себе старцев обители и сказал им: «Братия о Христе! Немощь мою вы и сами видите, преходят лета мои, и день склоняется к вечеру, предвещая мне смерть; посему изберите себе игумена по совету своему и по обычаю монастырскому». Братия со слезами отвечали: «Господин, отец и пастырь наш, ты сам ведаешь, кто достоин сего великого дела». Но преподобный настоял, чтобы они указали ему достойнейшего по избранию своему. И вот избрали они старца, любившего нищету и пребывавшего в трудах, посте и молитвах, по имени Даниил. И по повелению государя Даниил поставлен был во игумена митрополитом Варлаамом (1511–1521). Преподобный часто призывал Даниила к себе, учил, как иметь попечение о братии, братии же приказал обращаться за духовным руководством к Даниилу. Затем прп. Иосиф сам возложил на себя схиму, причастился Святых Христовых Таин и велел никого не пускать к себе, разве только по крайней необходимости. Чувствуя полное изнеможение, он еще раз причастился Божественных Таин. Братия ко всякой службе церковной носила его, полагая в укромном месте храма, ибо он уже не мог сидеть.

В 9-й день месяца сентября, на память святых праведных богоотцев Иоакима и Анны, в воскресенье, после келейной утрени, в то самое время, когда вся братия, находившаяся в церкви, воспевала исходную песнь «Святый Боже», в четыре часа утра прп. Иосиф перекрестил лице свое, вздохнул три раза, как бы исповедуя Святую Троицу: Отца, и Сына, и Святого Духа, и отошел ко Господу († 1515). Всех лет жизни прп. Иосифа было 76, в мире прожил он 20 лет, в иноческом послушании у прп. Пафнутия – 18 лет, в игуменстве: в Боровском монастыре – 2 года, в обители Пречистой Богородицы – 36 лет.

На погребение почившего прибыл Пешношский игумен Вассиан, дядя прп. Иосифа, и похоронил его. Он утешал осиротелых иноков, хотя и сам не мог удержаться от рыданий и слез. Оплавав достойно кончину преподобного, он обратился к инокам со словами утешения и упования, что прп. Иосиф не забудет их в своих молитвах. «Так как он человек, – говорил Вассиан, – то необходимо было ему исполнить человеческий долг: вкусить смерть и труд сменить покоем, ибо много потрудился прп. Иосиф и у отца Пафнутия, и у отца Кирилла, и в своей обители, подвизался на Соборах среди епископов против вероотступников, участвовал и в других делах на пользу Церкви. Посему, отшедши к Богу, он соберет плоды многих и долгих трудов своих; эти плоды – братские подвиги

воспитанных им иноков. Он не забудет своих учеников, но будет помянуть их как любезных детей своих. Они же, подражая житию отца своего и по исполнении времени отшедши к нему, удостоятся вместе с ним милости Христа Бога нашего, Ему же подобает всякая слава, честь и поклонение во веки веков».

Местное празднование прп. Иосифу установлено в 1578 г. и подтверждено в 1589 г. Общецерковное празднование установлено 1 июня 1591 г. Мощи преподобного почивали под спудом в соборной церкви его обители.

профессор Сергей Иванович Смирнов. Жития русских святых

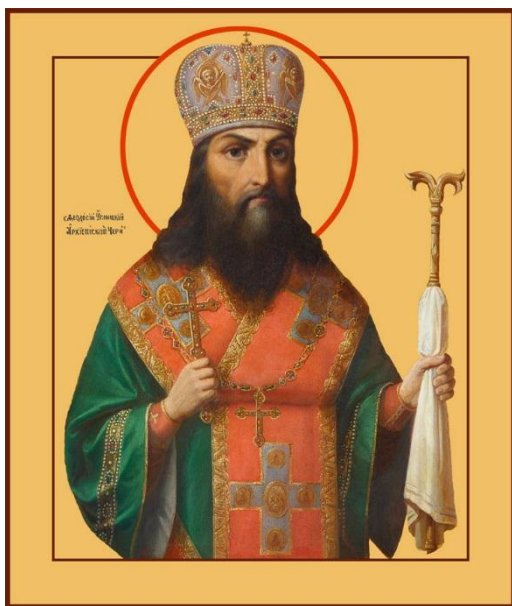
Тропарь преподобного Иосифа, глас 5

Яко постников удобрение/ и отцев красоту,/ милости подателя,/ разсуждения светильника,/ вси вернии, сошедшися, восхвалим/ кротости учителя/ и ересей посрамителя,/ премудраго Иосифа,/ российскую звезду,/ молящся Господу// помиловаться душам нашим.

Кондак преподобного Иосифа, глас 8

Жития треволнения, и мятеж мирский,/ и страстная възгнания в ничтоже вменив,/ пустынный гражданин показался еси,/ многих быв наставник, Иосифе преподобне,/ монахов собратель и молебник верен, чистоты рачитель,// моли Христа Бога спастися душам нашим.

Святитель Феодосий, архиепископ Черниговский

Дни памяти

18 февраля

22 сентября - Обретение и перенесение мощей

Свт. Феодосий, архиепископ Черниговский (1630-е – 1696), происходил из дворянского рода. Образование получил в Киево-Братской коллегии. Принял монашество в Киево-Печерской лавре. Был игуменом Киево-Выдубицкого монастыря, который восстановил после униатского разорения. С 1688 года – архимандрит Черниговского Елецкого монастыря. В 1692 году хиротонисан во архиепископа Черниговского. Проявил себя как мудрый архипастырь, ревнитель православия и устроитель монастырей. Особое внимание уделял духовному образованию и поддержанию благочестия. Скончался в 1696 году. Прославлен в лике святых в 1896 году.

Имя святителя Феодосия стоит в ряду тех лиц и имен, кои являются украшением и славой всей Церкви Российской. Святитель Феодосий был одним из тех деятелей, которые, «не высокая мудрствующе, но ведущеся смиренными» (Рим.12:16), успевают сделать и для общественного блага не менее, чем великие и сильные мира сего.

Феодосий родился в конце 30-х годов XVII века в Малороссии, в благочестивой дворянской семье. Отрок воспитывается сначала дома своими родителями в страхе Божиим

и христианском благочестии, а затем в Киевской Братской Богоявленной школе (в стенах Киевского Братского монастыря на Подоле, впоследствии Киевская Духовная Академия). Начальником и руководителем Киевской Братской школы в то время был «великий столп церковный», архиепископ Черниговский Лазарь Баранович (1650–1657 гг.), к которому на всю жизнь свою св. Феодосий сохранил чувства сыновнего почтения. К воспитавшей его школе святитель на всю жизнь свою сохранил глубокую признательность, что и выразил своими благотворениями Киевскому Братскому монастырю. Память о такой благотворительности его сохранил для нас синодик Киевского Выдубицкого монастыря, где сказано о св. Феодосии, что он был муж «благоразумен и благотворящ Киевскому Братскому монастырю».

По окончании учения св. Феодосий всю свою жизнь решил посвятить Богу. И благочестивый пример родителей, и назидательное руководство знаменитого учителя, и святость самого места воспитания – всё это содействовало укреплению будущего святителя в желании доброго жития. Были и другие события, не прошедшие бесследно в его жизни и определившие по воле Божией жребий его на земле. Несогласия, нестроения, которые он видел в это время и среди властей своей родины, и среди даже их духовных руководителей, побудили его взять на себя благое иго иноческого подвига; стать в одежде воина Христова на страже Церкви Христовой и ратовать с видимыми и невидимыми врагами ее.

Когда и где принял иночество св. Феодосий, точно неизвестно. Несомненно только, что это было еще до 1651 года, когда Киевским митрополитом был Дионисий (Балабан), и совершилось под влиянием Лазаря Барановича. Преосвященный Лазарь в одном из писем своих называет святителя Феодосия «овцою Христова стада, научавшеюся покорности у покорного барана», т. е. самого Лазаря. Св. Феодосий дает высший обет послушания в иноческом сане.

Вскоре по принятии им иночества еще он многократно трудился некоторое время в звании архидиакона Киево-Софийского собора и наместника митрополичьего кафедрального дома.

Киев и Малороссия в это время испытывали большие бедствия от смут, которые произведены были противниками Богдана Хмельницкого, противниками соединения Малой России с Москвой. К несчастью, в этих смутах приняли самое деятельное участие и высшие духовные лица того времени. Сам митрополит Дионисий Балабан перешел на сторону поляков, и временным блюстителем Киевской митрополии назначен был Черниговский архиепископ Лазарь Баранович (в октябре 1659 года – здесь и далее даты указаны по ст. ст.).

В это время св. Феодосий был уже в звании иеромонаха Крупицкого Батуринского монастыря, в епархии Лазаря. Очевидно, первые подвиги иноческого жития св. Феодосием совершаются под надзором и руководством преосвященного Лазаря. Св. Феодосий не идет за Дионисием к врагам православной веры и народности, а следует за своим учителем, который хорошо понимал, что Малороссия может быть счастлива только под защитой православного русского царя.

Скоро на святого Феодосия возлагается обязанность высшая – руководить другими в подвигах иночества. В 1662 году он уже, как свидетельствует местная Черниговская летопись, состоит в звании игумена Корсунского монастыря. В следующем, 1663 году, по смерти митрополита Дионисия, в мае был избран духовенством Польской Украины на Киевскую митрополитию епископ Иосиф (Нелюбович-Тукальский). Избрание состоялось в Корсуне (ныне г. Корсунь-Шевченковский Черкасской обл.); очень вероятно, что Корсунский монастырь, управляемый тогда Феодосием, и был местом избрания нового митрополита.

Как отнесся к этому избранию св. Феодосий?

Новоизбранный митрополит, «православия преславный ревнитель, веры святыя восточныя столп непоколебимый» (так его называет известный писатель того времени печерский архимандрит Иннокентий Гизель) своею первоначальною деятельностью в

защиту в Литве православия снискал себе общее сочувствие православных малороссов. Но его политические убеждения не согласны были с убеждениями Лазаря, и московское правительство не согласилось признать его в звании митрополита. Св. Феодосий предвидел это и, зная, что избрание его породит новые смуты и раздоры, своего согласия, которое могло выразиться подписью на избирательном акте, не изъявил.

Несколько позже, состоя уже игуменом Выдубицкого монастыря, в оправдание свое по поводу доноса, сделанного на него епископом Мефодием (Филимоновичем), добивавшимся митрополичьего звания, писал киевскому воеводе: «К Тукальскому хотя я и писал, (но) яко к архиерею, а не (как) митрополиту писал, не именовал его пастырем своим и благословения от него не просил есмь ни на какие дела».

В 1664 г. св. Феодосий назначается игуменом Киевского Выдубицкого монастыря. Сохранилось несколько сведений о деятельности св. Феодосия как игумена Выдубицкого, свидетельствующих о его попечительности и ревности по устройству дел обители. Выдубицкий монастырь неоднократно был в руках униатов. Естественно, что от этого существовали различного рода нестроения, расстройство внутренних порядков жизни монастырской и внешнего материального благосостояния обители. Устроив внутреннюю жизнь обители в духе строгого православия, св. Феодосий с большою ревностью и усердием взялся за устройство внешнего ее благополучия. И благодаря заботам св. Феодосия получается гетманский универсал, которым утверждаются за монастырем значительные поместья.

Ревностная заботливость о нуждах обители вооружила против него иноков соседней Киево-Печерской Лавры. Печерский архимандрит Иннокентий (Гизель) вследствие наветов некоторых монастырских управителей жаловался даже на него местоблюстителю митрополии Лазарю, который по этому поводу и пишет своему бывшему ученику увещательные письма. Не без скорби видит святитель неудовольствие своего учителя и безропотно переносит испытание, посланное ему Богом, верно исполняя свой долг. Но Промысл Божий устрояет всё к лучшему. Оправдав себя во мнении своего учителя, св. Феодосий еще более сблизился с ним. Сам Лазарь обращает теперь особенное внимание на высокие качества его души и в письме своем к нему в пророческом духе изъявляет Феодосию свое желание, чтобы имя его было написано на небесах.

Любовь и доверие к св. Феодосию владыки Черниговского всё более крепнут и выражаются в том, что св. Феодосий назначается его наместником по управлению делами Киевской митрополии. Вместе с тем на св. Феодосия обращается всеобщее внимание как на человека высоких совершенств. Именитыми людьми, духовными и светскими, с этого времени возлагаются на него самые серьезные поручения в том убеждении, что он с честью и славой для себя и пользою для самого дела выполнит их. С этого же времени замечается общее желание видеть его на одном из лучших мест, где бы он был истинным светильником горящим и светящим (Ин.5:35).

С 1685 года имя его делается известным в далекой Москве. На него, как на «заслуженного малороссийской церкви», возлагается обязанность (совместно с Переяславским игуменом Иеронимом) представить в Москве государям (Иоанну и Петру Алексеевичам) и патриарху прошения от гетмана, малороссийского духовенства и войскового старшины об утверждении в звании Киевского митрополита Луцкого епископа Гedeона-Святополка, князя Четвертинского. Посольство увенчалось успехом. Св. Феодосий как благопопечительный игумен, исполняя возложенное на него поручение, ходатайствует в Москве об удовлетворении нужд своей обители.

В 1687 году умирает Елецкий (Свято-Успенский Елецкий мужской монастырь г. Чернигова; престол Св. Успенского собора обители находится на месте явления в 1060 г. (18 февраля н. ст.) Елецкой чудотворной иконы Пресвятой Богородицы) архимандрит Иоанникий Голятовский, и по желанию преосвященного Лазаря на его место назначается, после 24-летнего управления Выдубицким монастырем, св. Феодосий. Назначая св. Феодосия архимандритом Елецким, преосвященный Лазарь желает иметь ближе к себе

своего ученика и делает его своим помощником, возлагая на него различные дела по управлению епархией. С этого времени св. Феодосий делается, так сказать, правою рукою своего архиепископа и принимает участие во всех выдающихся церковных событиях того времени.

К этому времени делаются особенно обостренными отношения между представителями Велико-русской Московской и Южно-Русской Киевской церковью. В Москве смотрят подозрительно на Киев и всю Южную Русь, готовы обвинить духовных руководителей ее в приверженности к католичеству и во всяких ересьях.

С начала XVII столетия, особенно же со времени присоединения Малороссии к Москве, проникает в Москву из Киева и вообще из Западной и Южной России много выходцев для занятий разных духовных и гражданских должностей. Некоторые из них являются даже учителями юношества и руководителями просвещения. На таких выходцев высшие духовные лица в Москве смотрели довольно неприязненно. Еще с первой четверти XVII века известный исторический деятель, келарь Авраамий Палицын, писал: «Пришельцы из Северских и польских городов навывкли от многих еретиков, в Украине живущих, их злым нравом и обычаем и в их веру еретическую мнози приступивше от неведения и во всем с ними закон держаша» (Сказание об осаде Троицкого монастыря, С. 45). Странными и еретическими казались Москве многие церковные обряды и обычаи киевские. Ревнителей московской старины смущала разница строя московской и малорусской жизни и сильная польская окраска последней. Смущало и то, что православные южнорусские архипастыри получали свое образование в западных иезуитских школах. И некоторые из иерархов иногда действительно высказывали частные мнения не в строго православном духе.

И вот вскоре после того, как св. Феодосий стал архимандритом Елецкого монастыря, в Чернигове получается грамота патриарха Иоакима (29 марта 1688 г.) на имя преосвященного Лазаря. Целью грамоты было «известитися, аще (православные южной России) во всем согласны суть святей восточней церкви». В грамоте затронут был собственно один важный по тому времени вопрос: какого мнения преосвященный Лазарь о Флорентийском соборе, «коея ради вины оный собор бысть и каковым обычаем начася», - писалось в грамоте. В таком же смысле была патриаршая грамота и Киевскому митрополиту Гedeону.

В Киеве для ответа патриарху созывается собор из представителей высшего духовенства, и одному из участников его, игумену Кирилловского монастыря, дается поручение списаться с Черниговским архимандритом Феодосием (Углицким), чтобы узнать мнение Черниговского архипастыря, столпа церковного, по данному вопросу.

Св. Феодосий в своем ответе исполняет обращенную к нему просьбу и вместе с тем по поручению и просьбе православных участников собора составляет ответную патриарху грамоту, «доводне показуючи, (что) не имеет быти той собор (Флорен.) законным каноническим собором» и проч. Строго православный взгляд Черниговского архиепископа и его ближайшего сотрудника должен был служить оправданием для всей Южно-Русской церкви. Но в Москве пока не удовлетворяются ни ответной грамотой митрополита (составленной Феодосием), ни ответной грамотой преосвященного Лазаря. В сентябре 1688 года и в марте 1689 года получается еще две грамоты, в которых патриарх Иоаким предлагает православным малороссам изложить свое мнение о времени пресуществления Св. Даров.

Ответ на первую из них преосвященный Лазарь посылает (4 февраля 1689 года) со своим архимандритом Феодосием Углицким. Здесь преосвященный Лазарь, высказывая свой православный взгляд по данному вопросу, выражает в то же время полную готовность «поучитися от всесвятейшего патриарха» и обещает «послушание церкви Божией и вере святой». Важность поручения, возложенного на св. Феодосия, очевидна. Он должен был изустно выяснить в Москве те неясности, которые были причиною недоразумения между Москвой и Киевом. Вместе с тем поручение, данное св. Феодосию, должно было указать на него как на лицо особенно доверенное, заслуживающее особенного внимания со стороны

патриарха и московского правительства. Преосвященный Лазарь намеренно выдвигает своего достойного сотрудника, чтобы он стал известен в Москве как достойнейший к занятию высшей духовной должности.

В 1690 году умирает митрополит Гедеон, и архимандрит Феодосий представляется в числе других лиц как достойный высокого звания – Киевского митрополита. По избрании на этот высокий пост Печерского архимандрита Варлаама (Ясинского), св. Феодосий представляется также и на его место. Но Промысл Божий судил иначе. Св. Феодосию готовится Господом высокое положение в Чернигов. Здесь-то он, по воле Божией, и должен был светить светом своих добродетелей и предстательствовать за врученную ему Богом паству, и не при жизни своей только, в бескровной жертве Господу, но и по смерти, как избранный раб Божий, вошедший в радость Господа своего.

Когда св. Феодосий был поставлен Елецким архимандритом, Лазарю в это время было уже около 70 лет, – годы преклонные, особенно для человека такой трудовой жизни и разнообразной деятельности, какую вел преосвященный Лазарь. Удрученный годами престарелый иерарх обращается к Московскому патриарху с просьбой об утверждении архимандрита Феодосия помощником своим по управлению епархией.

Феодосий уже известен был в Москве как высоко преосвященный и благопечительный сотрудник своего архиепископа; слава о его добродетельной жизни также достигла до Москвы, и патриарх, соглашаясь исполнить просьбу Лазаря, в ответной грамоте ему вот какое мнение высказывает о достоинствах св. Феодосия: «Мы слышали о добродетельной жизни архимандрита Феодосия и о том, что, по управлению епархией Черниговской, он способный и послушный помощник преосвященному архиепископу Лазарю, уже исполненному дней, опытный в делах и в отношении нашей верности возлюбленный сын. Потому верность наша благословляет его, архимандрита, имеет попечение о том, дабы все дела, поручаемые ему архиепископом, исполнять благочестиво, о имени Господа и угождать архиепископу, как старцу, в духе послушания Христова. Если, творя доброе, окажется он терпеливым в перенесении скорбей случайных и в исполнении должности явится непорочным, то, когда угодно будет Богу, получит и высшее достоинство после архиепископа». Нужно ли говорить о том, что святитель вполне оправдал те ожидания, которые высказываются в грамоте патриарха.

Но св. Феодосий, состоя сотрудник и помощником преосвященного Лазаря, не оставляет и своих прежних обязанностей. С усердием заботится он о благосостоянии своей обители, которая и обогащается значительным даром гетмана, подарившего обители село Мощонку в виде особенного исключения, сделанного из уважения к высоким достоинствам Елецкого архимандрита.

В 1692 году преосвященный Лазарь пожелал еще при жизни своей видеть своего помощника в высшем святительском сане, чтобы он мог вполне помогать ему при жизни и быть достойным ему преемником по его смерти. В то время существовал в Малороссии обычай поставлять известное лицо в сан святительский не иначе, как с согласия на то представителей духовенства и именитых людей, входивших в состав его будущей паствы. По предложению гетмана все единогласно выразили желание видеть Феодосия в сане святительском.

От лица народа было послано преосвященным Лазарем и гетманом прошение о нем царю (Петру I) и патриарху. В этом прошении они указывали на высокие достоинства будущего святителя. «Пречестный архимандрит, – писали они, – муж благий, украшенный добродетелями монашеской жизни, которую ведет с молодых лет, опытен в управлении монастырями, исполнен страха Божия и духовной опытности, просвещен, весьма усерден к церковному благолепию, способен управлять домом кафедры и епархией Черниговскою».

11 сентября 1692 г. св. Феодосий, вручив клятвенное обещание, собственноручно подписанное, «Господину святейшему кир Адриану, архиепископу Московскому и всея России и всех северных стран патриарху», был наречен архиепископом Чернигова и Новгородка (Новгород-Северска), а 13 сентября был посвящен в святительский сан.

По рукоположении святитель Феодосий просил царя в подтверждение его святительских прав дать ему царскую наместительную грамоту, которая и была выдана ему 28 сентября за подписью думного дьяка. В этой грамоте, подтверждающей права Черниговских архиепископов, предоставляется св. Феодосию право первенства между российскими иерархами, согласно данному при наречении клятвенному обещанию, указывается ему зависимость не от Киевского митрополита, а от Московского патриарха. Как первенствующий между российскими иерархами, новый Черниговский святитель получает право совершать богослужение в саккосе.

Около трех месяцев пробыл святитель Феодосий в Москве.

Возвратившись в Чернигов, он управляет делами епархии, не оставляя и управления Елецким монастырем: состоит он «коадьютором» Черниговского архиепископа и вместе с тем архимандритом Елецкого монастыря.

По-прежнему и до конца дней преосвященного Лазаря, св. Феодосий сохраняет сыновнее почтение к покровителю своему и учителю.

Но недолго черниговская паства утешалась духовной радостью видеть предстоящими у Престола Божия двух святителей. 3 сентября 1693 года мирно отошел к Господу 73-х летний старец преосвященный Лазарь, этот, по словам царя Алексея Михайловича, «радетельный о благе святой церкви пастырь». Кончина его произвела глубокую скорбь во всей многочисленной пастве и особенно в любившем его, как сын отца своего, святителе Феодосии. Все спешили отдать почившему последний долг молитвами у его гроба. Трогательный чин погребения совершил над ним святитель Феодосий с сонмом черниговского и прибывшего из других мест духовенства. Святитель Феодосий послал в Москву к царю и патриарху иеромонаха Пахомия с известием о печальном событии, постигшем Черниговскую епархию. Послал царю донесение также и гетман. В нем он изъяснял перед царем свою скорбь о потере, постигшей Чернигов, и вместе с тем высказывал утешение, что почившему Лазарю наследует достойный архиерей, который «своими добротами может украсить Церковь».

И царь, и патриарх почтили св. Феодосия своими грамотами, обещая ему свои милости. Вместе с тем ему через иеромонаха Пахомия была послана ставленная грамота и патриаршее наставление устроить дела во спасение паствы.

Святитель Феодосий в сердце своем запечатлел благочестивые наставления святейшего патриарха и во всё время своей жизни стремился к тому, чтобы осуществить их на деле. Еще в сане игумена и архимандрита он явил особую доброту души своей, чем привлек к себе всеобщую любовь и благорасположение. Еще в сане игумена он прилагал особенные заботы о спасении вверенных ему чад, заботясь о построении святых обителей (например, в 1680 году на земле, принадлежавшей Выдубицкому монастырю, близ города Мозыря устроил скит). Теперь же круг деятельности его еще более расширился. Он особенно заботился во вверенной ему пастве развить горячую любовь к Богу и ревность о спасении душ, которою горела святая душа его. Руководя всех ко спасению и за всех предстательствуя пред Престолом Всевышнего, он особенно заботится о развитии жизни подвижнической. Он не только поддерживает существующие монастыри и благоустраивает их, но и старается об учреждении новых обителей.

Так, 11 октября 1693 года он дает одной благородной вдове, Марии Сулимовой, свой пастырский лист, которым благословляется учреждение женского Печеницкого монастыря. В следующем году по благословению св. Феодосия основывается еще один монастырь в двух верстах от Любеча, родины преподобного Антония, учредителя монашеского жития на Руси.

Осталось также от времени управления св. Феодосием Черниговской епархией несколько письменных известий, из которых видна его заботливость о благосостоянии своих пасомых. Из этих известий видно, что св. Феодосий был пастырь ревностный, в высшей степени справедливый и миролюбивый, любвеобильный и нежный в родственной среде, чрезвычайно внимательный и к нуждам других. Слава о нем пронеслась далеко за

пределы его паствы. В самой Москве имя его произносилось с особым уважением. Сам патриарх в служении св. Феодосия в церкви Черниговской видел особый Промысл Божий, благотворящий черниговской пастве. Еще при жизни его шли к нему из далеких мест люди, обездоленные судьбою, истомленные борьбою с житейскими невзгодами, и святитель Божий оказывал им свое покровительство и защиту.

Так, в 1694 г. некто Доминик Полубенский (католик) обращается к нему письменно с просьбой помочь ему перейти в подданство царей московских, чтобы иметь затем возможность обратиться к дедовской православной вере своих предков. Святитель оказал ему полное свое содействие, и Полубенский стал православным и подданным Русского государства. Вот и всё, или почти всё, что современниками оставлено для нас о святителе Феодосие.

1696 год был последним годом земной жизни святителя. Мирно почив о Господе, святитель возлег своим нетленным телом у входа своего кафедрального храма (Прим.: в то время – Борисоглебский собор), на страже вечного спасения своей паствы.

Святитель Феодосий, пастырь при жизни своей, по блаженном преставлении своем не только не оставил своей паствы, но, как истинный угодник Божий, стал небесным покровителем ее в обильных чудесных исцелениях, низводя благодать Божию на всех, с верою притекающих к нему.

Двести лет почивали в пещере Борисоглебского Черниговского собора нетленные мощи святителя. Общее убеждение православной паствы его давно видело в них великую святыню не Чернигова только, но и всей земли Русской, а в самом святителе с первых дней по преставлении его видело угодника Божия, преудобренного архиерея, яко Ангела восхищенна на небо, в Серафимской пастве пребывающего. Из разных весьма отдаленных мест стекались к нему богомольцы с упованием на молитвенное ходатайство его пред Богом.

Двухсотлетний период со дня блаженной кончины святителя богат многочисленными и многообразными знамениями и чудесами, которыми сам Господь засвидетельствовал святость мощей своего угодника: исцеления расслабленных, глухих, немых, слепых, есть такие, относительно которых даже иноверцы и инославные, с презрением ко всему православному относящиеся, прямо говорили: это истинное чудо.

Многочисленные проявления милости Божией в чудесных исцелениях по молитвенном призывании благодатной помощи святителя Феодосия, из которых многие, совершившиеся в близкое к нам время, тщательно, по поручению Св. Синода, обследованы, а также сохранение нетленным тела его, послужили основанием горячо желанному и давножданному определению Св. Синода: «Во блаженной памяти почившего Феодосия, архиепископа Черниговскаго, причислить к лику святых, благодатию Божиею православленных, и нетленное тело его признать святыми мощами. Память святителя праздновать 5 февраля и в день открытия мощей святителя (Прим.: т.е. соответственно 18 февраля и 22 сентября н. ст.), а для торжества открытия мощей святителя, во исполнение ВЫСОЧАЙШЕЙ воли Государя Императора НИКОЛАЯ II, назначить 9 день сентября текущего 1896 года». (Прим.: Святитель Феодосий Черниговский был первым святым, прославленным в царствование царя-страстотерпца Николая II).

Дивное торжество это совершилось, и ознаменовано было оно новыми чудесами от мощей св. угодника Божия. И теперь Господь Бог, дивный во святых Своих, неоскудеваемо и преизобильно творит чудеса и являет благодеяния предстательством святителя Феодосия с верою притекающим к его святым мощам в тяжких и неизлечимых болезнях, в трудных обстоятельствах жизни, в душевных скорбях и нуждах житейских.

С разных концов шлет Святая Русь чад своих в старинный наш Чернигов. Отныне он славен не только славною стариною своею, но и своею великою святынею для Святой Руси – мощами святителя Феодосия, Черниговского чудотворца.

Цитируется по книге: «Картины церковной жизни Черниговской Епархии из IX вековой ея истории», ФЛГ «С. В. Кульженко», Киев, 1911 г.

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/sv-feodosij-chernigovskij>

Тропарь святителя Феодосия, архиепископа Черниговского, глас 4

Преудобрен во архиереех, святителю Феодосие,/ был еси светило своему стаду,/ таже преставился еси в вечныя Обители./ Умоли у Престола Царя Славы избавитися нам от находящихся на ны зол/ и спастися душам нашим, святе, молитвами твоими.

Кондак святителя Феодосия, архиепископа Черниговского, глас 4

Пастырей Начальнику Христу трудился еси,/ святителю Феодосие,/ на пажити духовней словесныя твоя овцы питая,/ и целебен дар от Христа Спаса приял еси,/ во еже немощи душевныя и телесныя целити всех,/ с верою к тебе приходящих./ Темже и ныне, святе, молися,/ всем, имя твое призывающим,/ от наветов вражиих спастися/ и помиловатися душам нашим.

Глинские святые

Тропарь, глас 4

Преподобнии и богоноснии отцы наши Глинстии,/ ученьми древних отцев старчество в обители утвердившии,/ молитвою, кротостию, постом и смирением/ с послушанием любовь Христову стяжавшии:/ во дни гонения в разсеянии за веру православную,/ яко звезды на небесех всю Вселенную просветившии/ и ко Христу приведшии./ Молитесь ко Господу// помиловати и спасти души наша

Преподобный Василий (Кишкин), иеросхимонах

Прп. Василий (Кишкин, 1745–1831) – русский подвижник, ученик свт. Тихона Задонского. Прошел путь от послушника Саровской пустыни до старца-духовника. Подвизался в Коренской, Белобережской и Глинской пустынях, где ввел строгий афонский устав и практику непрерывной Иисусовой молитвы. Много лет провел в странствиях, основывая и устроая монастыри. Обладал даром прозорливости и чудотворений. Скончался в Пловчанской пустыни, где его мощи были обреты в 2002 году. Канонизирован в 2017 году.

Иеромонах Василий (в миру – Владимир Тимофеевич Кишкин) родился в 1745 году в деревне Ключниково Фатежского уезда Курской губернии в дворянской семье.

Когда исполнилось ему было 7 лет, он, размышляя о слышанных им словах псалмопевца Давида о чистоте сердца и желая осуществить их на самом деле, решил оставить родительский дом и для спасения души идти в монастырь. Пошел он в Саровский монастырь и остался там на послушании. После четырехлетнего пребывания в Саровской обители, Владимир отпросился у игумена в Киев на богомолье к святыням. Прожив некоторое время в Киево-Печерской лавре, он часто посещал Св. Пещеры, с усердной молитвой и слезами припадая к св. мощам угодников Божиих, умоляя их благословить его намерение и наставить на путь спасительный. Обходя и отцов, там подвизавшихся, просил наставлений и указания места ко спасению.

Некто старец, провидя в нем доброго подвижника Христова, повелел ему идти в Миропольскую обитель; «место сие будет тебе во спасение», – сказал он. Владимир отправился в Миропольскую обитель, где, прожив три года, за свое самоотвержение и примерную жизнь, был пострижен в Ангельский образ, с именем Василий. После сего молодой инок Василий подвизался здесь до упразднения Екатериной II некоторых монастырей, из коих упразднили и Миропольский монастырь. Тогда инок Василий, с благословения своего старца, переселился в Коренскую (Коренную) пустынь Курской губернии. Здесь Василий жил долго. Проходил подвижничество внимательное жительство, занимаясь умным деланием и принося пользу братии и всем притекавшим к дверям его кельи и давал духовные советы и наставления. Часто посещая Задонский монастырь, он сделался собеседником святителю Тихону Задонскому, а потом был его ученик. Святитель наставлял его противоборству страстям и преподавал ему просвещение духовного разума. Главным сокровищем, полученным им от святителя, была наука стяжания непрерывной Иисусовой молитвы.

Смиренный подвижник, Василий, видя себя почитаемым и славимым от людей, сильно тяготился посетителями, число которых все более и более умножалось. Он решил оставить это место и отправился на Афонскую гору, где стал жить в Ильинском скиту с учениками, и стяжал там всеобщую любовь и уважение. Однако вскоре, спасаясь от угрозы со стороны турок, он с учениками отправился в Молдавию. По прибытии своем в Нямецкий монастырь, старца Паисия в живых не застал – тот скончался в 1794 году. Пожив здесь несколько времени, он отправился в свою Коренскую пустынь.

Пребывая в Коренской обители и ревнуя великим образцам подвижничества, о. Василий явил себя достойным быть примером для братии и других. Слава о его высоких качествах и добродетелях скоро достигла отдаленнейших мест и привлекла к нему для купножительства немалое число других иноков и мирских людей, искавших своего спасения.

В начале 1800 года о. Василий переселился в Белобережскую пустынь. На следующий год он был рукоположен в сан иеромонаха. Ему удалось в короткое время восстановить свою обитель, так что в течение трех месяцев число братии увеличилось до 60-ти человек. Из Коренской пустыни прибыл сюда иеромонах Серафим, ученик о. Василия, и о. Леонид (Оптинского монастыря), тоже ученик о. Василия, постриженный им же в 1801 году. Словом, обитель быстро сделалась известною далеко за пределами губернии и привлекла к

себе уважаемых и чтимых по жизни старцев: иеромонаха Клеопу и схимонаха Феодора, учеников известного Паисия Величковского, проживавших с ним долгое время в монастыре Нямецком (Молдавии). Они перенесли сюда и устав того монастыря, касающийся общежития и службы, который был введен и упрочен, строителями Василием и Леонидом. Именно здесь отец Василий впервые ввел ежедневное откровение помыслов для всех монашествующих и беспрекословное подчинение воле старца, с включением обязательного освоения непрерывной молитвы. Многие ученики отца Василия в дальнейшем стали настоятелями других обителей, неся и распространяя далее свет учения преподобного Паисия (Величковского).

Попечение о. Василия о внешнем благосостоянии Белобережской пустыни несколько не отвлекло его от главного – о устроении во спасение словесных овец, Богом вверенного ему стада. С каким благоразумием и мудростью сей духовный делатель Христов возделывал сердечную ниву каждого, приходившего к нему в обитель, под благую неволю послушания. О. Василий имел от Бога особенное дарование к начальствованию; водворение мира и согласия между братиею было главным его попечением, а где они (мир и согласие), там и Христос. Что касается до послушаний, то он весьма удачно налагал их на каждого; часто случалось, что благородные сносили бремя трудов терпеливее тех, которые привыкли и сдружились с телесными трудами. О. Василий сам любил телесный труд и ценил его.

Иногда случалось, что братия, отправляясь на покос, не запирали келлий своих; в таких случаях, о. Василий нередко прохаживался по кельям посмотреть, кто чем занимается и кто в чем нуждается. Во время такового его посещения, он иногда клал какое-либо утешенье: бублики, пряники, гребешечек и проч. по требованию. А у кого в келье было нечисто, невыметено, он убирал и подметал, а после учил, чтобы в келье было чисто и опрятно, и «Ангел твой Хранитель уважит твой труд». А наиболее всего советовал стараться пребывать в келье со страхом Божиим, иметь чтение о Богоносных Отцах и творить молитву Иисусову умом, как бы нанизывая слова сея на сердце; поклоны класть по силе, но часто и с умилением. «Ложась спать, помышляй в себе, что ты лежишь во гробе и ожидай: се Жених грядет в полунощи, и будет тебе суд».

Современники строителя Василия поведали следующее: о. Василий был умный деятель, проходил умственную молитву, для чего после церковного вечернего правила ходил в лес, где у него была келья и там в тиши беседовал один с Единым Богом; а при наступлении ночи возвращался в обитель.

После 1804 года отец Василий подвергся гонениям со стороны своего ученика, и потому проживал в Свенском мужском монастыре (где преимущественно и находился до 1810 года) и Севском женском, где старался примирить всех враждующих и преподавать им уроки христианской монашеской жизни. Затем он жил в Рыхловской обители, в Кременской и Коренской пустынях, и совершил также миссионерское путешествие по Дону, где, с Помощью Божией, обратил вождя раскольников-молокан. Потом предпринял попытку вновь уйти на Афон. Однако начавшаяся война с Турцией заставила его вернуться с полпути. Потом он отправился с учениками своими в Софрониеву пустынь. Здесь пробыв малое время, возвратился опять в Коренскую пустынь.

С 1811 года отец Василий жил в разных обителях и оказывал неоценимую помощь в их духовном устроении. В 1816 году он поселился в Глинской пустыни, которой Господь по его молитвам и молитвам братии даровал игумена Филарета (Данилевского). В течение десятилетнего пребывания в Глинской пустыни отец Василий много содействовал возрастанию обители, сотрудничая с игуменом Филаретом в деле духовного руководства и введения строгого Афонского устава. Настоятель Филарет заботился о внешнем благосостоянии обители, а старец Василий — об устроении внутреннего порядка: он назидал братию, малодумных утешал, гордых смирял, враждующих своим незлобием примирял и наиболее старался искоренить пьянство и внушал братии удаляться от гнева и пребывать во взаимной любви, чтобы не служить соблазном миру.

В продолжение десятилетнего пребывания о. Василия в Глинской пустыни все его попечения клонились к славе Божией и ко благу Обители; но при всем этом он не убежал вражиих искушений и был по зависти других изгнан из обители, и в 1827 году, по совету одного старца, он отправился в Площанскую пустынь. Здесь он надорвался на тяжелых трудах и был очень плох, так что и братия считала его уже почившим. Однако через некоторое время, он очнулся и сказал, что еще проживет 18 месяцев и стал готовиться к отшествию из жития в пустынной келлии. Молитвенные труды его в затворе были таковы: он совершал ежедневные службы, кроме Литургии. Сверх того, предавался непрестанно подвигу умной молитвы, читая в сердце своем попеременно, то молитву Иисусову, то Богородичну. Незадолго до смерти, по изволению свыше, старец открыл двери своей келлии и стал принимать жаждущих совета и помощи.

За неделю до своей кончины, в первый день Пасхи, 1 мая (19 апреля) 1831 года, о. Василий приобщился Св. Таин, и лице его заметно просияло. Всю Пасхальную неделю старец провел в болезненном состоянии. Вот наступила Фомина неделя, пришел понедельник. Старец попросил ученика возжечь пред св. иконами свечи, призвать настоятеля и собрать к нему братию, простившись с которой, почил. Скончался старец 9 мая (27 апреля) 1831 года, 86-ти лет от рождения. Его тело было погребено между главным и Никольским алтарями Казанского собора обители.

Господь наделил преподобного Василия многими духовными дарами, среди которых особенно выделялись прозорливость, дар помощи страждущим различными духовными и телесными недугами, смирение, любовь к врагам, терпение и бескорыстие.

О. Василий явился устроителем многих мужских и женских монастырей, оставаясь в каждом столько времени, сколько было нужно для подъема духовного уровня и устройства этих обителей.

Давнее общее мнение об иеромонахе Василии как о старце богоугодной жизни нашло себе подтверждение в начале XX века. Жительнице села Брасова, расположенного в 15 километрах от Площанского монастыря, приснился преподобный Василий и сказал ей, что может исцелить ее от неизлечимой болезни, которой она страдала несколько лет. После того, как по ее просьбе была отслужена панихида на могиле отца Василия, она выздоровела. Слух об этом быстро стал распространяться среди окрестных жителей. В монастырь стекались верующие, чтобы помолиться на могиле отца Василия о даровании исцеления от разных недугов. С могилы начали брать песок, чтобы, добавляя его в воду или просто прикладывая к больным местам, получить избавление от недуга. Вскоре по молитвам на могиле отца Василия исцелилась еще одна женщина. Вера в молитвенное предстательство преподобного перед Богом упрочилась. Была издана для народа брошюра «О житии блаженного старца отца Василия» с описанием его прозорливости и творимых им при жизни чудес.

По официальным донесениям настоятеля обители и местного волостного старшины, все это заметно увеличило число посетителей пустыни. Между ними были одержимые различными душевными и телесными недугами. Народная молва гласила, что помолвившиеся на могиле преподобного об упокоении его души получали незамедлительную помощь. Приезжавшие в обитель бесноватые, побывав на его могиле, объявляли, что они отправляются домой совершенно здоровыми.

Спустя какое-то время монастырское начальство, видя, как быстро разбирают паломники и богомольцы песок с могилы отца Василия, решило навести порядок. На могиле была установлена гробница в виде купели, залитой цементом, с тремя окошками для выемки песка. Купель от непогоды защищал балдахин. Могила была обнесена обширной оградой.

В 1921 году монастырь был ликвидирован, а монастырский храм превращен в приходской. Документы тех лет донесли до нас свидетельства об огромной вере окрестных жителей в скорое прославление отца Василия в лике святых и обретение его мощей нетленными.

На территории Площанского монастыря после его закрытия обосновались коммуна «Пчела» и детская колония, в которой насчитывалось около 80 подростков. Комсомольцы и другие активисты неоднократно выражали свое «возмущение» «непрекращающимися хождениями верующих» к могиле отца Василия и обращались в Севский уездный исполком с требованием о вскрытии мощей иеромонаха Василия (Кишкина). В августе 1924 года Севский уездный исполком, собрав необходимые документы, поднял вопрос перед губисполкомом о вскрытии останков Василия (Кишкина) и Пафнутия (Козелкина). Строитель Площанского монастыря Пафнутий был захоронен в Покровской церкви еще в конце XVIII века.

В ноябре 1924 года губисполком создал внушительную комиссию, в которую вошли представители детгородка, коммуны «Пчела», техникума, Локотского совхоза, близлежащих деревень, губернского суда и музея, 12 курсантов Красной Армии, работник уездного исполкома, три врача, фотограф и три священнослужителя. Комиссия по вскрытию мощей работала в Площанском монастыре 16 ноября 1924 года. Там собралось около двух тысяч человек из окрестных селений.

Доклад о работе комиссии рассматривался на XI Брянской губернской конференции 18 ноября 1924 года. Делал его некто Кефалиди, представлявший в комиссии губернский суд. По его словам, при вскрытии захоронений строителя Пафнутия (Козелкина) и старца Василия (Кишкина) комиссией было обнаружено три человеческих скелета, принадлежность которых определенным лицам установить не удалось. На вопрос о том, кому принадлежали эти человеческие останки, игумен Никодим (Спиридонов), присутствовавший при вскрытии, ответил, что не знает. На митинге в клубе было вынесено постановление: «Приветствовать представителей губкомиссии за вскрытие мощей и раскрытие всей жизни монастыря и просить членов комиссии окончательно ликвидировать монастырь...» В заключении доклада было сказано: «Эти черепа мы привезли с собой, и их нужно широко использовать для антирелигиозной пропаганды». В дальнейшем, по-видимому, их поместили в антирелигиозный музей, который существовал в Брянске.

По «делу о мощах» был привлечен к уголовной ответственности игумен Никодим (Спиридонов). В январе 1925 года ему было предъявлено обвинительное заключение: «Бывшего игумена Площанского монастыря Никодима Спиридонова привлечь по настоящему делу в качестве обвиняемого, предъявив ему обвинение в том, что, находясь в Площанском монастыре с детства и безотлучно с 1894 г. по день закрытия его и зная цель легендарных слухов о Василии Кишкине и чудесах на его могиле, о чудотворной иконе и проч. достопримечательностях монастыря, распространяемых как администрацией, так и монахами указанного монастыря, в бытность свою с 1915 года и до ноября 1924 года игуменом этого монастыря, с целью извлечения средств и разных выгод для монастыря, а также пользуясь суеверием и религиозными предрассудками части окрестного крестьянского населения, разрешал совершать и сам совершал обманные действия на могиле Василия Кишкина, перед так называемой чудотворной иконой и прочими достопримечательностями монастыря, т.е. в преступлении, предусмотренном ст. 120 УК».

Дело по обвинению игумена Никодима состояло из семи томов. В июле 1925 г. суд постановил: бывшего игумена Площанского монастыря Никодима (Спиридонова) подвергнуть шестимесячному тюремному заключению, но, принимая во внимание его крестьянское происхождение, малоразвитость и короткий срок службы игуменом, заключение постановил заменить штрафом в 100 рублей, назначив трехлетний испытательный срок.

Память о преподобном Василии в народе не оскудевала и в послевоенное время. Прошли десятилетия, и в 1994 году, через 70 лет после осквернения могилы отца Василия, Площанская пустынь возобновила свою деятельность. Первые несколько человек, приехавших для восстановления монастыря во главе с игуменом Сергием (Булатниковым), столкнулись с огромными трудностями. Но трудности забывались, когда им доводилось

слушать увлекательные рассказы старожилов об истории обители. Помнили местные жители и коммуны «Пчела», и комиссию 1924 года, и многое другое.

По поводу судьбы мощей преподобного существовало несколько версий. По одной из них, мощи были найдены и увезены в Брянск, а оттуда еще дальше. По другой - монахи успели их где-то перезахоронить и перепрятать. А третья версия казалась самой неправдоподобной. Те, кто ее придерживались, говорили, что комиссия мощи преподобного не нашла, а увезла чьи-то другие останки. Нетленные же мощи отца Василия были найдены в середине 20-х годов детдомовскими мальчишками, вскрывавшими монашеские склепы за алтарями Казанского собора. Вероятно, они искали какие-то драгоценные вещи, положенные вместе с останками. Обнаружив мощи отца Василия, дети были ужасно напуганы; они не ожидали увидеть в могиле тело человека, который выглядел как спящий, и в страхе разбежались. Взрослые коммунары, узнав о находке детей, засыпали останки известкой, боясь эпидемии, и забросали их землей.

Не сразу вновь пришедшая братия решила заняться установлением истинной судьбы мощей иеромонаха Василия (Кишкина). Прошло восемь лет после возобновления обители, и Промыслом Божиим настоятель Площанской пустыни отец Сергей благословил найти и поднять из-под спуда его останки. Начиная с 11 апреля 2002 года, монахи три дня вели раскопки, пытаясь определить точное расположение могилы. В 20-е годы некрополь внутри монастыря был полностью уничтожен как «несовместимый с пребыванием детколонии». Поэтому приходилось, что называется, идти на ощупь.

Было установлено, что комиссия 1924 года вскрыла две могилы напротив Никольского алтаря собора, но обнаружить настоящее захоронение преподобного Василия по каким-то причинам не смогла. 12 апреля работы продолжились, и все убедились, что комиссия копала не там, где нужно. На следующий день Церковь поминала усопших. Участники раскопок обратились к архимандриту Сергию за благословением, рассказав о негативных результатах предыдущих дней. Отец Сергей, не раздумывая, указал направление дальнейших поисков, и раскопки продолжились. На указанном месте и были в тот день обреты мощи преподобного, засыпанные известью. В книгах XIX века о Площанской пустыни говорилось, что могила отца Василия находится между алтарями Казанского и Никольского приделов на глубине около двух метров.

Во время поднятия мощей братия по очереди читали 17-ю кафизму. Настроение у собравшихся было приподнятым. Ощутимое благоухание все три дня явственно исходило от земли. Многие из братии вспомнили, как несколько лет назад две недели подряд, проходя над местом раскопа, можно было ощущать сильный запах ладана. Все происходившее во время обретения мощей снималось на видео пленку.

Необходимо отметить, что, хотя тело преподобного сохранило свою конфигурацию, остатки плоти все же пришлось отложить от костей при перекладывании мощей в ящик. На мощах были обнаружены остатки сапог, фрагменты монашеского ремня, частицы епитрахили и детали одежды. При случайном повреждении одной кости острым металлическим предметом выяснилось, что внутри она совершенно белая. Мощи в тот же день были торжественно перенесены в церковь.

Преподобный Василий (Кишкин) включён в месяцеслов Русской Православной Церкви решением Архиерейского Собора 2017 года.

Преподобный Филарет (Данилевский), Глинский, игумен

*Дни памяти
13 апреля
22 сентября*

Прп. Филарет (Данилевский, 1777–1841) – выдающийся подвижник и возобновитель Глинской пустыни. Приняв постриг в Софрониевой пустыни, стяжал дар умной молитвы и духовного рассуждения. В 1817 году стал настоятелем Глинской пустыни, где ввел строгий афонский устав, старчество и ежедневное откровение помыслов. Преобразовал обитель как духовно, так и внешне. Обладал даром прозорливости и чудотворений. Скончался в 1841 году, предсказав свою кончину.

Игумен Филарет (в миру Фома Данилевский) родился на Украине в 1777 году. Большое влияние на его воспитание оказала мать — благочестивая Феодосия, от которой он получил и первые уроки христианской добродетели и основы нравственной жизни. С детских лет Фома отличался незаурядным природным умом, кротостью, трудолюбием, любознательностью, любовью к посещению храма Божия. Первоначальное образование восьмилетний отрок получил от благочестивой и богобоязненной старицы, вдовы протоиерея, имя которой осталось неизвестным. Свои знания Фома сразу же начал применять, помогая причетникам церкви в чтении и пении. Вскоре он изучил церковный устав. В юношеском возрасте Промыслом Божиим он посетил с одним протоиереем Киево-Печерскую Лавру. Настоятель Дальних пещер старец-иеромонах Трифиллий предложил Фоме остаться у него келейником и канонархом, что и определило впоследствии весь его духовный жизненный путь. Святость места, близость к почивающим в пещерах нетленным мощам угодников Божиих, благоговейное богослужение — все это возгревало молитвенное состояние юного послушника, укрепляло его веру.

Старец Трифиллий вел Фому путем самоотвержения, формируя в нем такие качества, как безропотное послушание, нестяжательность, терпение, смирение и скромность. Прозорливый старец предсказал, что «он станет монахом и будет начальником над монахами».

Три года провел Фома под руководством старца Трифиллия, исполняя послушание канонарха и келейника. Затем ему пришлось отбывать воинскую повинность в качестве причетника войсковой церкви в Черноморском казачьем войске в Екатеринодаре.

По возвращении в Киево-Печерскую Лавру он с радостью был принят отцами Лавры в число клирошан Великой церкви. Здесь Фома особенно сблизился с иеромонахом Антонием (Смирницким), впоследствии архиепископом Воронежским, и руководствовался его наставлениями. Общения с о. Антонием он не прерывал до самой своей кончины. Отец Антоний советовал Фоме удалиться в какой-либо пустынный монастырь с целью беспрепятственного богоугождения.

Вскоре в Лавру промыслительно приехали иноки Софрониевой пустыни. Их рассказы о пустынном уединении обители, о строгом уставе и порядках монастыря, о духовной опытности настоятеля старца Феодосия, о богатой творениями святых отцов библиотеке зажгли сердце юноши. В ту же ночь в сонном видении Фоме явился архимандрит Феодосий и приглашал присоединиться к их братству. Внимательный к воле Божией послушник Фома увидел в этом знамение благословения Божия. Однако он не мог еще решиться перейти в Софрониеву пустынь. Тогда Господь вторично открыл ему Свою волю.

Вскоре Фома услышал в церкви проповедь на текст: «Скажи ми, Господи, путь, воньже пойду» (Пс.142:8). Глубоко запали в душу Фомы эти слова. Он непрестанно повторял их в своем сердце. И вскоре Господь услышал моление верного Своего раба. В душе Фомы созрело окончательное решение идти в Софрониеву пустынь, утвердилось желание посвятить себя служению Богу под руководством мудрого архимандрита Феодосия.

Фома поступил в Софрониеву пустынь в 1802 году. Архимандрит Феодосий увидел в нем избранника Божия и, «прозревая будущее, сказал: “Сей брат упокоит душу мою; душа моя благоволит о нем”».

Фома, прекрасно знавший церковный устав, сразу же был назначен управлять клиросными. В этом же году он был пострижен в мантию с именем Филарет, что в переводе с греческого означает «любитель добродетели».

Архимандрит Феодосий сам руководил духовной жизнью новопостриженного о. Филарета. В духовном общении о. Феодосий обучал инока борьбе с искушениями, худыми помыслами, учил Иисусовой молитве, раскрывал глубину святоотеческих писаний, а с целью более действенного назидания порой открывал ему свое душевное состояние.

Перед кончиной, последовавшей 9 декабря 1802 года, о. Феодосий представил любимого духовного сына к посвящению в иеродиакона и поручил его руководству одного строгого старца.

8 февраля 1803 года о. Филарет был рукоположен Высокопреосвященным Феокистом (Мочульским), архиепископом Курским и Белогородским, в иеродиакона и назначен на должность уставщика Софрониевой пустыни. Немало пришлось выдержать ему скорбей, отстаивая неприкосновенность устава, введенного покойным настоятелем, против тех, кто стремился заменить чин богослужения более легким. «Когда что коснется до правил Церкви, — говорил о. Филарет, — то должно всячески противустать, если нужда заставит, даже до пролития крови. Господь, видя нашу ревность, невидимо сотворит нас победителями неправды, а иначе за небрежение последует казнь Божия, по глаголу: «Проклят всяк творяй дело Божие с небрежением» (Иер.48:10)».

За ревностное служение в должности уставщика и беспрекословное послушание новый строитель Софрониевой обители Исихий в 1806 году представил о. Филарета к рукоположению в иеромонаха и дал ему новое, более сложное послушание — благочинного монастыря. В этой должности, терпя скорби от братии, он учился познавать немощи человеческие, а вместе с тем и самого себя. Строгий, но всегда благоразумный иеромонах Филарет вскоре снискал любовь братии, но это его не обольщало. Он усугубил свои подвиги бдения, поста и молитвы, переселился в безмолвный уголок — уединенную келлию в саду, где диавол воздвиг на него сильные брани: стрелы похотливых помыслов, уныние, различные страхования; а порой враг принимал на себя виды всевозможных гадов. Но с помощью благодати Божией о. Филарет-отшельник всегда выходил победителем из этой жестокой брани. Он говорил сам себе: «Убогий Филарет! Если приблизился ты к страданию, то будь готов и на крест». За безмерные страдания Господь увенчал Своего верного раба многими духовными дарованиями: через молитвенное богообщение он приобрел духовное рассуждение, великую опытность. И, несмотря на свой сравнительно молодой возраст перед другими старцами (ему было в то время 35—40 лет), о. Филарет был уже вполне зрелым духовным старцем, ибо старость честна исчисляется не числом лет, а сединою мудрости и житием нескверным (Прем.4:8-9). К нему обращались за советами и старшие по годам великие подвижники.

Одновременно с духовными подвигами он занимался в своей келлии перепиской нотных и других книг, нередко его можно было видеть работающим в садах обители.

За добродетельную жизнь, при избрании нового настоятеля Софрониевой пустыни в 1815 году, о. Филарету было предложено это место. Но смиренный подвижник отклонил предложение «не без внушения свыше, ибо вскоре предстояло ему идти в Глинскую пустынь, нуждающуюся в его духовной опытности». К этому времени о. Филарет славился добродетелями не только в Софрониевой обители, но и за ее пределами. Хорошо известен был он своей высокой духовной жизнью и в Глинской пустыни.

В своем прошении архиерею о назначении о. Филарета настоятелем их пустыни Глинские иноки писали, что «иеромонах Филарет по всем обращениям к начальствованию способен и достоин» и что «по отличным его дарованиям к управлению монастырем желают видеть его настоятелем пустыни и благодетельствующим оной особы...».

Избрание иеромонаха Филарета настоятелем Глинской пустыни совершилось по предведению Самой Владычицы Богородицы, Которая по молитвам братии Глинской пустыни указала им Своего избранника. Духовная опытность о. Филарета была известна и епархиальному начальству.

11 мая 1817 года указом Курской Духовной Консистории он был назначен настоятелем Глинской пустыни, «как муж духовный, способный к поддержанию заведенного общежития и посему начальства достойный».

Со скорбью провожали братия Софрониевой пустыни своего любимого сподвижника. Настоятель о. Варлаам благословил о. Филарета Иверской иконой Божией Матери, копией с Чудотворного образа своей пустыни, особое благоговение к которой о. Филарет сохранил впоследствии на всю жизнь. Со скорбью оставлял и он Софрониеву пустынь, с которой был связан 15-летний путь его иноческой жизни (с 1802 по 1817 год).

6 июня 1817 года иеромонах Филарет смиренно принял настоятельство в Глинской пустыни. Прежде всего его поразила ветхость и запущенность строений пустыни. Здесь было лишь «...несколько деревянных ветхих, почерневших от времени келлий, расположенных в беспорядке на поляне среди векового соснового леса, недалеко от небольшой речки Обесты. Единственное каменное здание было церковное о двух главах под тесовой крышей, весьма простой архитектуры и требовавшее немедленной починки»... В зимнем храме иконостас от сырости испортился, а внизу сгнил. Ризница была ветхая. Монастырских денег было очень мало, запас хлеба истощился, а братия увеличивалась. Таково было положение в Глинской пустыни ко времени настоятельства отца Филарета.

Иноки пустыни не имели часто самого необходимого: жилья, нужной одежды, пищи. Отец Филарет с несомненной верой говорил братии: «Мать Божия нас собрала, Она и попечется о нас. Нам должно учиться терпению». Однажды в течение трех дней в пустыни не было хлеба. На трапезе подавалась лишь вареная свекла. Два дня братия великодушно переносили это испытание Божие, а на третий некоторые малодушные пришли к о. Филарету за благословением, чтобы оставить обитель. В ответ старец слезно уговаривал братию потерпеть еще некоторое время и убеждал, что Мать Божия, на Которую он твердо уповает, не оставит их и вскоре подаст им Свою помощь. Братия вразумились увещанием настоятеля и разошлись по келлиям. И действительно, на следующую же ночь пришел большой обоз, в 30 воев муки, пожертвованной неизвестным помещиком.

Укрепляемый помощью свыше, о. Филарет за годы своего настоятельства в полном смысле преобразил Глинскую пустынь и внешне, и духовно.

Прежде всего о. Филарет направил свою деятельность на созидание и украшение живых храмов Божиих в сердцах вверенной ему братии. Для этого ему были дарованы от Бога особые средства: сила духа, обилие благодати и пастырская ревность.

Забываясь о высоте нравственно-подвижнической жизни братии и одновременно решая другую, не менее важную задачу, связанную с улучшением чина богослужения, о. Филарет постепенно начал вводить в Глинской пустыни строгий общежительный устав по чиноположению Святой Афонской Горы.

Дело духовного воспитания иноков и приезжавших в обитель мирян богомудрый настоятель упрочил тем, что ввел в своей обители древний порядок иноческой жизни, учредил правильный порядок духовного руководства. Отец Филарет привел обитель в цветущее состояние через утверждение в ней старчества. Глинская пустынь стала одной из тех редких обителей, где старческое окормление было утверждено уставом. Сущность такого окормления, как это отражает устав Глинской пустыни, состояла в том, что все поступающие в обитель с первого дня «поручались искусному старцу в повиновение». Отсечение своей воли — это важное условие нравственного совершенствования братии — было положено в основу монастырского устава, в котором сказано: «...Всякое дело творити с благословением и по совести, ибо всякое дело противу совести и не с благословением творимое, часть Иудина есть, якоже и церковный устав объясняет и мнози от Святых в общем житии повелевают...»

В деле старческого руководства о. Филарет особенно большое внимание придавал ежедневному откровению помыслов ученика своему старцу, поскольку такое откровение является главным методом, или способом искоренения страстей. Отец Филарет опытно знал, что иноку без частого откровения помыслов очень трудно устроить свою духовную

жизнь. Иноки же, приучившие себя к откровению помыслов, со временем бывают способны помогать ближним в их душевных смущениях.

В строгом соблюдении устава о. Филарет видел успех духовной жизни обители, «все благо доброго порядка, в котором видимо хранится сокровище душеспасительных дел». Вот почему он наставлял, чтобы братия обители «устав, как святое предание, сохраняли свято по заповеди Христа Спасителя: слушай вас Мене слушает».

В подтверждение сказанного важно привести воспоминания современников о. Филарета. Так, старец Илиодор (Голованицкий) слышал, как игумен Филарет говорил: «Я дал обет Божией Матери установить этот устав в Глинской пустыни для всегдашнего строгого исполнения этого чиноположения моими будущими преемниками. Посему, если кто из них нарушит его, с таковым буду судиться на суде Божиим».

Для того, чтобы устав прочно вошел в обиход иноческой жизни, игумен Филарет решил представить его в Святейший Синод на утверждение. Устав Глинской пустыни был утвержден Святейшим Синодом 24 августа 1821 года.

Впоследствии о. Филарет сам тщательно переписал Глинский устав так называемым уставным письмом и переплел в кожу.

Одновременно с подъемом внутренней, духовно-подвижнической жизни братии отец Филарет много сил отдал и внешнему благоустройству обители. Ревностно принялся настоятель отец Филарет за восстановление обители. Он занимался не только ремонтом построек, но и осуществил ряд конструктивных планов: определил новую планировку обители, предпринял строительство новых храмов, других зданий монастыря. Постепенно увеличивалось число влиятельных благодетелей, в число которых были помещик Д.С. Бровцын, А.С. Анненков, ахтырский помещик К.Д. Хрущов, щедрая благотворительность которых позволила осуществить многие строительные работы в обители.

Заметные перемены во внутреннем и внешнем благоустройстве обители произошли уже через месяц управления обителью о. Филаретом. Это отметил при посещении Глинской пустыни Преосвященный Феоктист. Он с радостью сказал: «Слава Богу чудодействующему! Ныне возрадовася душа моя: вижу Лазаря из мертвых воскреша», и 1 июля 1817 года в Курске наградил о. Филарета набедренником «за многополезное и высокоразумное управление» святой обителью. В 1818 году о. Филарет был награжден наперсным крестом в память 1812 года.

Кроме молитвенного подвига и уставных особенностей богослужения, Глинская пустынь вносила свой вклад в духовное просвещение народа посредством строительства храмов.

До прибытия в Глинскую пустынь о. Филарета храмы ее не отличались особым величием, что стало характерно для более позднего времени. На средства благотворителя, помещика Д. С. Бровцына, о. Филарет привел в благолепие теплый храм Святителя и Чудотворца Николая. 15 августа 1819 года теплый храм обители был освящен новым правящим архиереем — Преосвященным Евгением (Казанцевым). После освящения храма он сказал назидательное поучение для братии Глинской пустыни и всех паломников, смысл которого сводится к тому, чтобы православные христиане заботились как о внешнем благолепии храмов, так и о созидании внутреннего духовного храма: «Кто со Христом не распинает страстей своих, кто не жертвует за истину жизнью со Христом и Его мучениками, — тот не составляет собою храма Христова, тот не есть христианин, хотя и носит сие священное имя...».

Преосвященный Евгений связывал начавшееся процветание Глинской пустыни не столько с внешним, сколько с духовным возрождением обители. Он увидел братию монастыря в полном духовном единении, стремлении к подвижническому житию и поэтому в своем поучительном слове отметил, что процветание Христовых обителей всегда происходило и происходит не столько от внешнего благолепия, сколько от внутреннего благочестия братий, которые добрым подвигом подвизаются воплотить в своих душах идеал Христова учения.

Проявляя заботу о благоустройстве обители, игумен Филарет в том же 1819 году выстроил одноэтажный деревянный братский корпус на шестнадцать келлий.

В 1820 году был сделан капитальный ремонт соборного храма, с северной и южной сторон которого о. Филарет выстроил два больших притвора со сводами. Высоко оценивал труды о. Филарета святитель Филарет (Дроздов). Он писал: «...Ныне новый строитель во многом уже успел, и... обитель сия процветать стала благодатию, что не так обычно».

Александр I, имевший аскетическую духовную настроенность, пожелал лично говорить с Глинским настоятелем, и 5 июля 1821 года о. Филарет представился императору Александру I в его тайном кабинете. «При входе смиренного старца благословенный властитель России встал, по своему замечательному смирению принял благословение от вошедшего и, облобызав десницу его, милостиво расспрашивал о происхождении его, о зданиях Глинской пустыни, качестве ее земли, о числе братий, способах их содержания и об уставе обители».

В числе вопросов, которые были заданы императором игумену Филарету, были следующие: «Каким образом поставили вас настоятелем монастыря?», «Были вы в монастыре Валаамском?», «Правила пустыни вашей согласны ли с валаамскими?» и другие.

Монарх Александр Павлович благоговел перед духовными старцами, лично знал жизнь ряда обителей, а поэтому очень внимательно отнесся к нуждам Глинской пустыни. Отец Филарет передал императору краткую докладную записку, в которой просил пожаловать пустыни 300 десятин леса, увеличить штат братии до 20 монахов и уплатить долги пустыни (3000 рублей). Отец Филарет просил также утвердить устав обители, составленный им по образцу Афонского, и ходатайствовал о том, чтобы настоятеля Глинской пустыни назначал не архиерей, а избирала братия из своей среды.

Император уверил старца Филарета в неперменном исполнении всех названных просьб и пожелал встретиться с отцом настоятелем при его отъезде из Петербурга.

При вторичной встрече Александр I, приняв благословение от старца, сообщил о. Филарету, что долги Глинской пустыни уже уплачены и просьба о лесе также будет удовлетворена. Об увеличении числа монашествующих в Святейший Синод был дан именной высочайший указ.

С радостью благодарил отец Филарет Господа и Божию Матерь, потому что только Им, а не себе приписывал смиренный настоятель успех дела. А когда было получено разрешение и на использование 300 десятин леса, торжество обители было неописуемым. Братия обители в знак благодарности Господу и Его Помазаннику императору Александру I устроили 4 ноября 1823 г. праздник с целодневным звоном. Торжество было столь велико, что даже службы в тот день совершались пасхальные, а по окончании литургии был отслужен благодарственный молебен с многолетием государю и всему царствующему дому. Такое «торжество бысть многим во удивление» — так писал игумен Филарет в своих записках в 1823 г.

В воспоминание этого радостного события настоятель Филарет, по согласованию с братией, установил ежегодный праздник в неделю Православия, а в субботу перед оной акафист Богородице «красного пения», что и вошло впоследствии в традицию этой обители.

Благодетяние Царского дома по отношению к Глинской пустыни проявилось и со стороны императрицы Елизаветы Алексеевны, которая по пути в Таганрог 25 сентября 1825 г. проезжала мимо принадлежавшей Глинскому монастырю старой часовни, устроенной у д. Заруцкой, недалеко от г. Глухова.

Благочестивая государыня была глубоко тронута торжественной встречей, которую оказали ей братия обители. Она с благоговением приняла окропление святой водой, благословение отца Филарета: просфору, копию явленной Чудотворной иконы Пустынно-Глинской и несколько книг духовного содержания, соответствовавших скорбному состоянию ее души. В знак благодарности она выслала настоятелю Глинской пустыни 500 руб. на украшение названной часовни. На эти средства часовня была вновь построена и украшена живописными иконами...

В течение 1821–1825 годов о. Филарет совершил четыре поездки в Петербург, во время которых он прославился как поборник Православия, выступая против еретических лжеучений, защищая святоотеческое учение о высших степенях богообщения и умно-сердечной молитве Иисусовой.

В первой четверти XIX века в Россию из Западной Европы проник еретический мистицизм, который распространился в придворных кругах и среди дворянства. Игумен Филарет своей духовной жизнью, прекрасным знанием Священного Писания и святоотеческих творений опроверг лжеучение еретических мистиков. Опираясь на учение святых отцов, о. Филарет сумел на конкретных примерах из святоотеческих творений убедить противников.

В своих духовных беседах о. Филарет «сеял Слово Божие и на песке, и на камне, и на доброй земле». О тех же слушателях, которым Слово Божие приносило мало пользы или совсем не приносило плода, игумен Филарет пишет: «Как теперь все люди умные, ученые, да нетолченные, то и перетолкуют, — как понимают, и другим будет в соблазн. Теперь полезнее много знать, кого Бог одарил познанием разума духовного, а мало говорить, тем более писать. Если антихристы века сего над Богодухновенными писаниями святых отцов смеются, то тем более посмеются над живущими еще в сем мире с миром о Господе». Эти слова, сказанные богомудрым старцем Филаретом более 160 лет тому назад, актуально звучат и сегодня.

В ходе дискуссии об истинной и ложной умной молитве у о. Филарета потребовали доказательств правильности взглядов на вопрос об умной молитве. Тогда «старец, обладая необыкновенною памятью, указывал не только названия книг святых отцов, так или иначе об этом говорящих, но даже главы или страницы книг. Значение этой дискуссии было очень велико, так как от нее зависело, наступит ли конец заблуждениям интеллигенции или нет.

Господь благословил о. Филарету одержать победу и в столь важной дискуссии. Во время ее еретики, чтобы проверить о. Филарета, приносили названные им книги и убеждались в истинности слов Глинского настоятеля. Они удивлялись его памяти, глубокому духовному разуму, точному знанию и должны были признать себя побежденными. Лабзин (издатель еретического журнала «Сионский вестник») также участвовал в этих прениях. В предании Глинских иноков сказано, что он был побежден о. Филаретом. Сам о. Филарет в записках 1833 года написал: «Лабзин, побежденный, погиб, и ладия его поглощена, а адовы врата Церкви Божией не одолеют».

Итогом этой дискуссии явился тот факт, что в 1822 году вышло «правительственное запрещение открывать тайные общества и масонские ложи». Лабзин А. Ф. в том же 1822 году был выслан из Петербурга в Симбирскую губернию, а князь А. Н. Голицын (протестантствующий министр духовных дел) уволен от управления министерством. Так сбылись на о. Филарете библейские слова Премудрого: «Подвизайся за истину до смерти, и Господь Бог поборет за тебя (Сир.4:32).

Весной 1823 года о. Филарет опять ездил в С.-Петербург. В 1825 году он вновь был вызван в столицу. В то время в одном кружке С.-Петербургского высшего белого духовенства, к которому примыкала и часть высшего светского общества, возникла крупная полемика против монашества. Император Николай I, вступивший на престол в 1825 году и всегда благосклонно относившийся к святым обителям и монашеству, повелел решить этот спорный вопрос немедленно. Для участия в дискуссии был приглашен и о. Филарет, который к этому времени был уже широко известен как петербургскому духовенству, так и интеллигенции.

Участвуя в названных дискуссиях, проходивших в присутствии императора, о. Филарет выступил как ревностный защитник монашества. Не имея никакого светского образования, он обнаружил такие обширные духовные познания, такой Богом дарованный ум, которые позволили ему успешно отстоять православное святоотеческое учение, победить неверие, ложные религиозные воззрения и пользоваться огромным вниманием, уважением со стороны духовенства, интеллигенции и даже царственных особ.

Об успехе о. Филарета в дискуссиях, состоявшихся в Петербурге, стало известно в разных концах России; поэтому его стали приглашать для разрешения сложных вопросов духовной жизни. Так, о. Филарета дважды приглашали в Киев, куда он ездил для участия в духовных беседах по вопросу о монашестве.

Широкая известность о. Филарета, высокодуховная жизнь Глинских иноков, возраставших под его руководством, привлекали к обители все новых благотворителей. Старец Филарет писал императору Николаю I, что «по мере духовного возрастания сего вертограда Иисусова (братии Глинской пустыни) увеличивалось и число усердствующих богомольцев».

Но, как он сам отмечал, особенно благоустройству обители способствовал дар императора Александра I — полученные пустынью 300 десятин леса.

Второй этап строительных работ начался в 1823 году. Сначала о. Филарет построил три корпуса: для настоятеля и письмоводителя с канцелярией; для ризничего, портного, пономарей и звонарей; большой корпус для священнослужителей; затем — братскую больницу и каменную столярную мастерскую с келлиями. Но все возраставшее братство пустыни и сложное монастырское хозяйство требовали сооружения новых зданий. За годы настоятельства о. Филарета, кроме упомянутых, им было построено также 19 деревянных жилых домов, экономя, конюшня, скотный двор, квасоварня, две крупорушки, сукновальня, ледники, навесы и амбары. Отец настоятель насадил при обители два обширных фруктовых сада, построил гостинный двор — с двумя домами, кухней, двумя избами, летними номерами для приезжающих, амбарами и сараями.

В 1823–1829 годах заново была построена каменная ограда монастыря. По указанию о. Филарета иноки проводили осушение прилегающих болот, вырыли пруд с проточной водой.

Большую заботу проявил настоятель Филарет о создании скита на месте явления Глинской Чудотворной иконы Божией Матери, в четверти версты от обители. При о. Филарете на этом месте вместо старой была построена новая деревянная часовня с келлией. Сюда в 1828 году переселяется, по благословению отца Филарета, на безмолвие братский духовник иеросхимонах Пантелеимон, который всегда тяготел к духовным подвигам в безмолвии. Но на следующий же год к нему перешли из монастыря еще несколько человек, жаждущих подобного подвига. В скиту поставили еще три дома и обнесли его забором. Так был основан первый скит Глинской обители, называемый Ближним.

Но особенно большое внимание о. Филарет уделял строительству и украшению храмов обители. В 1826 году, всецело возложив надежду на помощь Матери Божией, о. Филарет приступил к строительству Иверской каменной церкви над святыми вратами «в благодарную память о чудесах Божией Матери с 1817 года», то есть со времени вступления его в должность настоятеля. В 1831 году церковь во имя Иверской иконы Божией Матери была окончена и в октябре освящена настоятелем пустыни. Над царскими вратами в этом храме о. Филарет поместил в резном позолоченном киоте копию Чудотворной Иверской иконы Божией Матери, данную ему в благословение от Софрониевой пустыни в 1817 году.

При о. Филарете в Глинскую пустынь был принесен Чудотворный образ Нерукотворенного Спаса, в чем проявилось великое благоволение Божие к подвижническим трудам настоятеля и Глинских старцев. В монастырской описи сказано, что этот образ списан с «оригинальной иконы, писанной Евангелистом Лукою».

От образа Нерукотворенного Спаса в Глинской пустыни неоднократно происходили благодатные знамения и исцеления. Об этой иконе о. Филарет писал: «История знамений и чудес, во все времена совершавшихся в Церкви Христовой, показывает, что рабы и угодники Божии, пред лицом Божиим писавшие иконы святых, переводя на убрус или на доску Священные черты, в чистых душах их рождавшиеся, молитвою, пламенной ревностью к прославлению имени Божия и любовью к душам человеческим, призывали на дело рук своих благословение Божие, и помазав писанные ими иконы помазанием от Святого, которое имели в духе своем и слезами благоприятными в веществе, отверзали

хляби небесные, чудодейственную благодать Божию источавшие им вскоре, а для будущности далекой, в своих произведениях они (благочестивые иконописцы) оставляли сокровенные ключи силы Божией, которую потомки должны были открыть верою и молитвою, соответствующею молитвам предшественников, уже ликующих в Небесном Царствии».

Духовные и внешние преобразования, осуществленные в период настоятельства игумена Филарета, положили начало систематической и плодотворной благотворительной деятельности Глинской пустыни, которая развивалась во все последующие периоды, вплоть до закрытия обители. Благотворительная деятельность была столь непреложным законом для монастыря, что о ней было записано в уставе Глинской пустыни. В соответствии с этим уставом все приезжавшие в обитель на богомолье получали бесплатно питание, временное жилье, а также пользовались бесплатным медицинским обслуживанием.

В обители всегда сохранялся порядок гостеприимства, определенный о. Филаретом в 23-й главе монастырского устава «О гостеприимстве», по которому назначенный гостинник обязан был устроить прибывших богомольцев, определить им порядок питания, пребывания в обители. В этой же главе было сказано: «Аще кто из богомольцев с братиею и трапезы вкусить восхощет, да веден будет по обычаю в трапезу; женск же пол да не входит, им же в гостинице трапеза да поставляется». Запрещалось гостиннику брать деньги с приезжих за пребывание в обители и трапезу.

Преобразовательная деятельность возобновителя Глинской пустыни была многогранной и всеохватывающей.

Основное внимание Глинский возобновитель обращал на духовное воспитание иноков и их монашеский образ жизни. Все виды внешнего благоустройства лишь способствовали этой цели. В описании Глинской пустыни 1837 года о. Филарет писал: «Хотя и видны некоторые успехи наружного благоустройства, но внутреннее духовное здание, зиждемое благодатию Господа нашего Иисуса Христа и помощью Владычицы Пресвятой Богородицы, паче и паче занимает умы и сердца братства Глинской пустыни, а все это вкупе принадлежит не нам, но имени Твоему, Господи».

Уделяя особое внимание вопросам духовно-нравственной жизни братий, о. Филарет наставлял их в молитве Иисусовой, различных добродетелях, например, строгом воздержании, уединении и молчании, избегании вражды, скорейшем примирении, усердном послушании и в целом исполнении заповедей Божиих.

Предъявляя строгие требования к самому себе, о. Филарет не пропускал и малейшей ошибки братии обители. К провинившимся, в зависимости от тяжести их вины, настоятель применял и убеждения, и легкие замечания, а когда требовали обстоятельства, то и самую высшую степень епитимий без всякого лицепрития. Причем, справедливые вразумления богобоязненного старца Филарета всегда были растворены силой благодатных слов. Его духовная мудрость и прозорливость, сочетавшиеся с исключительной кротостью, любовью к ближнему, благотворно влияли на братию.

В деле начальствования о. Филарет, несомненно, обладал даром Божиим, искусно объединяя миром и любовью иногда совершенно несовместимых, на первый взгляд, людей различных званий, сословий, характеров, уровней образования, воспитания.

Игумен Филарет умел так искусно налагать послушания, что люди даже благородного сословия, изнеженные воспитанием, нередко ревностнее трудились, чем те, кто давно привык к телесным трудам. Опытн познав благотворность физического труда, помня слова апостола Петра: «Страдающий плотию перестает грешить» (1Пет.4:1), о. Филарет возбуждал к труду своим личным примером и братию. Старец говорил: «Пот, проливаемый монахом на послушании, при усердном труде и внимании к своему сердцу, имеет в очах Божиих такое же спасительное значение для трудящегося, какое имеет кровь, пролитая и проливаемая мучениками». Для новоначальных он считал труд первым условием и говорил: «Труждающийся да яст от хлеба общежития».

В то же время игумен Филарет советовал братии держаться царского пути, то есть середины в подвигах, предостерегая их тем самым от самообольщения, например, неумеренным постом. Однако в обители и в гостинице для богомольцев старец Филарет всегда строго соблюдал правила общих постнических установлений.

Большое внимание уделял о. Филарет новоначальным инокам, воспитывая их своим личным примером в духе кротости, смирения, терпения. Он принимал новых братий с большой любовью, искренно, просто, свято и поддерживал их первые шаги в иноческой жизни молитвой, добрым словом и делом. Так, увидев однажды, как в первый день пребывания в обители послушника из купеческого звания сильно покусали на пасеке пчелы, о. Филарет, зайдя на пасеку, похвалил его терпение и кротко заметил: «Добре, добре, сыну, доброе начало полагаеши послушания и терпения иноческого! Смотри, помни: теперь пчелы тебя кусают, а потом бесы станут кусать; как теперь терпишь, так и тогда терпи, ибо только претерпевый до конца, той спасен будет». Отец Филарет сказал старцу-пасечнику, чтобы не обижал новичка-послушника, благословил обоих и тихо удалился. Затем он прислал послушнику проволочную маску, предохраняющую от укусов. Духовно слабых иноков он особенно укреплял добрым словом, своевременным советом, мудрым наставлением. Приведем одно из них: «Страшливый да не исходит на брань, — говорил о. Филарет, — ибо воины царя земного, ратую против врагов, за стыд себе вменяют не только бегство с поля битвы, но даже и раны, получаемые ими не лицом к лицу. Так и воины Христовы, приемля и терпя раны от супостата лицом к лицу, чрез искушения, наносимые им, этим доказывают свое мужество».

Как пастырь овец Христовых, о. Филарет непрестанно охранял души вверенных ему людей от происков врагов внешних и внутренних. Как предводитель на брани Христовой, он вооружал каждого воина оружием Слова Божия и молитвы, научал, как он должен действовать против врага и, наконец, постоянно напоминал об уготованной подвизающимся награде и тем самым поддерживал во всех воинах мужество. Столь кропотливый труд настоятеля как с сонмом братии, так и с каждым иноком в отдельности принес впоследствии свои плоды.

Вот как оценивали современники качества иноков Глинской пустыни: «Честность и бескорыстие между ними общие и весьма обыкновенные достоинства. Одни в обитель вступили нищими, другие все свое вложили в общину, дабы Христовою нищетою обогатиться. Несмотря на то, что не учились в народных школах, некоторые посредством простого внимания чтению и пению в церкви, очищением ума и сердца молитвою и деланием заповедей Господних достигают правого разумения словес Господа Иисуса Христа и опытного ведения путей Божиих в обращении и спасении душ человеческих, утешают и назидают друг друга беседами поучительными; любят очищать совесть свою исповеданием перед отцами духовными; все дела общежития разделяют между собою».

Строгость соблюдения Глинскими иноками благочиния в церкви и келлиях, устава обители, составленного о. Филаретом, была такова, что не исполнявшие их удалялись из монастыря, о чем записано в главе 25-й устава: «Аще кто из братии вознерадит, лености ради, приходит не к началу церковного пения или подает какой-либо соблазн, а паче мирским, или уставу противится будет, такового настоятель по первому и второму увещанию наедине, при соборе увещевает, приводя ему Святых Отец писания и устав обители по установлению Святых Отец, увещевая его любовью. И аще таковой не смирится и не послушает наказания, изгоняется из обители».

Таким образом, под руководством духовно мудрого старца Филарета воспиталось новое поколение опытных подвижников, многие из которых стяжали глубокое смирение, кротость, милосердие и даже получили от Бога духовные дары прозрения, исцеления, назидания ближних.

Их духовно-подвижническая жизнь сияла подобно маякам, направляющим корабли — человеческие души — к тихому пристанищу Царствия Небесного.

Знаменательно, что двенадцать учеников о. Филарета были назначены настоятелями в другие святые обители.

В числе этих настоятелей был и знаменитый миссионер архимандрит Макарий (Глухареv), с полным основанием названный Апостолом Алтая. Он также воспитался у ног выдающегося духовного вождя — старца Филарета — и впоследствии всегда помнил «руководство незабвенного аввы Филарета, мужа, известного святостию жизни и способного учеников своих благонадежно вести в Царствие Небесное по узкому пути смирения, терпения и послушания».

О неразрывной духовной связи о. Макария с Глинской пустынью свидетельствуют его слова: «Всегда сохраняю утешительную память моего пребывания в его (о. Филарета) обители, опытных наставлений его и отеческих благотворений».

Слава о мудром руководстве о. Филарета распространилась по всей стране. Архимандрит Пимен (Мясников), настоятель Николо-Угрешского монастыря, в своих «Воспоминаниях» (М., 1877. С. 62) называл о. Филарета одним из самых искусных и лучших настоятелей, которого «уважали не только (простые) монашествующие, но и самые иерархи». Отеческое попечение о. Филарета о духовной, хозяйственной, благотворительной, просветительной деятельности обители, его духовная опытность быстро умножали Глинское братство. Именно в Глинскую пустынь под опытное руководство о. Филарета направляли стремившихся начать иноческую жизнь многие духовные старцы, например, духовники Киево-Печерской Лавры, настоятели других Киевских монастырей и даже сами Киевские митрополиты.

Отец Филарет был знаком не только с такими великими подвижниками, как Высокопреосвященный Филарет (Дроздов), Антоний (Смирнитский), архиепископ Воронежский; его знал по духу и питал к нему большую любовь о Христе преподобный Серафим Саровский, который нередко направлял к о. Филарету просивших благословения на поступление в монастырь, «указывая на обитель его как на великую школу иноческой жизни».

В Глинскую пустынь к старцу Филарету переходили многие опытные подвижники из других монастырей, в том числе не только из близ расположенных (Софрониевой пустыни, Глуховского Петропавловского монастыря, Курской Коренной пустыни), но и из отдаленных (Киево-Печерской Лавры, Соловецкого монастыря, Валаама). Восемнадцать лет подвизавшийся на Афоне старец Пантелеимон впоследствии также перешел в Глинскую пустынь. Таким образом, численность Глинского братства возросла при о. Филарете более чем вчетверо.

Многогранная духовно-творческая деятельность о. Филарета служила на пользу как Глинской пустыни, так и в целом монашествующим. Старец Филарет духовно окормлял не только братию Глинской пустыни, но и монашествующих многих других обителей. Для некоторых из них он составил уставы, которые явились основанием внутреннего и внешнего благоустройства и процветания этих монастырей. Так, в 1821 году, находясь в С.-Петербурге, о. Филарет, по указанию архиепископа Филарета (Дроздова), в ответ на прошение игумении Екатеринбургского Новотихвинского монастыря составил по чину Святой Афонской Горы устав для Екатеринбургской обители, утвержденный Святейшим Синодом в 1822 году. В 1821 году о. Филарет составил устав Борисовской пустыни Курской епархии.

За советом и наставлениями к о. Филарету часто обращались инокини Севского девичьего монастыря. Отец Филарет руководил духовной жизнью и весьма отдаленных от Глинской пустыни монастырей. До последних дней своей жизни он управлял всей духовной и материальной деятельностью Уфимского Благовещенского монастыря, для которого также составил устав.

Под духовным руководством великого Глинского старца возникло еще шесть обителей: Одигитриевская Богородицкая в Челябинске; Казанская в городе Троицке Оренбургской губернии; Успенская в Оренбурге; Тихвино-Богородицкая в Бузулуке Самарской губернии;

Пророко-Ильинская в Мензелинске; Троицкая в городе Бирске Уфимской губернии. Во всех этих обителях был введен устав о. Филарета.

Глинский устав, составленный игуменом Филаретом, послужил краеугольным камнем прочного устройства и процветания многих мужских монастырей. Среди них — Святогорская Успенская пустынь в Харьковской губернии, Тульский Богородицкий Щеглов монастырь, Белгородский монастырь в Курской губернии, Бузулукский — в Самарской губернии, Чуркинская Николаевская пустынь в Астраханской губернии и др. Таким образом, Глинский устав получил широкое распространение по всей России и был заимствован, полностью или частично, многими монастырями.

Это явилось ярким выражением благотворной просветительной деятельности Глинской пустыни, в которой духовно главенствовал игумен Филарет. Он внес огромный вклад в эту деятельность обители как автор книг и нот духовного содержания, о которых сказано ниже.

Отец Филарет любил и физический труд: разводил фруктовые сады, работал в огороде, на пасеке, осушал болотистые места. При этом старец часто говорил: «Томлю томящаго», то есть поработал плоть свою духу. Работал о. Филарет до изнурения, до слабости, так что не мог часто взять руками орудия труда и «шел к своей келлии, едва передвигая ноги». После напряженного трудового дня о. Филарет затворялся в своей келлии, обстановка которой отличалась строгой простотой. Здесь он совершал монашеское правило, изливал свои молитвы ко Господу. Неисчислимы его келейные подвиги молитвы, поста, разного рода воздержания, о чем говорил живший у о. Филарета десять лет келейник Константин Юнков. Однажды накануне празднования Иверской иконе Богородицы в своей келлии о. Филарет удостоился видеть Пресвятую Богородицу.

Во всех перечисленных подвижнических трудах о. Филарета вдохновляло сознание своего пастырского долга. Его пастырская душепопечительность не имела границ. Всего себя, все силы ума и сердца отдавал о. Филарет служению Богу и ближним. Самосовершенствование не было теперь его личной целью, а только одним из средств достижения более широкой и возвышенной цели — спасения паствы. Выше было сказано об окормлении старцем Глинской братии и монашествующих других обителей. Но двери келлии о. Филарета были открыты и для мирян. Люди всех званий и положений, жители самых далеких губерний — все знали смиренного, прозорливого Глинского старца. К нему тянулись тысячи верующих душ. Пришельцы из дальних и ближних мест с раннего утра толпились у келлии подвижника. С утра до вечера он только и жил заботой о ближних. Он никогда никому не отказывал в совете и помощи. Сколько людей привел он к Богу своими благодатными советами и своей сострадательной любовью!

Он жил жизнью других, радовался их радостями и печалился их печалими. Его беседы согревали охладевшие сердца, просвещали разум, открывали душевные очи, призывали людей к раскаянию, к душевному миру и духовному возрождению. Они покоряли сердца людей, вселяя в них благодатный мир и тишину. После бесед с богомудрым старцем даже раскольники присоединялись к Православной Церкви.

Сама внешность подвижника производила глубокое впечатление на обращавшихся к нему. «Черты лица о. Филарета дышали девственной красотой, душевным миром и радушием».

Помимо приема богомольцев, о. Филарет писал ежегодно до 750 писем, содержащих в большинстве случаев советы, наставления духовным чадам, в числе которых было много высокопоставленных особ из Петербурга и других городов нашего обширного отечества. Отец Филарет часто до полуночи просиживал за письменным столом, а с первым ударом колокола (в 12 1/2 часа ночи) спешил на утреню в храм. Таким образом, его любовь ко Христу и ближним полностью обнаружилась в его деятельности, то есть он сам шел по пути спасения и был путеводной звездой для других. Своими наставлениями старец оказывал огромное нравственное влияние на тех, кто соприкасался с ним. Иноки и священники ревностно брались за исполнение своих обетов и обязанностей, раскольники обращались в

лоно Православной Церкви, люди порочные в корне изменяли свое поведение, а дети на всю жизнь запоминали наставления любвеобильного о. Филарета.

Старец Филарет был преисполнен дарами Божией благодати. Дар проникновения в тайники человеческих душ позволял старцу безошибочно видеть нравственное состояние обращающихся к нему. Дар его духовного рассуждения проявлялся в том, что он сразу определял духовное состояние человека и давал ему правильный совет. Очень часто по дару прозрения, которого он сподобился за свою богоугодную жизнь, о. Филарет предвидел и предсказывал будущее.

Он сподобился видеть душу почившего преподобного Серафима Саровского, возносимую Ангелами со славой на небо, о чем он сам рассказывал многим.

Это было так. Ночью 2 января 1833 г. после утрени, стоя на крыльце своей келлии, отец Филарет увидел сияние на небе и чью-то душу, ангелами с пением возносимую на небо. Долго смотрел он на это чудное видение, подозвал к себе некоторых братий, тут случившихся, указал им на необыкновенный свет и, подумав, сказал: «Вот так отходят души праведных! Ныне в Сарове почил отец Серафим». Видеть сияние сподобились только отчасти двое из братий. После узнали, что точно в ту самую ночь скончался отец Серафим.

Можно было бы привести много других примеров дара прозрения, которого сподобился старец Филарет за свою богоугодную жизнь. Так, однажды проездом из Киева заехали к старцу Филарету в Глинскую пустынь мать с дочерью.

Получив в беседе с настоятелем много мудрых духовных советов, наставлений, они собрались было уже уходить, как вдруг отец Филарет неожиданно слегка ударил своим игуменским посохом Елизавету — дочь матери и сказал: «Привыкай к этому, — когда сама будешь носить, то будешь знать, как им пользоваться». Пророческие слова настоятеля сбылись. Елизавета впоследствии стала Верхо-Харьковской игуменьей Емилией.

Дар прозорливости способствовал о. Филарету в осуществлении внешней преобразовательной деятельности в Глинской пустыни.

Велика была сила молитв старца Филарета, и многочисленные случаи исцелений свидетельствуют об этом. Однажды один крестьянин с сильной головной болью приехал на монастырскую мельницу. В то время там был о. Филарет; он взял больного за голову двумя пальцами, и болезнь тотчас же прошла.

Современники называли о. Филарета «старцем святой жизни». «Олицетворяя в себе тип древнего иночества и настоятельства по образу великих светил иночества: Пахомия, Евфимия, Саввы и других восточных и отечественных наших преподобных, игумен Филарет с великою мудростью духовною и прозорливостью соединял особую кротость и любовь ко всем ближним. Эта любовь выражалась в нем преимущественно в желании и стремлении всех спасти и привести в духовное о Христе совершенство... Это был и настоятель, и вместе любвеобильный отец для всей своей братии, которою руководил он не столько строгостью, сколько любовью и собственным примером святого иноческого жития. Отец Филарет воздвиг Глинскую пустынь «на степень благоустроеннейшего в духовном отношении монастыря». (Очерк жизни Святогорской Успенской пустыни архимандрита Германа. 1894. С. 25)

Труды о. Филарета не могли остаться незамеченными. «За отлично усердную службу» 20 января 1829 года он был награжден золотым наперсным крестом из кабинета императора Николая I (весом 15 золотников). «За примерное поведение и попечительность в благоустройстве обители» 1 марта 1835 года о. Филарету был вручен игуменский посох. 14 марта 1839 года «за прохождение настоятельского служения с отличным усердием и особенною пользою для обители» о. Филарет был возведен в сан игумена.

В письме Илииодора (Чистякова), епископа Курского и Белогородского, в Святейший Правительствующий Синод по случаю возведения настоятеля Филарета в сан игумена было сказано:

«В Глинской Рождество-Богородицкой общежительной пустыни строитель иеромонах Филарет проходит настоятельское служение с 1817 г., при поведении весьма честном, с отличным усердием и особенною пользою для обители.

Вследствие чего означенный строитель Филарет признан мною быть достойным игуменского сана, в каковой и произведен мною 14 марта сего года, с присвоением ему сей степени лично.

О чем Святейшему Правительствующему Синоду благопокорнейше доношу во известие.

Вашего Святейшества нижайший послушник Илиодор, епископ Курский». Однако не к земным почестям были направлены устремления игумена Филарета. Сознание своего труда ради Бога и Царицы Небесной было его самым большим утешением. Внешняя преобразовательная деятельность никогда не затмевала его заботы о духовном преуспевании братии вверенной ему Богом обители. Подтверждение этой мысли находим в кратком описании Глинской пустыни, представленном отцом Филаретом в Курскую духовную консисторию в 1837 г.: «Хотя и видны некоторые успехи наружного благоустройства, но внутреннее духовное здание, зиждимое благодатию Господа нашего Иисуса Христа и помощью Владычицы Пресвятой Богородицы, паче и паче занимает умы и сердца братства Глинской пустыни, а все это вкупе принадлежит не нам, но имени Твоему, Господи».

До самой кончины он ревностно исполнял свои настоятельские обязанности: ежедневно отдавал распоряжения по делам обители, принимал братию, благословлял богомольцев и т. п. Однако, все более и более возвышаясь духовно, о. Филарет с каждым днем слабел телесно. В 1838 году, за два дня до праздника Рождества Христова, от полного изнеможения сил он потерял сознание, братия с трудом привели его в чувство. После этого телесные силы о. Филарета стали угасать видимо для всех. Последнюю Божественную литургию он совершил в Неделю Православия Великим постом 1841 года.

Перед переходом в иную жизнь игумен Филарет благословил братию и со смирением просил у всех прощения и молитв о себе... В молчании и уединении встречал приближающуюся кончину. Господь благословил ему в духовной радости провести первый день Пасхи. В час пополуночи под понедельник он причастился Святых Таин, а в 6 часов 30 минут утра старец Филарет мирно скончался. Это было 31 марта 1841 года. Знаменательно, что в этот же день совершалось празднование Иверской иконе Божией Матери, которую о. Филарет получил в благословение при переходе на настоятельство в Глинскую пустынь.

«Иеромонахи и послушники, старцы и юноши равно оплакивали своего великого старца — отца, который, как святой, лежал в гробу, издавая благоухание от труженического мертвого своего тела» (Очерк жизни Святогорской Успенской пустыни архимандрита Германа. 1894. С. 31). Один из послушников спросил о. Арсения (Митрофанова): «Не положено ли было в гроб каких благоуханий земных?» Отец Арсений, который присутствовал при облачении и положении во гроб свято почившего старца, удостоверил его, что никаких благоуханий не было там положено, а что это благоухание есть возмездие от Бога потов и трудов его преподобных.

В самой смерти блаженного старца Филарета, когда все собравшиеся священнослужители в праздничных ризах возносили к Богу победные над смертью пасхальные песнопения, казалось, был залог вечного блаженства почившего в Царствии Небесном.

Похоронен был настоятель Филарет «согласно его завещанию у прага храма, да поминают все входящие в храм Господень» (слова, сказанные старцем при приготовлении себе смертного покоя). Последним его предсмертным завещанием было: «Имейте, братие, мир и любовь между собою, а я, если обрету у Господа дерзновение, то верую, яко обитель наша не оскудеет. Вы же сотворите любовь, поминайте меня отцом своим, аще аз и недостойный, и обрящете благодать от Бога».

И поистине игумен Филарет не оставил духовных чад своим предстательством перед Богом. Он являлся неоднократно своим ученикам или почитателям, предсказывая им день кончины, подавая необходимые советы, спасительные наставления.

Многочисленный сонм последователей игумена Филарета до сих пор бережно хранит его наставления — уроки об очищении сердца, руководствуется ими в своей духовной борьбе.

Господь, несомненно, сподобил Своего праведника — Глинского настоятеля игумена Филарета — небесной славы. Некоторые старцы, достойные духа созерцаний, неоднократно видали покойного отца Филарета Глинского поющим на клиросе с братией.

В 1847 году, когда копали рвы для фундамента в целях расширения соборного храма, пришлось вскрыть склеп, где был погребен о. Филарет. Монах Израиль, «видя гроб совершенно целым, решился приподнять крышку его и увидел одежды также целыми, а тело аввы нетленным и благоухающим».

Во все последующие периоды существования Глинской обители в ней всегда с великим благоговением хранили память о незабвенном авве. И лучшим подтверждением этому служило строгое соблюдение монастырского устава и всех заветов старца, причем «соблюдение, не ограничивающееся одной внешней стороной, но проникнутое самим духом пустынного общежительного иночества, об утверждении которого в обители так заботился старец Филарет».

По свидетельству иноков обители, и в XX веке из уст Глинских старцев часто слышались выражения: «Старец Филарет говорил», «Батюшка Филарет установил» и т. п..

В день тезоименитства преподобного аввы, 1 декабря (старого стиля), в Глинском монастыре и в Дальнем Спасо-Илиодоровском скиту всегда совершалось заупокойное всенощное бдение, а после литургии — панихида.

В этот день произносилось специальное поучение, посвященное богоугодной жизни старца Филарета — смиренномудрого и богобоязненного подвижника.

Своими молитвами, трудолюбием, духовными книгами, нотными произведениями, «уставами» игумен Филарет оставил последующим поколениям много памятников. Но лучшим из них стала возрожденная и возобновленная им Глинская пустынь.

Отец Филарет еще за два года до кончины на слова иноков: «После вас, батюшка, обитель наша совсем разорится» — ответил: «Не разорится, а созиждется, увеличится и процветет». И предсказание его исполнилось.

Особое значение имеют труды игумена Филарета.

Прежде всего, отец Филарет составил, по образцу Афонского, Устав Глинской пустыни (подлинник, написанный самим игуменом Филаретом, хранится в РГИА, ф.796, оп.102, д.936). Устав состоит из 3 отделов, включающих 36 глав. В первом отделе определен чин богослужения, поминовений, порядок в трапезе; во втором — обязанности братии на послушаниях; в келлиях; в третьем — обязанности настоятеля и старшей должностной братии: духовника, благочинного, ризничего, уставщика, казначея и др.

Устав Глинской пустыни отличается от других не только строгостью и точностью исполнения церковных правил, но некоторыми обрядами, совершаемыми при богослужениях (подробнее см.: Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Глинская пустынь. 1994. С.128—129)

В первом отделе Устава отец Филарет определяет цель богослужений: «Общая цель богослужения — это введение ума и сердца в истину».

Во втором отделе отец игумен разъясняет общую на всех послушаниях истину: «Работать не в полную силу есть грех».

По просьбе настоятельниц игумен Филарет составил также уставы девичьих монастырей: Екатеринбургского Новотихвинского, Борисовской пустыни Курской епархии и Уфимского Благовещенского.

Высокая подвижническая жизнь, ревностная попечительность о спасении братии побудили отца Филарета составить «Почтение к новопостриженному монаху». Это

поучение представляет собой сокровищницу духовных советов не только для иноков, но и для всякого православного христианина.

В апреле 1824 года рукопись по указу Святейшего Синода была напечатана, а в июне того же года последовал указ императора: «Поучение к новопостриженному монаху» разослать во все Епархии, применяясь к количеству монастырей, для раздачи в оные... для руководства в управлении монастырями и братиею, а также и для чтения оными...»

Таким образом, труды Глинского игумена Филарета были разосланы во все концы страны, что свидетельствует о влиянии Глинской пустыни на духовную жизнь всей многонациональной России.

В самой Глинской пустыни «Поучение» отца Филарета читалось в трапезе — в день пострижения кого-либо из братьев, а в остальные — по келлиям.

«Поучение» переиздавалось еще трижды вместе с еще одним поучением отца Филарета «Новонаначальному перед постригом» под общим названием «До и после пострига. Поучения монахам Глинского игумена Филарета».

Перу игумена Филарета принадлежит также «Наставление о должности духовника, служащего инокиням», которое прилагалось к уставам женских монастырей. В «Наставлении» даются советы, как поступать в деле духовного руководства инокинями, при исповеди вообще и при исповеди и причащении болящих инокинь в частности.

Сохранились также общие и монашеские наставления богомудрого Глинского старца, записанные его учениками.

Общие духовные наставления адресованы всем христианам и касаются вопросов порабощения плоти духу, хранения чистой совести и чистого сердца, стяжания христианской любви, борьбы со страстями, духовного трезвения. «Мы, христиане, имеем долг идти вслед Спасителя. Взирая на страдания и смерть Его, должны всегда понуждать худшее покорить лучшему и плоть поработить духу, чтобы сделать себя по образу и по подобию Божию. Образ — в душе человеческой, подобие же — в добродетелях».

В наставлениях монашествующим о. Филарет особое внимание обращает на стяжание смирения, на всецелое покорение себя воле Божией. «Кто совершенно покорит себя воле Божией (через послушание старцам и старшим), тот свою волю во всем оставит, тому и не бывает скорби, ибо врагу места там нет. Своевольным же и непокорным враг никогда не дает покою и будет всегда наводить смущение. Что сделается не так, как хочется, все Богу неугодным во мне (то есть свое хотение и желание) и мирен будешь, и враг не будет тревожить... Понуждай себя считать меньшим и худшим всех в добродетелях и недостаточным в познании духовного делания».

Имея от Бога дар непрестанной молитвы Иисусовой, о. Филарет наставлял и братию в этом подвиге. «В умномысленном делании и молитве наиболее состоит истинный подвиг монашества; в нем бывает истинное познание духовных вещей и Бога». Молитва Иисусова, по мысли о. Филарета, научает монаха искать сердцем Бога, побуждая к послушанию, терпению, кротости, смирению. Она способна возродить монаха (человека) духовно и вселяет мир и любовь к Богу и людям.

Отец Филарет писал и нотные книги. Им написаны пять Ирмологиев и некоторые другие церковные песнопения.

Имея от Бога высокие духовные дарования, игумен Филарет сумел так искусно направить жизнь обители, что о ее патриотической, просветительной, благотворительной деятельности впоследствии знала вся страна. Иноки обители, как проводники в жизнь известных нравственных требований, служили и духовным, и временным материальным нуждам своего народа.

Примечание

[1] Включён в месяцеслов Русской Православной Церкви решением Архиерейского Собора 2017 года.

Преподобный Феодот (Левченко), Глинский, монах

Прп. Феодот (Левченко, †1859) – уроженец Черниговской губернии, происходил из казаков. Не обученный грамоте, он с детства воспитывался в благочестии. Поступив в Глинскую пустынь, более семидесяти лет проходил тяжелейшее послушание на кухне, перенося побои и унижения с великим смирением. Стяжал дар непрестанной молитвы и прозорливости. Многие видели его во время молитвы освещенным неземным светом или приподнятым над землей. Скончался в 1859 году, предсказав день своей кончины.

Преподобный Феодот[1] (в миру Феодосий Левченко, †1859) был уроженец Черниговской губернии, Глуховского уезда, селения Черторич. Он происходил из простых казаков и не был научен грамоте. Отец Феодосия, будучи сам честным и добрым христианином, воспитал и сына своего Феодосия в страхе Божиим и внушил ему еще с детства любовь к святой и добродетельной жизни.

Когда, по воле Божией, пришло время Феодосию удалиться от мира, он вытребовал документ на свободное проживание в различных местах России и навсегда оставил свою родину, так что с сего времени он как бы умер для нее, и последняя для него как бы не существовала. Феодосий шел туда, куда вел его Божественный Промысл, по воле которого он пришел в Глинскую пустынь и поступил в число малолюдного в то время братства; он был определен на братскую кухню, где и положил начало своей многотрудной иноческо-подвижнической жизни. Будучи назначен проходить послушание на кухне, он ревностно принялся за труды, исполняя все поручаемое ему: рубил дрова, носил воду, помои, очищал от грязи кухню, мыл посуду и вообще производил самые тяжкие и грязные кухонные работы, с младенческою простотою выслушивая приказания заведующих кухней и беспрекословно выполняя все работы. В продолжение всей своей многолетней монастырской жизни, даже когда он проходил послушание старшего повара, он не имел отдельной келлии, где бы мог успокоить свое изможденное трудом и подвигами болезненное тело. Феодосий всегда жил на кухне, где не было никаких приспособлений к обычному человеческому жилищу. Если обратить внимание на то, что Феодосий в описанной обстановке прожил около семидесяти лет, то перед нами яснее раскроется картина многотрудной жизни этого терпеливца, отвергшегося себя ради приобретения Господа Спасителя своего

Одними внешними телесными трудами подвижническая жизнь послушника Феодосия не ограничивалась. Христиански мудрый простец Феодосий, не обучавшийся грамоте, тем не менее молился усердно и горячо. Некие послушники слышали, как Феодосий ночью в своей келии полагал множество земных поклонов и, обращаясь то к Заступнице рода христианского Божией Матери, то к Иисусу Христу, взывал: "Пресвятая Богородице, спаси нас!" "Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя!" Долго стояли слушающие и, не дождавшись окончания его молитвенного подвига, удалились.

Видя его простоту и добросердечие, вместо того чтобы отнестись к нему с любовью, некоторые люди обращались с ним очень грубо и презрительно и часто подвергали его побоям, о чем он сам впоследствии рассказывал, и свидетелями чего были некоторые из братии. Переноса без ропота жестокие побои и всякого рода озлобления, ради умерщвления своего ветхого человека, Феодосий освобождался от страстей и пламенел ревностью к Богу.

В последующее время видно было, что подвижник Феодосий за свои неутомимые подвиги и незлобивое терпение, по благодати Божией, достиг высоты бесстрастия и принял от Бога дарования не страшиться духов злобы, без страха взирает прозорливым духовным оком своим на коварные замыслы диавола, о которых он рассказывал окружающим его братьям и которые он старался разрушить. В нем видимо для всех проявился благодатный дар прозорливости, и он стал пользоваться глубоким уважением и благоговением братии и всех знавших его. В то время он был пострижен игуменом Филаретом в рясофор и в пострижении получил имя Феодот.

Настоятель Глинской пустыни игумен Филарет, муж высоких добродетелей и благодатный дарований, с глубоким уважением и почтением относился к Феодоту и приписывал великую силу его молитвенным ходатайствам перед Богом о своей обители. Он не раз говорил своей братии: "Вот видите, братие, благоволение Божие к нашей обители, мы уже теперь пребываем без особенной нужды; Господь посылает нам все потребное, но это благоволение Божие к нам смиренным привлекает молитва старца Феодота".

И действительно, пламенная молитва преподобного восходила к престолу Божию. Известный подвижник старец Макарий, исполнявший в то время должность благочинного, выйдя однажды во время утреннего богослужения из церкви, внезапно увидел над братской кухней столп света. Будучи сам просвещен духом Божиим и поняв, откуда такое явление, он поспешил тихо пройти в кухонный коридор и приблизился к кухонной двери (в последней была щель, образовавшаяся от трения старинной щеколды). Наклонясь к щели, старец Макарий начал всматриваться: и вот он увидел Феодота, стоящего на коленях перед иконою Спасителя, с воздетыми вверх руками, и из уст его выходил пук пламенновидного света, который, протягиваясь к иконе, разливался и освещал все то место стены, где стояла икона. Увидя это, старец Макарий был поражен чудным зрелищем и в страхе отступил назад. С чувством великого благоговения рассказывал он впоследствии виденное единомысленным собратиям.

По примеру старца Макария и другие благоговейные из братии Глинской пустыни удостоились видеть преподобного Феодота на молитве в различных чудесных состояниях. Некоторые видели его на молитве приподнятым от земли, другие видели его во время молитвы освещенного неземным светом. Часто он молился за кухонной печкой, где на стене висел его большой деревянный крест с изображением распятого Спасителя. Когда Феодот молился перед сим крестом, то от креста исходило яркое сияние света. Так текла жизнь преподобного в трудах, искушениях, терпении и молитвах.

Братия Глинской пустыни относились к св. Феодоту с доверием и искренне уважала и любила его. Отличительной чертой святого в это время была младенческая чистота. В некоторых случаях он прикрывал свое смирение юродством.

В 1859 г., в мае св. Феодот почувствовал крайнее изнеможение, вследствие чего вынужден был расстаться с местом постоянных своих трудов и подвигов — кухней — и был переселен на монастырскую пасеку. Здесь в тесной келлии, лежа на соломе, оканчивал он свое многотрудное и многострадальное поприще. За десять дней преподобный предсказал день своей кончины. В эти последние дни над болящим совершено было Св. Таинство Елеосвящения; несколько раз он удостоился благоговейно приобщиться Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа. По истечении же предуказанных дней он был облечен во святой ангельский образ мантией и наименован опять Феодосием. 16 июля, в четверг, в присутствии нескольких человек младшей братии, преподобный лежал тихо и спокойно на полу, устремив потухающий взор свой на икону Спасителя. В четыре часа утра, когда наступил час разлучения души с телом, он с усилием поднял руку, оградил себя крестным знамением и с светлым лицом предал дух свой в руце Господа своего, уснул как невинный младенец.

В час кончины старца Феодота пономарь монах Досифей, после утрени затворяя церковь, неожиданно услышал какое-то чудное, приятное пение. Пораженный таким необычайным явлением, он стал прислушиваться. Пение это внезапно и громогласно раздалось в воздухе над пасекой, а затем, подымаясь постепенно на высоту, по его выражению, поверх леса, становилось все тише и тише, пока наконец совсем не затихло.

Так окончил свое многолетнее и многотрудное поприще сей дивный старец Феодот. Его труды, терпение, страдание, борьба с духами злобы, глубокое смирение вполне ведомо только единому всевидящему Господу, ради Которого он от юности своей отвергся не только мира и яже в мире, но даже отвергся своего тела, которое подвергал жестоким долголетним изнурениям и озлоблениям до самого своего исхода и своей воли. Блажен

потрудившийся в короткое время сей жизни, ибо он вселится в вышнем Иерусалиме, составит хор с ангелами и упокоится с пророками и апостолами и всеми святыми.

Примечание

[1] Включён в месяцеслов Русской Православной Церкви решением Архиерейского Собора 2017 года.

Преподобный Макарий (Шаров), Глинский, иеросхимонах

Прп. Макарий (Шаров, 1802–1864), иеросхимонах, уроженец Тульской губернии, из благочестивой мещанской семьи. В 1822 году поступил в Глинскую пустынь под руководство игумена Филарета. Проходил послушания на пасеке, отличался смирением и усердием. В 1833 году пострижен в монашество, позднее рукоположен в иеродиакона и иеромонаха. С 1844 года исполнял обязанности благочинного, проявляя великую любовь и терпение к братии. После видения ангела стал принимать многочисленных посетителей, наставляя всех с глубоким смирением и прозорливостью. В 1863 году принял схиму. Скончался в 1864 году, предсказав свою кончину.

Святопочивший старец иеросхимонах Макарий[1] (в миру Матвей Терентьевич Шаров) происходил из богатой мещанской семьи г. Ефремова Тульской губернии. Матушка его отличалась особым благочестием, всегда ходила с четками в руках и воспитывала детей своих в страхе Божиим. Следуя примеру своих родителей, Матвей Терентьевич был также набожным, смиренным, вел воздержанную жизнь: он не ел скоромного, читал духовные книги, удалялся от мирской суеты, усердно посещал храм Божий и часто молился Богу дома. Двадцати лет, в 1822 году, он окончательно решил оставить мир и поступить в Глинскую пустынь под руководство незабвенного аввы Филарета — мужа, известного святостью жизни.

Первоначально его назначили трудиться на монастырской пасеке, куда часто приходил отец настоятель, присматривался ко вновь поступившему и отечески учил его монашеской жизни. Заметив в нем большую склонность к монашеской жизни и способность к выполнению ее, а также видя его усердие в послушании, отец Филарет 16 декабря 1833 года постриг Матвея в монашество с именем Макарий. Будучи еще послушником, он бдительно надзирал за состоянием своей души; сделавшись же монахом, отец Макарий еще более начал упражняться в этом. 23 октября 1837 года монах Макарий посвящен был во иеродиакона. Приняв сей сан не по собственной воле, но по желанию своего настоятеля и руководителя. В 1839 году о. Макарий по достоинству возведен был в сан иеромонаха и еще более стал внимательным к себе.

Заглянем в келлию старца. Она состояла из одной малой комнаты. Стекла в ней были заклеены бумагой, чтобы не развлекаться взором. Но почитателям и особенно любопытным почитательницам и ученицам подвижника желательно было взглянуть на смиренное жилище уважаемого наставника. Некоторым из них он сам показывал свою келлию, раскрывая ее двери. Вот как описывает келлию о. Макария почтенная монахиня Ф., ученица о. Макария: "В келлии была одна икона Страстной Божией Матери, распятие, несколько книг, стол, стул, простая деревянная скамейка, на ней лежал старый зипун, а на столе одно яблоко". Никаких украшений келлии старец не терпел.

Из своей келлии отец Макарий любил совершать прогулки в лес. Возьмет какую-либо духовную книгу, пойдет в лес, в уединенном месте сядет и читает или питает душу свою богомыслием и молитвой. Для молитвы он опускался на колени, и чистая душа его возносилась к Богу.

В 1844 году о. Макарий был назначен благочинным, несмотря на то, что не особенно давно сей ревностный исполнитель заповедей Господних по болезни был зачислен за штат. Приняв на себя трудную должность благочинного монастыря, о. Макарий самоотверженно предался исполнению своего долга. Как же действовал о. благочинный? Он как бы разделял свою любовь на две равные части: одну часть ее отдавал настоятелю, исполнять приказания которого он считал священным долгом послушания, другую часть любви подвижник отдавал братии, среди которой находились такие, кои или по ложной стыдливости, или по самолюбию, самосожалению, иногда по упорству отказывались исполнить данное послушание или приказание. И единственно ради Бога, любви и желания спасения ближних, много терпел о. Макарий, часто подвергая себя неприятностям. Иногда он сам старался исполнить послушание отсутствующих: так например, неоднократно по ночам он месил хлеб и исправлял другие тяжелые работы.

Своей любовью о. Макарий старался покрыть перед настоятелем немощи немощных братии и нередко за это сам подвергался неприятностям. Не мало приходилось ему терпеть скорбей от некоторых сподвижников за прием посетителей, особенно женского пола, а обязанности благочинного и старца много отвлекали его от богомыслия. И вот о. Макарий решился отказаться от благочиния и от приема посетителей, желая в келейном уединении работать единому Господу. В 1849 году, во внимание к болезненному состоянию отца Макария, по его просьбе уволили его от благочиния, а спустя два года, по болезни же, освободили от чреды священнослужения.

С увольнением от благочиния о. Макарий из своей келлии стал только выходить в храм Божий да для уединенных, и то редких, прогулок, во время которых его чаще обыкновенного видели на кладбище, где многое и о многом говорило его смиренной душе. По уединении отца Макария, многочисленные почитатели его лишились назидания; пробовали было приходить к его келлии, но получили отказ в приеме. Однако вскоре о. Макарий стал принимать посетителей по указанию свыше. "Лежу я, как теперь, утомленный и немощный, — говорил о. Макарий отцу настоятелю, — явился мне ангел Божий и сказал: "Принимай народ". Теперь я не могу противиться и должен исполнить волю Божию". После этого старец получил благословение от аввы на прием приходящих. Кроме того, было о. Макарию видение, по которому он без смущения стал принимать женский пол. "Я вас не принимал бы, — говорил подвижник монахине, — да мне было видение. Вижу, будто иду в церковь. По монастырю и около меня летает множество ласточек. Они садятся и на руки, и на плечи мне; я их беру в руки и одуваю. После того будто возвращаюсь из церкви и на голове несу крест, а на крышах монашеских келлий грачи каркают на меня". Видение ласточек было понято о. Макарием в том смысле, что он не должен отказывать в приеме женщин, ищущих его совета; несение креста означало, что дело это — не легкий подвиг; а каркающие грачи означали тех братии, который роптали по поводу приема женщин.

Изумительно было спокойствие старца в минуты наставнической его деятельности! На его светлом лице сияла чистая радость, как отражение чистоты его сердца; в его зоре проявлялась ангельская кротость, как выражение внутреннего мира. Он весь был любовь, как выразилась про него одна почитательница. С одинаковым терпением старец выслушивал и нелепое суеверие темного человека, и безверие ученого человека, и его безумное вольнодумство, и бессмысленную жалобу крестьянской женщины, и замысловатую пытливость барыни, и бесхитростный рассказ простолудина, и хитросплетенную фразу мудрецов мира сего; ничто не могло возмутить его христианского терпения, его полного духовного спокойствия; все было им покорено глубочайшему смирению. Это был истинный учитель нравственного богословия и духовного делания.

Исцеляя немощных, о. Макарий вряд ли молил Бога о исцелении своих немощей. Для спасения себя и ближних, а также ради славы Божией старец никогда не жалел себя. Но пришло время, и телесная храмина его стала приходить все в большее и большее изнеможение, хотя внутренний человек и возрастал непрестанно. Получив некое откровение о приближающейся кончине, старец "в напутствие к сожитию на небесех со

ангелами", как он потом выразился, пожелал принять на себя великий ангельский образ и удостоился святой схимы 1 июня 1863 года с оставлением прежнего своего имени. С повторением иноческого обета, он еще более усугубил и без того великие свои подвиги. Опираясь на костыль, он твердо выстаивал до конца все продолжительные богослужения Глинской пустыни, несмотря на сильную болезнь.

За шесть месяцев до смерти изможденный подвижник затворился в своей келлии и принимал к себе только иноков, но более предпочитал совершенное уединение. Теперь еще чаще о. Макарий стал приобщаться Святых Тайн Христовых, твердо веруя в скорое разрешение души своей от уз плоти.

Особым видением о. Макарий уверен был, что не будет задержан на страшных мытарствах. Монахине Агнии подвижник говорил: "Лежу я больной и скорбный. Господи, не готов я, а конец жизни приближается! И вижу белый столб, как бы бумагой оклеен, до самого неба восходит. На том столбе большая площадь; там хорошо, сказать тебе не умею. Это мне было место показано, и слышал я глас, что мне мытарств проходить не придется". Вот почему он с нетерпением и бестрепетно ожидал своей кончины. Стоя при входе в загробный мир, о. Макарий спокойно мог прощальным взором окинуть пройденный им земной путь и особенно в последние дни своей сказать с апостолом: "Мне жити — Христос и умерти — приобретение".

Незадолго до кончины, по собственному желанию, о. Макария перенесли в братскую больницу. Жизнь подвижника угасала подобно тихому мерцанию потухавшей лампы. Перед кончиной подвижник перестал говорить и только взорами, устремленными горе, давал разуметь, что молитвенный дух его стремится скорее "разрешиться и со Христом быти". Напутствованный в жизнь грядущую христианскими Таинствами, оплакиваемый почитателями, блаженный старец 21 февраля 1864 года, на 63-м году от рождения, тихо и мирно предал душу свою Господу, Которому усердно служил во все дни своей жизни. 23 февраля совершена была заупокойная литургия, после которой о. игумен Иннокентий с собором священноиноков воздал святопочившему своему старцу последний долг отпевания, предав многотрудное тело его общей всех матери — земле.

Примечание

[1] Включён в месяцеслов Русской Православной Церкви решением Архиерейского Собора 2017 года.

Преподобный Мартирий (Кириченко), Глинский, монах

Прп. Мартирий (Кириченко, †1865) — уроженец Курской губернии, поступил в Глинскую пустынь в 1831 году. Проходил тяжелые послушания, особенно на мельнице. Строгий постник — в Великий пост мог не вкушать пищи неделями, питаясь лишь хлебом и водой. Выучил наизусть всю Псалтирь и непрестанно творил Иисусову молитву. Отличался крайним нестяжанием, избегал всяческих почестей и благодеяний в свою пользу. Обладал даром прозорливости, переносил бесовские нападения. Скончался в 1865 году. Погребен в Глинской пустыни.

Монах Мартирий[*] (в миру Матфей Кириченко, †1865) числился мещанином города Суджи Курской губернии; настоящей же его родиной была слобода Басевка, где жили его родители; это были люди благочестивые и достаточные; впоследствии родной брат его служил управляющим богатого помещичьего имения.

1831 года, на 31-м году от рождения, Матфей Кириченко поступил в число братии Глинской пустыни, при настоятеле Филарете, и первый искус трудов общежительного послушания начал проходить в братской поварне, где в то время был поваром известный подвижник, блаженный старец Феодот; сей последний для пламенеющего ревностью к

подвигам послушника Матфея представлял собой живой пример полнейшего самоотвержения, от которого послушник Матфей мог обильно черпать уроки той жизни, которая приходилась ему так по сердцу. Желая быть достойным подражателем жизни того, у которого был под началом, Матфей, умудряемый Божественной благодатью, здесь воспринял сердцем первые задатки своих будущих деланий, для которых как бы предначертал свой жизненный путь, по которому он должен двигаться к цели бесстрастия. В этом уверяет его твердая решимость, так как он с самого начала решился самоотверженно поставить себя на жестокий путь беспощадного самоозлобления, для искоренения страстей и умерщвления в себе всего ветхого человека с деяниями его, и продолжал начатое неуклонно и непрерывно, не угашая в себе пламени ревности до самой своей блаженной кончины; а это не многим удается[1].

1835 года, июня 4-го, состоялось причисление Матфея Кириченко в число указных послушников Глинской пустыни. За протекшие первоначальные годы послушник Матфей проходил различные черные монастырские послушания, со всяким прилежанием, а при всем этом никогда не оставлял церковного правила, выстаивая службы от начала и до конца, со всевозможным усердием. Охраняя свои чувства от развлечения и сосредоточивая в себе внимание в молитвословии, он всегда стоял наклоня голову с закрытыми глазами.

Проходя монастырские послушания, на которых приходилось постоянно обращаться не с одним монастырским братством, а и с многими людьми мирскими, послушник Матфей, невзирая на таковые соприкосновения, поставил себе правилом, не произносить праздного слова и усиленно нудил себя усвоить молчание, чего и достиг с помощью Божественной благодати. Всегда видели его погруженным во внимание, сосредоточенно пребывающим в молчании, а если требовала необходимость говорить по делу послушания, он отвечал кратко, отрывисто, чтобы не произнести лишнего слова. Таковым молчаливым благонастроением послушник Матфей ограждал себя не без цели; стремление его души понуждало его к постоянному погружению своего ума в слова Божия, а чтобы удобнее привязать ум к таковому деланию, он, вероятно, в подражание преподобному Спиридону, просфорнику Печерскому[2], изучил наизусть всю Псалтирь и при всяком занятии читал изустно псалмы, иногда умно, иногда устно тихо про себя, но когда никого не было вблизи него, он читал гласно вслух. Впоследствии он это чтение Псалтири так усвоил себе, что оно, кажется, проникло все существо его души и было как бы стихией, в которой вращались и двигались все его душевные силы. При всех своих занятиях, что бы он ни делал: т.е. дрова рубил или воду носил, сено сгребал или шел куда-либо, чтение псалмов лилось из его сердца, перед его умными очами всегда раскрыта была сия Богодухновенная книга; таким образом, славословия Богу от сердца возносились непрестанно.

В 1840 году 24 июня, по разрешению духовного начальства, послушник Матфей Кириченко был пострижен в монашество настоятелем Филаретом и был наименован Мартирием.

Еще прежде произнесения монашеских обетов монах Мартирий относился к себе весьма сурово, а по принятии на себя ангельского образа он решился совершенно отрешиться от всего земного, чувственного, а посему лишил себя самого необходимого для жизни. Нестяжание его было таково, что он совершенно не имел у себя никаких вещей или лишней одежды, исключая той, в которую одевался, а о деньгах уже и говорить нечего, он их просто не желал даже видеть.

Родной брат этого подвижника, человек благочестивый, имел хорошее состояние; иногда посещая Глинскую пустынь, он делал пожертвования деньгами и другими вещами. Монах Мартирий, смиренномудро уклоняясь от всякой известности, запрещал своему брату делать пожертвования в ту обитель, в которой он имеет свое жительство. Он говорил своему брату: «Если ты желаешь делать благодеяние, делай этот долг христианина, но это можешь выполнить, делая благотворение помимо нашей обители. Вот здесь недалеко Софрониева пустынь, Петропавловский монастырь и еще есть прочие монастыри, вот туда и направляй свои благотворения, Господь их примет, а в нашу пустынь, где я живу, не привози ничего,

а то ты будешь делать пожертвования, настоятель наш и братия будут благодарны, а из-за этого и мне будут оказывать признательность, а это-то весьма не полезно для монаха, полезнее быть ему в совершенной неизвестности. Господь сказал: «Да не увести шуйца твоя, что творит десница твоя» (Мф.6:3), так делай и ты, если будешь благотворить туда, где меня нет и тебя не знают, тогда будет по-евангельски. А нашу святую обитель и без тебя Божия Матерь не оставит». Для своих потребностей монах Мартирий ничего не принимал и от своего родного брата, исключая восковых свечей, которые он зажигал во время своих келейных молитв. Получая свечи, он говорил брату: «За это подаяние спаси тебя Господи, а кроме этого, ничего мне не надо».

Монах Мартирий для приобретения незыблемых устоев духовной жизни, основанных на глубоком смирении, стремился вкоренить в себе эту фундаментальную добродетель; для сего подвергал себя всякому унижению. А как блюститель сердечной чистоты, он ясно видел тончайшие подходы врага, который ко всякому делу старается примешивать свои искусительные суемудрия. Чтобы положить предел пожеланиям ветхого человека, которые нередко влекут страстно к почестям наши сердечные чувства, и строго держаться предначертанного плана проводить жизнь в глубоком смиренномудрии, он решился отклонить от себя всякое предложение к священному сану наотрез, чтобы пресечь самые причины, побуждающие к почестям.

О келейном правиле того времени монаха Мартирия ясно сказать нельзя, потому что келейные его подвиги совершались в тайне, но из рассказов живущих с ним братий, которым приходилось быть свидетелями его стремлений, как он, с самого начала, трудился над собой, чтобы закалить себя в различных лишениях и подвигах, а наипаче во всегдашней духовной бодренности, можно заключать, что келейное правило сего подвижника обнимало собой все свободное время от трудов по послушанию.

Однажды старец Мартирий был назначен на послушание на дальнюю монастырскую мельницу, которая находится от монастыря на расстоянии одной версты. Отсюда было неудобно ходить всегда на церковное богослужение, которое старец Мартирий усвоил выполнять без опущения. Посему он к своему продолжительному келейному правилу присовокупил выполнение церковного богослужения, выполняя все в ночное время, так как днем случалось отвлекать дела по мельнице, хотя и при делах ум его бывал всегда занят чтением наизусть псалмов. На дальней[3] мельнице, где пришлось проходить послушание старцу Мартирию, для помещения имелся деревянный домик, довольно ветхий, крытый соломой, а снизу обложенный деревянной завалинкой, подгнившей от времени. Внутри этого домика были отгорожены две маленьких келлии, в одной из них помещался старец Мартирий, а в другой рядом с ним помещался его помощник – новоначальный послушник. Обе келлии отапливались одной печкой. В зимнее время послушник, протапливая печку замечал, что у него в келлии тепло, а в келлии старца Мартирия очень холодно; он думал, что это происходит от неисправности печки, наконец, присмотревшись, заметил, что снаружи около келлии старца Мартирия завалинка раскопана и прокопаны сквозные отверстия для свободного прохода холода. Послушник, думая, что это случилось от ветхости домика, просил позволения у старца залатать эти дыры и осыпать завалинку, как должно быть; на это старец Мартирий сказал: «Не надо заделывать, а то будет жарко». – «Да где тут жарко, – возразил послушник, – когда в твоей, отче, келлии со всех сторон дует морозный ветер, так что решительно невозможно согреться?» Но старец Мартирий уверил своего помощника, что у него в келлии, особенно ночью, бывает не только тепло, а случается даже жарко. «Если хочешь узнать, – сказал он, – приходи ко мне вечером и убедишься, что бывает так». Послушник был новоначальный и очень простодушный; не понимая мысли старца, он, удивляясь, говорил: «Что за чудо! Кругом дует холодный ветер, а тепло, да еще и жарко?» Дождавшись вечера, он пришел в келлию старца, желая убедиться в том, о чем уверял старец, а этот последний готовился читать свое вечернее правило, пригласил и пришедшего помолиться вместе. Совершив правило, которое состояло из различных молитвенных чтений, старец начал полагать с молитвой земные поклоны. А

послушник, соучастник молитв, следовал его примеру. Время тянулось уже довольно долго, а полагаемым поклонам и конца не видно. Послушник, молодой, полный жизни, очень крепкого сложения, желал поравняться с престарелым старцем в полагаемых поклонах, но видя, что старец кладет их быстро, как машина, и притом без всякой усталости, он сбросил с себя подрясник, потому что вспотел, и начал полагать поклоны раздевшись. В таковых поклонах время протянулось довольно долго. Наконец старец Мартирий прочитал отпустительные тропари и надлежащий отпуск и, обратясь к своему помощнику, благодарил его за то, что не отказался с ним совокупно помолиться, и видя, что сей последний вспотел, сказал ему: «А что, брат, теперь не холодно в моей келлии?» Послушник, с простосердечной улыбкой указывая на себя, сказал: «Посмотри, отче, я весь мокрый, как из бани вышел! Благослови, пойду хотя бы немного прохладиться и отдохнуть, а то ноги надламываются!» Старец, напутствуя его доброй улыбкой, сказал: «Если когда случится холодно в келлии, делай так, как ты это сейчас испытал, то всегда согреешься». Рассказывая это, послушник[4] говорил: «Уж в другой раз я боялся идти к нему на правило, чувствовал, что не вынесу».

При таких подвигах старец Мартирий предавался строжайшему воздержанию в пище. Телу своему он давал питания не столько, сколько бы оно требовало, а лишь бы поддержать жизнь. В таком воздержании он закалил себя с самого начала. День и два неядения бывали у него делом обычным, а в установленные посты порядок пощения у него принимал иной характер, о чем будет сказано после.

Однажды старец Мартирий, вероятно подражая древним святым подвижникам, решился усугубить свой пост. Пятнадцать дней провел он без употребления пищи, причем совершал изустное чтение Псалтири и прочее молитвенное правило. Впоследствии говорил своим близким по духу, что более этой меры уже поститься невозможно[5].

Вероятно, в это время ключник, заведующий съестными продуктами, заметил, что старец Мартирий продолжительное время не является за провизией, и когда пришел получать, ключник спросил его, почему он так долго не приходил за получением провизии. На это старец ответил кратко: «Далеко ходить».

При таком воздержании старец Мартирий тщательно скрывал свои в наше время неподражаемые подвиги, хотя в обществе скрыть их было невозможно, но он старался употреблять такие приемы, по которым другие думали бы о нем, как заурядном брате, для чего употреблял такие меры, каковые в глазах других казались послаблением, но вместе с тем и выполнялась заповедь братолюбия, как делалось иногда у древних египетских отцов, строгих подвижников.

Читаем в древних отечниках, что у них существовал обычай устроить утешение братии так: кто-либо из келиотов устраивал учреждение и приглашал своих сподвижников на вечерю любви. Старец Мартирий не имел у себя ничего, но на мельнице у него было муки в изобилии. Желая сделать утешение братии, он выпрашивал у ключника бутылку конопляного масла, предполагая напечь блинов, приглашал к себе некоторых из братии, говоря: «Приходите, отцы святые, завтра ко мне на мельницу, я вас горячими блинками угощу, во славу Божию покушаете».

В урочный час старец Мартирий готовил тесто при неизменном изустном чтении псалмов, затем исполнял свое молитвенное правило с продолжительными поклонами, полунощницу, утреню, часы, обедницу, урочное келейное правило, с особенными дополнениями и поклонениями, им же не было числа; видя, что время подошло братья за другие дела, оканчивал молитвы, начиналось изустное чтение Псалтири и при нем исполнение работ по послушанию и приготовлению печи надлежащим порядком ко времени прихода званых братий, а так как еще здесь никого не было, то он читал псалмы гласно вслух. Как только начинали братия приходить, старец Мартирий одного из них просил читать Псалтирь; развернув книгу, указывал место, откуда начинать, вероятно, он дочитал уже до этого места. Прочих братий просил садиться кушать блины, во славу Божию, которые он сам пек и подавал на стол, и при этом в молчании слушать со вниманием

чтение псалмов. А лишь чтец начинает читать славословие по чину на Аллилуиа трижды, все должны подняться и положить благоговейно три поясных поклона, по окончании же славословия опять садиться и кушать.

Таково было у него строгое постановление, из уважения к нему никто его не нарушал. Блины эти приправлялись конопляным маслом, а иногда еще и медом, если таковой случался, и при скудной пустынной пище это было большим утешением братии.

Однажды старец Мартирий пригласил к себе на таковое утешение известного подвижника старца схиархимандрита Илиодора; рассказ последнего передаем здесь. «Пришел я, – говорил старец Илиодор, – на мельницу прежде всех, когда приглашенных еще никого не было. Подойдя тихо к домику, двери которого были отворены, я услышал гласное чтение Псалтири, а когда приблизился к дверям, увидел, что старец Мартирий, склонясь на длинный chapelник, смотрит в пылающую печь и при этом читает громко псалом; не желая прерывать чтения, я остановился и поджидал окончания, на последних словах он вынул сковородку из печи, сбросил блин и продолжал чтения славословия, – “Слава Отцу и Сыну и Святому Духу и ныне и присно и во веки веков. Аминь. Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа, слава тебе Боже», трижды, он при этом помазывал сковородку и наливал тесто, продолжая славословие, – “Слава Отцу и Сыну и Святому Духу и ныне и присно и во веки веков. Аминь.» Поставив на огонь сковородку, он склонился на chapelник и, смотря в печь, зачитал следующий псалом. Все сказанное у него выходило как-то простосердечно, а притом же до глубины души трогательно. Стоя перед пылающей печью, он заботился об утешении братии, но, совершая служение ближнему, не переставал возносить славословие Богу, умом предстоя ему неотступно».

Все вышесказанное свидетельствует, что старец Мартирий усвоил себе изустное чтение Псалтири так, что оно ему обратилось не в навык только, а как бы в природу и уже не требовало самопринуждения, а, напротив, чувствовалось всегда в душе его ненасытное требование сей духовной пищи. Не это ли состояние древние подвижники называли даром псалмопения, который дается по благодати Божией нудящим себя к таковому подвигу. Без сомнения, старец Мартирий прочитывал изустно всю Псалтирь в сутки, как бы в промежутках между церковными богослужениями и своего келейного правила, за исключением еще многочисленных поклонов и чтения книг святителя Димитрия Ростовского.

Мельница, где жил старец Мартирий, отстоит от монастыря на довольно отдаленном расстоянии, по причине чего он не мог всегда участвовать на церковных службах, а это лишало подвижника духовного утешения, вследствие сего он просил настоятеля игумена Иннокентия перевести его в монастырь, где бы он мог всегда присутствовать на общественной молитве в храме Божием, и желая предаться строжайшему внутреннему вниманию, он для уединения выпросил себе келлию в башне, которая в архиерейском саду на юго-восточной стороне, на углу монастырской ограды в скиту. Настоятель, удовлетворяя его желание, перевел его в монастырь и назначил ему желанную келлию в башне и, чтобы не отягощать его внешними заботами, назначил ему послушание читать известное число времени в псалтирне, где совершается неусыпаемое чтение Псалтири о упокоении усопших; это вполне соответствовало душевному настроению старца Мартирия.

Переместившись из мельницы в монастырь в уединенную келлию и освободившись от занятий по послушанию, он усугубил бдительность в охранении своих чувств, ходил всегда наклоня голову и не смотрел по сторонам; взор его всегда был опущен на землю. Если требовалось что ответить вопрошавшему его о чем-либо, таковому он отвечал кротко и внимательно, но весьма в кратких словах, и при этом смотря в землю. Твердое, установившееся по благодати Духа Святого, в его сердце богомыслие и чтение псалмов увлекало его внутрь, от всего видимого.

В храме Божием старец Мартирий становился где-либо более уединенно, иногда в углу около стенки, а иногда на хорах и стоял всегда погруженным внутрь себя в богомыслие. Когда он ограждал себя крестным знамением, касаясь своего чела, он сильно ударял в лоб

несколько раз перстами, на которых были огрубевшие ногти, так что производили довольно сильную боль, отчего на его лбу виднелось красное пятно воспаленной кожи. Некоторые из братьев спрашивали его, для чего он при ограждении себя крестным знаменем ударяет себя несколько раз троеперстием в чело. Старец Мартирий ради их пользы открыл им свою мысль. «Прежде того, – говорил он, – как Спасителя нашего за нас грешных пригвоздили ко кресту воины, ругаясь над ним, возложили на Его голову терновый венец, который своими острыми шипами вонзился в его Божественную голову; шипы эти, вонзаясь, производили ужасную боль. Вот и нам грешным нужно, при ограждении себя святым крестом Господа Иисуса, помнить его болезни, претерпенные за нас. Для памяти болезней Спасителя от вонзающегося в голову Его тернового венца я ударяю ногтями в лоб, чтобы помнить Его эти болезни за нас».

Имея просвещенное Божественной благодатью душевное око, старец Мартирий был бодрый блюститель над своим сердцем, издали он усматривал приращения тонких подходов мысленного прилога, которые своей осторожностью внутреннего зрения различал и определял ясно, свой ли он (прилог) или чуждый, последнего гневным сопротивлением или отсечением причины, служащей поводом к прилогу врага, отражал и изгонял из сердца. Следующий случай показывает, насколько он был внимателен к мысленным приращениям.

Однажды какая-то раба Божия, благоговейная женщина, каковые приезжают в обитель помолиться, облегчить свою душу, утружденную мирской суетой, желая по силе своей благотворить, она некоторым старым монахам раздавала карманные платочки, прося помолиться за нее, при этом подала платочек и старцу Мартирию. Рассказ этот передал сам старец Мартирий одному из братьев, который просил у него наставления, предостерегая брата, чтобы был внимателен к внутреннему движению своих помыслов. «Я взял поданный платочек, – говорил он, – и, придя в келлию, развернул его, а в нем оказалось пятьдесят копеек денег, я подумал, куда их деть? Да пусть полежат, я отдам кому-либо нуждающемуся. Вечером после келейного правила, когда затушил огонь, чтобы успокоиться, замечая, подходит мысленный прилог и говорит: «А вот что хорошо бы тебе сделать: человек ты уже старый и слаб, надо себя поддерживать, а то, пожалуй, можно и совсем ослабеть, вот теперь деньги есть, хорошо бы купить водочки и перед обедом пить по маленькой чарочке для аппетита, пообедал бы лучше, вот бы и здоровье подкрепилось, а то от воздержания и аппетит прекращается». Вначале я не придавал ему значения, а враг нашептывал, нахально все лезет со своим лукавым советом и мешает псаломским словам, а далее пристал так неотвязно, что мне стало противно его нахальство. «Э! – думаю, – да тебе, нечистый враже, лишь бы было к чему привязаться, то ты сейчас и здесь! Надо с тобой поскорее разделаться!» Я взял платочек с деньгами и, выйдя из келлии, отыскал кирпич и привязал к нему платок с деньгами и пошел к речке, где самое глубокое место (около бани). Стал спиной к речке, чтобы не видеть, где упадет кирпич, и забросил его через голову в воду, не оглядываясь назад, и пошел обратно в свою келлию. Придя в келлию, почувствовал спокойствие – помыслы совсем исчезли». Этот рассказ характерно рисует, насколько старец Мартирий всегда был бдителен к самым тонким мысленным прилогам и как решительно отсекал самые причины, подающие повод к возникновению мысленных приращений.

Старец Мартирий в своей келлии чаю никогда не пил, у него не было и чайной посуды. Не пил чаю не потому, что считал чай пить погрешностью, а потому, что, по его словам, он много отнимает времени. Вероятно, родной его брат подарил ему самоварчик, который он, не желая иметь в своей келлии, отдал послушнику, впоследствии монаху Петру, клиросному, который жил под его келлией там же в столбе-башне. В Глинской пустыни был обычай три раза в год раздавать братии по известной порции чаю и сахару; так раздавалось к праздникам: к Пасхе, к престольному празднику Рождества Богородицы и к празднику Рождества Христова. Старец Мартирий, получив свою порцию чаю и сахару на праздник, приносил все это к вышеуказанному послушнику Петру и просил ставить

самовар. Здесь он один раз из своей порции пил чай, а остальной чай и сахар оставлял и более не приходил пить чай, пока к другому празднику опять не получит иную порцию, тогда опять принесет и опять один раз попьет чаю. Таким образом старец пил три раза в год свой чай, и то не в своей келлии, за исключением того, когда бывал общий чай на послушании, когда убирают сено, или еще какое общее послушание.

Воздержание старца Мартирия было поистине неподражаемое. Когда он приходил в трапезу, то, сидя за столом с братией, казалось, ел обыкновенно, как и прочие братия, но кому приходилось наблюдать, тот убеждался, что он ел как малый ребенок, да и в трапезу он приходил не всякий день, и когда он не приходил в трапезу, в тот день он оставался без пищи. Посуды у него в келлии не было никакой за исключением кувшинчика для воды и черепяной махоточки, с которой он иногда приходил вечером в кухню отобрать кулешу. Придя в кухню, он спрашивал повара, все ли братия отобрали для себя ужин. Если не все, он будет ожидать, пока все не отберут и если не будет остатка, старец брал кусочки хлеба или пригарок из гречишной каши, которые пригорают в чугуне, и шел домой, а если оставался кулеш, то брал его в махоточку. Всегда старался брать то, что оставалось и по негодности выбрасывалось скоту. Он говаривал, что ту часть, которая выносится скоту, можно есть без упрека совести, а за ту, которая годна и употребляется на братию, надо молиться. Приходится удивляться глубокому смирению сего дивного подвижника, который, проводя жизнь равноангельскую, в непрестанной молитве, достиг той высоты смирения, этой неподательной добродетели, что считал себя недостойным части братской пищи, а употреблял ту часть, которая уже назначалась для скота. Взяв в махоточку кулешу, старец Мартирий, придя в келлию, съедал несколько ложек, остаток же никогда не выбрасывал, а оставлял его на завтрашний день. Простояв сутки, кулеш прокисал и начинал бурлить. На следующий день брал он свою махотку с вчерашним кулешом, от которого несло кислотой, начинал есть, но вкус делает свое, натура не принимает. Тогда старец, обратясь к себе, с укоризной говорил: «Что же ты не ешь? Невкусно, не нравится! А куда его теперь деть? Это святая милостыня! Значит, еще не голоден, а если вправду захочешь, то будешь есть». Он отлагал махотку в сторону и не давал себе есть. Таким образом он изнурял себя голодом, пока оставшийся прокислый и уже прогорклый кулеш не употребит. Поэтому он говорил братиям: «Кулеш, если останется до другого дня, делается вкусней, а на третий день еще вкуснее, и чем больше стоит, тем делается вкуснее». Понятно, что если не дать себе три дня пищи, то поневоле согласишься, что бы то ни было съесть, и вкус, хотя невольно, подчинится усиленному принуждению. Святые воздержники, изведавшие это опытом, говорят: «Скудость услаждает и самый хлеб»[6].

Старец Мартирий иногда брал на кухне пригарки, которые пригорают в чугуне, когда варят кашу гречневую или пшеничную, эти пригарки он размачивал и ими удовлетворялся.

Все сказанное о воздержании старца Мартирия относится к обыкновенному времени, т.е. к дням разрешения. А что касается святых постов, на это у него были особые свои правила: в первую неделю четырехдесятницы он ничего не ел и не пил до субботы, пока приобщится Святых Таин. При этом, бывая на всех церковных богослужениях, он выстаивал все и выполнял по уставу многочисленные поклоны. Прочие дни св. четырехдесятницы проводил в великом воздержании, но последнюю неделю страстей Христовых решительно не употреблял пищи до святого великого четверга, когда уже приобщался с братией Святых Таин; в тот день употреблял пищу, а затем не ел опять до Светлого Воскресения. В эти дни он доходил до того, что становился похожим на движущийся скелет, обтянутый кожей, с глубоко запавшими глазами, которые ярко блестели, горя внутренней ревностью радостнотворного духовного веселья. Скрывая свое воздержание, он закрывал свое лицо клобуком от взора посторонних. Уже после смерти старца Мартирия духовник его Анастасий рассказывал: «Однажды на последней неделе, говея, старец Мартирий подошел исповедоваться. Духовник, видя его безмерно изможденным, спросил его, давно ли он принимал пищу. «В воскресенье», – ответил он. Духовник заметил ему, что изнушать себя до такой крайности не следует, на это старец

объяснился, что такого правила воздержания в эти дни он держится всю жизнь. Духовник, вероятно, желая испытать через послушание, по Богу ли его такое воздержание, не подстрекаемо ли оно духовной гордостью, сказал ему: «Иди подкрепишься пищей, а иначе я не буду тебя исповедовать». Старец, смиренно повинувшись, исполнил приказание духовника.

В башне келейная жизнь старца Мартирия для постороннего наблюдателя была малодоступна. Башня стоит уединенно в саду, а посему он здесь проводил жизнь как бы отшельническую. Его можно было видеть только в церкви, в трапезе и на общих послушаниях, которые бывают вообще редко; приходилось слышать рассказы о порядке его жизни от тех заслуживающих полного доверия братьев, которые обращались к нему за наставлением и были ему близки по духу, но и здесь говорилось только о порядке подвижнического наружного делания. Так, у старца Мартирия не было в келлии никакой мебели: ни стола, ни стула, ни койки, а одежда состояла из одной рясы, одного подрясника теплого, другого холодного, одной мантии, одной камилавки, все это заношенное, истертое и в заплатах; этот весь гардероб висел на гвоздиках в коридорчике. Был еще у него некрытый тулупчик простой овчины, в котором он иногда согревался; этот последний свернутый лежал в келлии на полу при стенке в углу; когда старец уставал, он садился на него отдохнуть. В келлии были одни голые стены, все украшение этих последних состояло в следующем: в святом углу стояла святая икона, а ниже к стенке была прикреплена досточка – простой неотесанный отрезок шелевки, на ней лежали книги: Евангелие, Апостольские послания, Псалтирь, сочинения святителя Димитрия Ростовского и другие. Старец Мартирий, следуя наставлению святого апостола, чтобы молиться, и молиться непрестанно (1Сол.5:17), все свои силы и все время употреблял на молитвенные подвиги. Придя из церкви, он становился выполнять свои келейные молитвенные правила, эти последние были, вероятно, у него так расположены, чтобы ими заполнить все остающееся свободное время: он читал Святое Евангелие, Апостольские послания и Псалтирь. Если чувствовал приступ сна, тогда оставлял чтение и начинал полагать бесчисленные земные поклоны, которых никогда не считал, и другим при наставлении говаривал: «Когда кладешь поклоны, не считай их, вот и не будешь думать сколько положил; что много положил поклонов, не будут беспокоить тщеславные помыслы. Бог все видит и знает, а нам-то для чего знать». Когда же старец чувствовал от поклонов усталость, тогда садился на лежавший на полу тулупчик и брался за чтение поучительных сочинений святителя Димитрия Ростовского, если же и опять чувствовал приступ сна, то опять становился и клал поклоны. Таким образом проходила его жизнь: в церковных богослужениях, келейном правиле, в поклонах и чтении поучительных книг. Он укреплял себя крепким сном, сидя на своем тулупчике, а на своих боках едва ли он ложился, этого никто не замечал, а приходилось его видеть дремлющего в сидячем положении.

Все здесь сказанное представляет нам подвиги старца Мартирия, наблюдаемые и постигаемые для нас, как внешние делания: труды, злострадания, самоумерщвления – распятия плоти со страстями, и понятно, что они совершались для совершенного умерщвления ветхого человека, но что касается внутреннего его душевного делания, тех сердечных болезнований, воздыханий, предстояний всегда перед лицом Божиим, в страхе и любви, без чего не может человек решаться на таковые самоумерщвления, то они ведомы только Единому Сердцеведцу-Богу. А нам достались весьма скудные сведения о его духовной борьбе с духами злобы и о благодатных проявлениях, которых не лишен был этот дивный подвижник; эти последние почти совершенно сокрыты им, по причине его глубокого смирения и его молчаливости, о таковых проявлениях старец Мартирий высказывался только уже в неизбежных случаях и говорил только то, чего невозможно было скрыть.

Однажды старец Мартирий оказался внезапно больным, так что попросил к себе своего духовника иеромонаха Порфирия. Этому последнему он объяснил, отчего произошла его болезнь. Это происшествие, по словам духовника, совершалось таким образом. В ночное время старец Мартирий, стоя на молитве, услышал шум, и треск, и колебание своей башни

(в которой он жил), стены дрожали, готовы были разрушиться. Слышался крик, угрозы раздавить башню и задавить старца обломками. Сей последний, вероятно, не первый раз видя нападение бесовского полчища, стоял на молитве непоколебимо. Бесы, рассвирепевши и Божиим попущением приблизившись к старцу, начали наносить ему удары; удары эти были настолько сильны, что от них образовались на теле кровавые подтеки в виде синих полос. А особенно пострадала его правая рука, на ней были следы ударов палкой. От таких побоев старец не мог свободно владеть рукой и после довольно долгое время носил перевязанную руку на полотенце на шее[7]. Это случилось в 1863 году в летнее время. Пишущий эти строки сам видел старца Мартирия, болящего от таких бесовских побоев; рано утром он, выйдя из своей келлии, лежал под елкой в архиерейском саду; сюда приходил к нему духовник, вероятно, здесь он раскрыл ему случившееся, при этом говорил духовнику в простоте души: «Зачем лукавый враг на меня нападает. Я его ничем не трогаю!»

Надо удивляться глубокому смирению этих святых подвижников, которые в непрестанном славословии предстоят умом Царю Небесному, Господу бесплотных сил и сами, подобно бесплотным блаженным духам, приемлют благодатные утешения, подаваемые от Святого Духа, и уже здесь бывают причастники блаженного состояния, предназначенного любящим Бога, чего за свою безумную гордость лишился диавол, а это разжигает его злобу адским огнем. Но смирение, внедрившееся в их душу, как завеса, закрывает перед ними их высоту духовного совершенства, и они глубоко убеждены, что ничего такого не совершают, за что бы злобился на них диавол. Посему и старец Мартирий высказал духовнику, что он врага ничем не затрагивает, а того и[8] не видит, что он диаволу своими подвигами не дает покоя.

Рассказанный факт бесовских нападений обнаружился через духовника, как уже было прежде о том сказано; а сколько сокровенной борьбы с диаволом перенес старец Мартирий, которая остается для нас неизвестной, а известна только Господу, ведающему сокровенные сердечные тайны! Только некоторые проявления приподнимают завесу, сокрывающую от нас все происходящее. Например: старец Мартирий иногда приходил в псалтирню, где совершается неусыпаемое чтение Псалтири, и, сидя на скамейке, склонясь на стенку, забывшись сном, укреплял себя несколько. На вопрос братии, зачем он здесь находится не в свои часы, он отвечал, что пришел в псалтирню подкрепить себя сном, на это ему говорили, что можно в своей келлии спать, старец говорил: «В келлии враги не дают уснуть, а в псалтирне читается слово Божие, вот здесь уже врагу той свободы нет[9], здесь я немного и сосну». Как нападали враги? В каких видах и образах? Этого старец не уяснял, а если бы раскрыл, картина получилась бы замечательная.

Случалось видеть старца Мартирия днем, сидящего на крылечке. Перед ним на коленях лежала развернутая книга. Старец от безмерных бденных трудов дремал, склонясь на стенку.

В 1863 году в летнее время известный старец, иеросхимонах Макарий, занимавший в то время келлию в нижнем – клиросном корпусе, для большего уединения пожелал переместиться в башню, в которой жил старец Мартирий. Посему настоятель игумен Иннокентий для старца Мартирия назначил келлию в деревянном корпусе, который стоит выше корпуса настоятельского, при входе из святых ворот в монастырь, в первом коридоре налево первая келлия. Старец Макарий, прежде перемещения желая осмотреть башню, пришел в келлию старца Мартирия и, увидев одни голые стены (замка не существовало у него никогда), подумал, что старец уже успел перебраться в другую назначенную ему келлию, но ему сказано было, что Мартирий не переходил и еще ничего не переносил и у него нечего переносить. Нет у него ни стола, ни стула, ни скамейки, ни койки, только икона да книги, а ряса и мантия, состоящие из заплат, висели в коридорчике на гвоздике. Старец Макарий, удивляясь нищете и самоотвержению сего подвижника, все же пригласил его к себе и убедил его иметь в келлии стол, стул и койку. Старец Макарий говорил ему: «Хотя никогда не садись на стул и не ложись на койку, но в келлии твоей пусть это будет, потому

что мы живем в общежитии». Подвижник, как сын послушания, послушал совета своего подвижника, попросил принести ему старья полуразломанного; все это было принесено и поставлено в келлию; на койке лежали три отрезка старой шелевки, простыни никогда не было на ней, а также и скатерти на столе. Ложился ли старец на эту койку? Едва ли! Но она послужила ему смертным ложем. Пишущий эти строки видел на этой ничем не убранной койке по скончании старца Мартирия, его бездыханное тело.

Новая келлия старца Мартирия двумя окошками была обращена к монастырскому собору и была к нему так близко, что в летнее время, отворивши окошко, можно было слушать в келлии старца церковное богослужение.

В том же корпусе в следующем коридоре[10], в первой келлии направо, жил тогда другой дивный подвижник схимонах Евфимий; теперь подвижники находились в таком соседстве, что келлии их разделялись только деревянной стеной. Живя по соседству, они иногда обменивались между собой дружескими приветствиями и духовной радостотворной беседой. Оба достигшие совершенного бесстрастия и сердечной чистоты, они были великие молитвенники, о чем, конечно, они с детской невинностью вели между собой краткие разговоры. Однажды пишущему эти строки пришлось подслушать их духовноутешительный обмен взаимных желаний. Идя из церкви, оба старца беседовали между собой. Евфимий после обычного иноческого приветствия говорил Мартирию: «Вот, отче, теперь, слава Богу, ты переселился близко к храму Божию, а это для нас, немощных стариков, какое великое благодеяние Божие!» Старец Мартирий, озарившись духовным весельем, сказал: «О! Я теперь богат, слава Господу! Даже в келлии слышу святое богослужение». Идя вслед за ними, я утешался духом, слушая их радостотворную беседу о духовном богатстве, и рассуждал в себе: вот о чем святые радуются! Тленное богатство, внешнее благосостояние их ума не занимают, об одном у них попечение, чтобы приблизиться к Богу, пребывать в храме Божиим и непрестанно наслаждаться Богодухновенным псалмопением и изречениями словес Духа Божия. Вот в чем заключается богатство любящих Бога всем сердцем.

Старец Мартирий по причине безмерной строгости своей самоотверженной жизни, каковую усвоил себе от начала, имел вообще строгие воззрения на подвижническую жизнь. Поэтому он преподавал таковым наставление в строгом духе сообразно со своей подвижнической жизнью; для слабосильных наставления его были неприменимы. Если кто из таковых спрашивал его о внутренней брани: как управляться с помыслами, страстями и хотениями, он говорил таковым, не обинуясь, что для усиленной борьбы нужно усилить воздержание. Не ешь день, если не отстают, не ешь другой, а то и третий, а при этом молись Богу, да побольше поклонов клади, вот и отстанут нападения. Действительно, сам старец проходил жестокой стезей безмерного воздержания, самоозлобления и всяких лишений. Это было действительно распятие плоти со страстями и похотями (Гал.5:24). Других путей он не знал, да и не хотел знать; через таковые подвиги он достиг бесстрастия. Надо заметить, что старец Мартирий был крепкого телосложения, вследствие чего мог себя закалить в таких подвигах, а при этом приобрел прежде глубокое смирение, ограждающее его на духовном пути против гордого врага. Но для слабосильных такое воздержание и самоозлобление не по силам, а притом же неискусным может угрожать опасность от самомнения. Поэтому рассудительнейшие старцы не советовали молодым братьям обращаться к нему за наставлением. Старцы говаривали, что подвижник Мартирий сам мог пройти этим путем, но другим подражать ему без рассмотрения небезопасно. С первым жаром ревности самоотверженно он перешагнул многие ступени на лестнице духовного восхождения и взошел на высоту совершенства, почему и не был искушаем на низших ступенях так, как приходится тем подвижникам, которые восходят по духовной лестнице умеренным восходом постепенности среднего пути, руководясь даром рассуждения. Посему старец Мартирий не мог быть руководителем для немощнейших братий, которые идут умеренно путем царским, указанным рассудительными отцами, как более доступным и безопасным.

Строгий и самоотверженный подвижник, старец схимонах Евфимий[11] говаривал о суровой жизни старца Мартирия: «Я хотел подражать ему (Мартирию) в подвигах, но не мог выносить потому, что он был физически крепче меня».

Первый раз мне[12] пришлось увидеть старца Мартирия на общем послушании при уборке сена. Это случилось в первый год моего поступления в Глинскую пустынь в 1863 году. Старец Мартирий, отдалившись несколько от братии, сгребал сено молча, не обращая внимания на все постороннее. Один монах, сгребавший сено со мной рядом, обратил мое внимание на старца, говоря: «Видишь этого старца? Это строгий подвижник Мартирий, а ты, должно быть, не знаешь, что он тебе земляк, как уроженец твоей родины». Услышав это, как новоначальный, я рад был, что у меня здесь находится такой замечательный подвижник-земляк. Естественно, появилось желание признаться ему, но видя, что он уклоняется от всех, я выжидал случая, чтобы незаметно к нему приблизиться. Действительно, я скоро оказался близ старца. Подойдя близко, поклонившись почтительно, я приветствовал старца по монастырскому обычаю, а он на мой привет отвечал тем же и спросил, что мне от него надо.

- Простите, батюшка, я хотел у вас что-то спросить.
- Спрашивай, – сказал старец.
- Скажите, пожалуйста, где ваша родина?
- Юнаковка, – сказал он отрывисто.
- А как ваша фамилия?

Старец, взглянув на меня каким-то пронизывающим взглядом (глаза у него были очень блестящие), спросил меня:

- А разве ты из Юнаковки?
- Да, из Юнаковки.

– Ну, если так, я не юнаковский, – сказал старец и, подняв свои грабли, отошел в сторону подальше, наклоня голову, начал сгребать сено. А я остался на месте озадачен неудачей, раздумывая, не оскорбил ли я старца своим глупым вопросом, по своей новоначальной неопытности, и начал, раскаиваясь, укорять себя внутренне за свой глупый поступок. Теперь я верю, что старец видел мысленные движения моей души; подойдя ко мне, он, смотря в землю, начал говорить.

- Ты знаешь Басовку, которая близ Юнаковки?
- Знаю, – сказал я.

– Вот то моя родина. Если меня кто спрашивает о родине, – сказал он, – я говорю, что я юнаковский, потому что Юнаковку многие знают[13], а она близ Басовки, которую никто не знает. Если я скажу, моя родина Басовка, вот сколько будет празднословия, начинают расспрашивать: где находится эта Басовка, в каком месте, а мне надо рассказывать подробно и уяснять, а это все празднословие. А знаешь, слово Божие говорит, что на всякое праздное слово придется отдавать ответ Богу на страшном суде Божиим. Поэтому, если меня спрашивают, – продолжал старец, – где твоя родина, я говорю: Юнаковка. Тем разговор прекращается. Если хочешь, – добавил он, – и ты так поступай, вот и будешь избегать празднословия.

Объяснив мне это, старец Мартирий поклонился, отошел в сторону и начал сгребать сено, шевеля губами, вероятно продолжая свое неизменное и непрекращаемое чтение Псалтири. А я остался утешен вниманием и наставлением святого старца-подвижника.

Этот рассказ свидетельствует, как строг и бдителен над своими чувствами и внутренними движениями своей души был старец Мартирий. К нему действительно приложимо изречение псалмопевца: «Рек: сохраню пути моя, еже не согрешати ми языком моим: положих устом моим хранило!» (Пс.38:2), «Аще кто в слове не согрешает, сей совершен муж, силен обуздати и все тело», – говорит апостол Иаков (Иак.3:2). Таким поистине совершенным был старец Мартирий, когда положил перед собой страх Божий, чего ради хранил себя от произнесения праздного слова. Но несмотря на всю строгость к себе, он был братолюбив и очень внимателен.

Однажды посетил его родной брат со своим сыном, который управлял имением владельца в вышеупомянутой Басовке. Старец Мартирий, бывши в трапезе, подойдя ко мне, взял за рукав, представил меня своему брату, рекомендуя, что я их земляк. Судя по его строгой самоотверженной жизни, таковой его поступок означал особенное его внимание.

Однажды в 6 час. утра я пришел в теплую церковь, в это время начинался простой акафист, каковой служился в Глинской пустыни всякий день; в церкви сзади из братий никого не было, кроме старца Мартирия. Этот последний, подойдя ко мне, дал знак, чтобы я шел за ним на хоры; взойдя туда, он поставил меня рядом с собой и сказал: «Давай молиться, класть поклоны» и начал полагать земные поклоны, а я следовал его примеру. В молодых, почти юношеских летах для меня это ничего не значило и было утешительно. По окончании акафиста старец, подойдя ко мне, поклонился и благодарил за то, что не отказался с ним вместе помолиться, говоря: «Это весьма душеполезно».

Незадолго перед своей кончиной старец Мартирий начал изнемогать. Но несмотря на немощь, он не изменял строгого образа своей жизни. Подвижнические его дела, и внутренние и внешние, за многие лета обратившиеся ему в природу, не могли уже быть нарушаемы. Он не давал себе послабления ни в чем. Строгое воздержание в св. сорокатицу он нудил себя выполнять по заведенному порядку. Но чувствуя ослабление сил, он однажды сказал иеромонаху Иерониму, бывшему тогда ризничим (впоследствии иеросхимонах Илиодор): «Теперь по старости лет поститься всю первую седмицу поста не можно, а надо в среду выпить горячей водицы да ложку меду, тогда можно будет повременить до субботы». Это была последняя сорокатица в его земной жизни.

Старец Мартирий, приближаясь к скончанию своего земного поприща, чувствовал изнеможение телесных сил, но по усвоенной привычке не давая послабления своему телу он не обращал на него внимания. Продолжительные богослужения, бывающие в пустыни на страстной седмице старался выстаивать по возможности до Великой Субботы, но в первый день Святой Пасхи в церковь уже прийти не мог. Не желая лишиться утешительного для нашей души Пасхального богослужения, он во время утрени, пересиливая немощь и болезненные ощущения, вышел на крылечко, которое против дверей собора, здесь, прислонясь к стенке, выслушивал торжественное Пасхальное песнопение, звуки и слова которого отчетливо неслись к нему через открытую дверь, отстоящую от него на несколько аршин.

На второй день Святой Пасхи старец Мартирий был напутствован Святыми Таинствами и с молитвой на устах блаженно предал дух свой в руки Господа своего, апреля 5-го[14] 1865 года. При разлучении души его от тела лицо его озарилось светлостью просияния. Старец схиархимандрит Илиодор, присутствуя здесь, сказал братии: «Святая сия кончина свидетельствует о богоугодной жизни сего святого старца». При одевании тела братия с удивлением смотрели, что оно издавало необычную светлую белизну. Затем многотрудное тело было предано обычному погребению при пении победных над смертью Пасхальных песнопений, прославляющих смерти Победителя Господа нашего Иисуса Христа, даровавшего победу над плотью, миром и диаволом усопшему рабу Своему, чудному подвижнику старцу Мартирию.

Так окончил свое земное многотрудное поприще этот дивный подвижник, который, как живой орган Духа Святого, движимый благодатной силой Утешителя, непрестанно славословил Господа и устами, и сердцем, и всеми силами своей души, которая обратила себе в природу эти молитвенные славословия и прониклась ими так, что и при разлучении от тела, не прерывая своих славословий, потекла к первовечному свету – Господу Создателю и Икупителю своему, к Которому стремилась всю земную жизнь.

Здесь представлена вниманию читателя только некая малая частица жизни подвижника старца Мартирия, которая могла дойти до нашего сведения, и то более внешняя, доступная зрению и пониманию посторонних. А что касается его сокровенных подвигов и внутренних деланий, при этом жестокой борьбы с врагом рода человеческого – диаволом, а также и

благодатных посещений, каковых он, без сомнения, был сподобляем, – все это осталось для нас глубокой тайной, ведомой только одному всеведущему Богу и подвизавшемуся.

Так протекла жизнь подвижника старца Мартирия, полная самого жестокого самоотвержения, борьбы, злострадания и всяких лишений, через которые он достиг высоты блаженного бесстрастия и соединился с Господом еще в земной жизни, а по кончине переселился в небесные обители славословить Его с бесплотными небесными силами и со всеми святыми в бесконечные веки».

Примечания

[*] Включён в месяцеслов Русской Православной Церкви решением Архиерейского Собора 2017 года.

[1] Преподобный Иоанн Лествичник говорит: «Есть мужественные души, которые от сильной любви к Богу и смирения сердца покушаются на делания превосходящие меру их» (слова 26, отд. 121. Изд. Оптиной пустыни).

[2] Житие преподобного Спиридона Печер. Окт. 31-го дня.

[3] В Глинской пустыни есть еще другая мельница, находящаяся близ монастыря, в отличие от сей последней описуемая мельница называется дальней.

[4] Впоследствии иеромонах Иларион; перемещен в Тульский Щеглов монастырь; он был братским духовником.

[5] Начало плодоносия – цвет; а начало трезвения ума – воздержание в пище и питии, отвержение и отсечение всяких помыслов и сердечное безмолвие; (Исихий Преев. Иерусалим, о молит, и трезв. Еп. Феоф. осд. 165).

[6] У св. Афанасия §56 третьей сотницы.

[7] В жизнеописаниях древних подвижников: И. Антония Великого, Марка Фраческого и других многих повествуется о биениях их от бесов, а также во многих жизнеописаниях современных подвижников говорится о том же.

[8] Если радеешь о молитве, то приготовься к бесовским наваждениям и терпеливо переноси бичевание их; ибо как дикие звери нападут они на тебя и все твоё изъязвят тело (Преподобный Нил Синайский, т. 91. Добротолюб.). Не отказывайся терпеть этих сукновалов. Пусть колотят и топчут ногами, растягивают и гладят, но через это одеяние твоё делается светлым (там же, т. 140).

[9] В древнем Патерике находится следующая повесть. Когда первые анахореты поселились в Египетских пустынях, то враг нападал на них с такой силой, что не давал им совершенно спать. Посему эти подвижники, для укрепления себя сном, собирались в одно место несколько человек. Один из них читал псалмы, а прочие покоились сном, чтение псалмов ослабляло силу врага. Говорится там же, что впоследствии, когда сила креста Господня с проповедью Святого Евангелия распространилась по вселенной, тут сила вражья ослабела, диавол уже не мог нападать с таким ожесточением.

[10] В Глинской пустыни братские корпуса пересекаются поперечными коридорами, так что во всяком коридоре только четыре келлии.

[11] Краткая биография старца схимонаха Евфимия издается отдельно.

[12] Автору.

[13] Юнаковка – большая торговая слобода Сумского уезда Харьковской губернии, стоит на большой дороге из Курска на Киев. Знаменитые того времени ярмарки: Коренная Курской губернии, Кролевецкая Черниговской губернии делали этот шлях весьма оживленным вследствие передвижения на извозчиках товаров с одной ярмарки на другую. Путешествующие поклонники из северных губерний в Киев проходили громадными массами этой дорогой. Посему все пункты на этой дороге, и в числе их Юнаковка, были известны многим. Так продолжалось до проведения железных дорог, с проведением которых положение резко изменилось.

[14] По справке, кончина старца Мартирия указывается неправильно: на третий день Пасхи 6 апреля. Дневники братии указывают на второй день Пасхи. И автор сам тому личный свидетель, что кончина старца последовала на второй день в полуденное время.

Преподобный Евфимий (Любимченко), Глинский, схимонах

Прп. Евфимий (Любимченко, 1795–1866) – уроженец Полтавской губернии, с 1818 года послушник Глинской пустыни. Много лет был келейником прп. Филарета (Данилевского), переняв его духовные наставления. В 1832 году пострижен в мантию. Исполнял послушание пономаря, став образцовым знатоком церковного устава. Избегал почестей, призывая к смирению и внутренней борьбе со страстями. Перед кончиной испытывал духовную радость, говоря о своем стремлении к встрече с Господом. Погребен в Глинской пустыни.

Схимонах Евфимий[1] (1795–1866) был призван божественной благодатью на путь иноческой жизни на 23-м году от рождения. В миру было имя его Евстафий Любимченко; он уроженец Полтавской губернии Зеньковского уезда, из вольноотпущенных дворовых людей помещика Суммы. Вначале послушник Евстафий проходил различные трудные послушания, какие в пустынных монастырях назначаются новоначальным: кухня, хлебопекарня и прочие черные работы. Трудясь неленостно и внимательно, послушник Евстафий своей кротостью и благонравием скоро обратил на себя внимание настоятеля и братии и был назначен келейником к настоятелю старцу Филарету. В 1827 году Евстафий, уже носивший рясу и камилавку, был определен на пономарское послушание. Таковое назначение, судя по ревности его к храму Божию, было для него истинным духовным утешением. В 1832 году 20 декабря Евстафий был пострижен в мантию строителем Филаретом и наименован Евфимием.

Еще до принятия ангельского образа монах Евфимий проводил жизнь подвижника. По принятии же на себя благого ига Христова он прилагал внимание ко вниманию. Настоятель Глинской пустыни, принимая во внимание строго подвижническую жизнь монаха Евфимия, относился к нему весьма почтительно и, желая назначить его духовником, как искусного старца, для руководства молодых братии, предложил ему принять священный сан. Но монах Евфимий, руководясь свойственным ему подвижническим смиренномудрием, отказался наотрез, он сказал настоятелю: "Отче святой! Тому, кто должен учить других, надо прежде постараться самому все знать, а я еще только начинаю учиться". Проходя пономарское послушание многие годы, старец Евфимий свободные часы посвящал другим занятиям. Он трудился в саду, сажал деревья, окапывал и поливал; то же делал и внутри монастыря, в палисадниках около братских корпусов.

Подвиги внутренние и внешние старца Евфимия в летах его мужества и до старости скрыты от нас неизвестностью, за исключением некоторых весьма малых сведений, каковые он высказывал при случае братиям, обращавшимся к нему за наставлениями относительно борьбы со страстями. Однажды, укрепляя в борьбе вопрошавшего его брата, он рассказал ему о себе, как он сам в молодости однажды боролся с блудным духом, нападавшим на него с ожесточением. Желая отразить его разженные стрелы, он связал себя по нагому телу узловатой бечевкой и покрепче скрутил чуркой; не давая себе пищи и покоя, он ходил целую неделю по лесу, день и ночь не развязывая бечевки. В таком положении с крепким сердечным воплем обращался он ко Господу, молясь об избавлении от налегавшей брани. И когда приспела помощь Божия, он, ощутив в сердце мир и во всем теле покой, решился снять бечевку со своего тела, но эта последняя оказалась глубоко въевшейся в тело. Кожа под бечевкой, воспалившись, присохла к ней. Когда он отодрал бечевку с кожей, по всему протяжению оказалась сплошная рана. Кровь лилась по всему телу, а подвижник,

смотря на это и терпя болезнь, улыбаясь, приговаривал себе: "А что, Евфимий, хорошо? Может быть, еще чего захочешь? Тогда еще не то тебе будет". Этот факт высказал подвижник при случае, желая укрепить брата в борьбе с врагом. Если принять во внимание сокровенность подвижников, которые всячески стараются скрывать свои подвиги и другие дела, то надо верить, что подобных самоистязаний подвижник Евфимий перенес немало, но они ведомы единому Господу.

Постриг в схиму старца Евфимия был совершен в пятидесятых годах, когда он был уволен за штат, а так как постриг был совершен в тайне, то имя ему не переменялось.

Схимонах Евфимий, проходя тридцать лет пономарское послушание, имел почти непрестанное пребывание в храме Божиим. Всегда при начале богослужения входил первым и по окончании продолжительного пустынного богослужения и всех треб выходил последним, следовательно, для отдыха и принятия пищи ему оставалось времени немного. Когда старец Евфимий по старости лет не мог исполнять пономарского послушания и был уволен по слабости здоровья, то, несмотря на свою слабость, он на всякое богослужение спешил к началу и выстаивал внимательно до конца. В Успенской теплой церкви, в правом приделе, на солее около ризницы была сделана отдельная форма, эту форму старец Евфимий выпросил себе у настоятеля и в ней как бы поселился; у него там имелись некоторые принадлежности, требующиеся иногда: книжки, полотенце, гребешок, скамеечка, подушечка из шерсти. Подвижник схимонах Евфимий, стремясь к высшему совершенству, давно уже порвал всякие связи с внешним миром; он стремился отрешиться и своими чувствами от всего видимого тварного в мире сем. Его пребыванием были два места: храм Божий — место всегдашнего общественного песнопения и молитвословия, и келлия — место уединенных подвигов и молитвы, но и эту последнюю он обставил так, что она не была похожа на обыкновенное человеческое жилище.

Тридцать лет исполняя пономарское послушание, схимонах Евфимий усвоил себе в совершенстве знание церковного устава и многосложного местного чиноположения, установленного в Глинской пустыни, так что к нему обращались при всех недоумениях. Это был живой Типикон Глинской пустыни.

Роста старец Евфимий был выше среднего. Тело его от воздержания было весьма сухо; он был очень стройный и подвижный, лицо правильное, несколько продолговатое, совершенно постнического вида. Нос ровный, умеренный, глаза светлые, блестящие. Борода умеренная, седая, несколько продолговатая, красивая. Черты изможденного лица всегда сосредоточенные, но при этом всегда отражали знаки внутреннего духовного радования. Благодатное отражение на его лице видно было всегда для внимательных зрителей, которое отражалось иногда приятной неестественной белизной и показывало светло-сиятельный тонкий оттенок.

К концу 1865 г. старец Евфимий почувствовал от старости и подвигов ослабление сил, но, несмотря на телесную немощь, всегда бывал в церкви на богослужении. А в 1866 г. к концу января он совершенно заболел. Предсмертная болезнь приковала его к одру. Но обратившаяся в природу привычка к храму Божию, к богослужению, песнопению, слушанию слова Божия, влекла его неудержимо в храм Божий. Он просил братию водить его в церковь на богослужение.

Когда старец приблизился к кончине, он просил напутствовать его Святыми Таинствами; просьба была исполнена: над ним совершили Таинство Елеосвящения и Святого Причащения. По принятию Тела и Крови Христовых он сидел на коечке, мирно ожидая своего переселения в иной мир. При светлой улыбке на его лице из его глаз падали слезы. Один из братии по своей простоте спросил отходящего старца: "Батюшка, что вы плачете! Разве и вы боитесь умирать?" Старец посмотрел на него с приятной улыбкой и сказал: "Чего мне бояться? Идти к Отцу Небесному и бояться! Нет, брат, я, по благодати Божией не боюсь, а что ты видишь мои слезы, это слезы радости. Столько лет душа моя стремилась ко Господу, а теперь приближается желанное время, я скоро предстану Тому, к которому всю мою жизнь стремилась душа моя и увижу Его: вот слезы и текут".

Мирно пребывая в сердце своем с любимым Господом пресладким Иисусом, он скоро испустил тихий последний вздох, с которым блаженная его душа оставила земное многотрудное тело и потекла к любимому Господу со страхом и радостью. Так окончил свое земное многотрудное подвижническое поприще сей дивный подвижник схимонах Евфимий, на 71-м году своей жизни 7 февраля 1866 года.

Примечание

[1] Включён в месяцеслов Русской Православной Церкви решением Архиерейского Собора 2017 года.

Преподобный Досифей (Колченков), Глинский, монах

Прп. Досифей (Колченков, 1811–1874) – уроженец Курской губернии, с 1840 года послушник Глинской пустыни. В 1849 году пострижен в мантию. Избегал сана иеродиакона, смиренно изобразив себя малограмотным. Пережил тяжелейшие бесовские искушения, победив их суровым аскетизмом: обрек себя на молчание, носил ветхую одежду, смешивал пищу в одной посуде. Стяжал дары прозорливости и исцелений. После кончины явился во сне братии, свидетельствуя о получении милости Божией по молитвам Пресвятой Богородицы.

Отец Досифей (в миру Димитрий Колченков) родился в с. Снагости Курской губернии от благочестивых родителей. По послужным спискам обители он первый раз показан в 1840 году. Первоначально занимался переплетом книг и келейничал духовнику иеромонаху Порфирию, а потом игумену Евстратию. В 1843 году Димитрий Колченков указом консистории формально зачислен в число послушников обители. В ходатайстве об этом аттестован: «Поведения благонравного, к церкви усерден, к монашеству имеет большую склонность, в послушании прилежен и беспрекословен». В 1849 году пострижен в мантию с именем Досифей и назначен на должность пономаря. Через два года за скромность, кротость и послушание представлен к посвящению во иеродиаконы, но ради смирения, не желая сана, притворился малограмотным, и потому ему было отказано. За это враг спасения воздвиг на подвижника сильную брань. Сначала он внушал сожаление об отказе от священного сана; потом представлял ему все прелести мира сего и, наконец, возбудил в нем нечистую плотскую похоть. Началась пятилетняя борьба, томление духа, раздражение. Не видя ослабления брани, о. Досифей готов был возвратиться в мир; только слабый голос совести еще удерживал его в стенах обители. Все это не могло не отразиться на его здоровье: он сделался бледным, хилым, угрюмым. Видя его борьбу, братия и сам отец настоятель утешали его, ободряли, советовали терпением победить врага, но не оставлять обители; установили за него церковную молитву. Господь внял молению. Отец Досифей стал преодолевать искушения, мир водворился в его сердце, и он решился бесповоротно остаться в монастыре. С этих пор он сделал крутой поворот в своей жизни: из разговорчивого сделался совершенно молчаливым; если что требовалось объяснить, он безмолвно показывал знаком и лишь в крайней необходимости отверзал уста свои для двух-трех слов. С целью успешнее вести борьбу с врагом спасения и временным злостраданием избавиться от вечных мучений отец Досифей, любя чистоту, опрятность и удобства жизни, теперь показывал полное пренебрежение ко всему этому: келлии никогда не белил, сор не выбрасывал, все, что падало на пол, там и оставалось; стол, стул и кровать были у него поломанные, постелью служили лохмотья. Грязь, копоть, паутина дополняли убожество келлии. В ней роилось бесчисленное множество насекомых, к уменьшению которых подвижник не употреблял никаких средств.

Единственное окно келлии о. Досифея было замазано белилами, и любопытный глаз не мог видеть, что находилось внутри его жилища. С редким постоянством и терпением старец отсекал все поводы к нарушению принятого им подвига безмолвия, не только внутреннего, но и внешнего. В келлию свою он никого не пускал, даже настоятеля. Однажды о. игумен

Иннокентий, обходя келлии, хотел зайти и к нему; о. Досифей, приняв благословение настоятеля, сказал: «Батюшка, я белю келлию, нечего и смотреть ее». Отец Иннокентий прошел мимо. Когда скончался о. Досифей, и братия пришли в его келлию, то на дырявом полу в углу увидели большую кучу, в которой был сор, остатки хлеба, пищи, тряпки, изношенное белье и проч. Все это гнило в течение нескольких лет, и воздух был настолько заражен зловонием, что невозможно было войти в келлию, между тем, когда подвижник был жив, то от него и одежд его не было слышно никакого запаха.

Одежду подвижник носил ветхую; белья не снимал, пока оно не истлевало и само собой не обнажало его. Отец Досифей говорил: «Голый родился, голый и умру». Так и случилось, он умер богатым полным нестяжанием. Не желая нарушать уединения, подвижник не ходил в братскую трапезную, а пищу из нескольких простых блюд брал в одну деревянную чашку, в которой смешивались вместе и кислый борщ, и рыбный суп, и каша. «Я больной, – говорил он удивляющимся братиям, – и потому все снова буду варить в келлии». В последние годы своей жизни отец Досифей вкушал пищу один раз в сутки вечером, часов в 8 и в самом малом количестве. Но и в этом случае он ссыался на болезнь, которая будто бы не позволяет есть ранее вечернего времени, а в сущности, своими оправданиями прикрывал подвиг воздержания. Остатки пищи старец бросал на пол, и они съедались мышами и крысами. Иногда Досифей на братской кухне брал золу. Подражая кающемуся царю и пророку Давиду, он хлеб ел с пеплом и питье растворял слезами. Так он распинал плоть свою со страстями и похотями, желая многими скорбями внити в Царствие Небесное. Послушание пономаря о. Досифей проходил 26 лет до самой смерти; отличался полным усердием, благоговением и страхом Божиим. Ради чистоты и порядка в храме он не жалел своих сил и времени, которое при других обстоятельствах провел бы в своей келлии. За такое долголетнее служение в храмах, посвященных Царице Небесной, подвижник в алтаре удостоился видеть Пресвятую Деву Богородицу. Отец Досифей сподобился слышать ангельское пение при смерти старца Феодота. Все это свидетельствует о богоугодности подвигов монаха Досифея.

Исконный душегубец не может видеть доброго течения земнородных к небу и без упорной борьбы не уступает человеку своей победы. Поэтому и на о. Досифея он воздвиг бурю помыслов, иногда вооружал на него мальчиков ближайших сел, которые преследовали подвижника своими насмешками. Только полное смиренномудрие старца могло без вреда для души сносить все козни врага рода человеческого, который в лице некоторых братий обители также находил себе усердных помощников – досадить подвижнику.

Близкие к о. Досифею замечали в нем дар прозрения и целения. Односельчанин его, почтенный иеромонах З., говорил: «Раз мы шли вдвоем к речке. Досифей говорит мне: «Два послушника боролись: один другого бросил в воду, тот чуть не утонул». Приходим к речке и видим, что послушник С. столкнул в речку другого брата. Он в одежде погрузился в воду, и его едва вытащили». Другой старец говорил: «Однажды, когда я вместе с о. Досифеем проходил пономарскую должность, мне пришлось сильно угореть в своей келлии. От угара не мог подняться. В это время приходит Досифей и говорит: «Иди в церковь: там ждет тебя послушание». После его слов угар мгновенно прошел, и прежде бывшая у меня лихорадка с той поры ко мне не возвращалась».

Отец Досифей скончался 5 ноября 1874 г. на 64-м году своей жизни и, оставив сию временную юдоль плача, перешел в вечную небесную радость. В сороковой день по кончине он во сне явился братскому повару, который спросил его, получил ли он милость от Бога? «По милости Матери Божией получил», – ответил явившийся и стал невидимым.

Примечание

[1] Включён в месяцеслов Русской Православной Церкви решением Архиерейского Собора 2017 года.

Преподобный Илиодор (Голованицкий), Глинский, схиархимандрит

Прп. Илиодор (Голованицкий, 1795–1879) – уроженец Киевской губернии. Образование получил в Киево-Могилянской академии. Участник Заграничного похода русской армии 1813-1815 гг. После отставки поступил в Киево-Печерскую лавру, затем перешел в Глинскую пустынь. Пережил тяжелые испытания: клевету, изгнание из обители, преследования властей. В 1832 году рукоположен в иеромонаха, позднее возведен в сан архимандрита. В 1858 году принял схиму с именем Илиодор. С 1863 года подвизался в уединенной келье, стяжав дары прозорливости и духовного рассуждения. Скончался в 1879 году, погребен в Глинской пустыни.

Схиархимандрит Илиодор много лет подвизался в иночестве в Глинской пустыни и достиг высоких духовных дарований, каковыми он сиял далеко за пределами обители.

Родиной его было село Староселье Черкасского повета (уезда) Киевской губернии. Отец его Феодор Голованицкий был священником в названном селе, а имя матери его Евдокия. В 1795 году родился у них сын, нареченный во святом крещении Иоанном (впоследствии схиархимандрит Илиодор). Годы младенчества Иоанн прожил в доме родителей, которые воспитывали его в страхе Божиим. После учебы в Киевских духовных школах и службы в армии, Иоанн решил посвятить себя монашескому житию в Киево-Печерской Лавре. Однако в Киевской Лавре Иоанн прожил недолго и вскоре перешел в Софрониеву пустынь. Пребывание Иоанна в Софрониевой пустыни сопровождалось благодетельными для него последствиями. Внимая наставлениям духовно-рассудительных отцов, он по возможности уразумел, что от монаха требуются не одни телесные подвиги и труды, но и внутреннее делание в вертограде сердца своего, к чему желающий преуспеть в духовной жизни должен прилежно стремиться. После перехода иеромонаха Филарета (Данилевского) в Глинскую пустынь, Иоанн был вызван им в эту обитель и назначил ему послушание в хлебне и петь на клиросе. Под мудрым руководством о.Филарета он усиленно трудился над своим духовным совершенствованием. Жаждая духовной мудрости, он непрестанно упражнялся в чтении Божественных писаний, святоотеческих творений и других душеполезных книг, которыми и питал жаждущую свою душу.

1823 года, марта 9-го дня (на память сорока мучеников) Иоиль облечен был в иноческий образ настоятелем Филаретом и наречен Иоанникием. После пострижения Иоанникий, по обычаю, несколько дней пробыл в церкви безвыходно. В это время он был утешен явлением ему ангела. "Изнемогши от чрезмерного бодрствования, — рассказывал впоследствии сам Иоанникий, — сел среди церкви, склоня голову на амвоне, чтобы несколько укрепить себя сном. Я закрыл глаза, но спал или нет, того верно не знаю; вдруг я вижу, что южная дверь алтаря отворилась, и из алтаря показался прекрасный юноша, в белом стихаре, препоясанный орарем крестообразно. Подойдя ко мне, он сказал: "Иоанникий! Бодрствуй! Ты — монах, и потому непрестанно должен бодрствовать!". Сказав это, он вошел северной дверью в алтарь.

По мере усовершенствования Иоанникия в духовной жизни, усиливались искушения. Наконец диавол воздвиг клевету, — это сильное в руках диавола оружие, и Иоиль был изгнан из обители. После некоторых скитаний и колебаний Иоанникий решился возвратиться снова в Глинскую пустынь и был принят по его усердным молитвам к Божией Матери. Два месяца монах Иоанникий трудился на кухне, неповинно неся епитимию. Наконец, настоятель убедился в его невинности и скоро представил к рукоположению во иеродиакона. 1824 г. ноября 12-го Иоанникий был рукоположен в сан иеродиакона преосвященным Владимиром, епископом Курским и Белгородским. Когда архиерей возложил руку на голову его, призывая Духа Божия на пророчествуемого, он ощутил, что через голову в сердце его полилась какая-то сладостная теплота и разлилась по всему телу. Сердце его исполнилось несказанной радости, так что он даже изменился в лице. Архиерей

заметил в нем перемену и часто посматривал на него в продолжение Божественной литургии. Во время причащения Святых Тайн, он, стоя за престолом между прочими диаконами, был в восхищении и сподобился созерцать чудное видение, открывшееся его умственным очам. Упражняясь всегда во внимании, усиленно охраняя себя от приражения мысленных прилогов вражиих, Иоанникий достиг в душевном состоянии той степени чистоты, на которой сподобляются духовных откровений.

В течении своей жизни много пришлось претерпеть подвижнику. Он жил, а впоследствии – и настоятельствовав в различных обителях, но сердцем стремился в родную Глинскую пустынь.

В начале 1845 года архимандрит Иоанникий подал прошение Черниговскому архиерею об увольнении его от должности настоятеля Рыхловского монастыря с перемещением на покой в Глинскую пустынь. Душа его давно жаждала беспрепятственно заняться единым на потребу, и вот пришло это желанное время. Переместившись в Глинскую пустынь и освободившись от хлопот и занятий, сопряженных с должностью настоятеля монастыря, архимандрит Иоанникий всецело стремился посвятить себя добродетелям строгого подвижника, прилагая внимание ко вниманию и постоянно стремясь к тому, что пленяло его душу от юности. Сокровенное его делание было видимо только единому Сердцеведцу.

В 1850 г. осенью архимандрит Иоанникий предпринял путешествие в Палестину вместе с другими паломниками, направляющимися туда же.

Во время пребывания в Иерусалиме, архимандрит Иоанникий часто обходил места, освященные жизнью и страданиями нашего Спасителя. Гроб Господень, Голгофа, Страстный путь, Гефсимания, Елеон и прочие святые места были для него любезнейшими местами поклонения. Здесь со всей полнотой благоговейно любящего сердца изливался его молитвенный дух к Тому, Кто совершил великое дело нашего искупления, Кто пролил Пречистую Свою Кровь ради нашего спасения.

На обратном пути из Палестины, архимандрит Иоанникий заехал на Святую Афонскую Гору, предполагая там остаться навсегда. Вступив на берег Святого Афона, он поклонился, взял земли и посыпал себе на голову, говоря: "Се покой мой: zde вселюся" (Пс.131,14). В короткое время между жителями Афона разнеслась о нем слава. А посему многие стали обращаться к нему за душеполезными советами, упрашивали его остаться там навсегда, желая вверить себя его руководству. Была уже назначена ему и келлия, которую монастырь уступал ему безвозмездно. На это он сначала соглашался, но через несколько времени объявил, что Господу не угодно, чтобы он оставался на Афоне, а противиться воле Божией он не намерен. С великой скорбью проводили его многие Афонские отцы и он возвратился в Россию в первых числах июля 1851 года. Так архимандрит Иоанникий, совершив свое путешествие с великой для себя душевной пользой, прибыл в Глинскую пустынь, где волей Божией назначено было ему продолжить свой подвиг служения Богу и людям.

Стремясь ревностно к высшему совершенству, архимандрит Иоанникий пожелал обновить перед Господом иноческие обеты пострижением во святой великий ангельский образ — святую схиму. В том же 1858 году 24 декабря в навечерие праздника Христова Рождества он был облечен во святую схиму с наречением имени Илиодор.

В своем смиренномудрии старец Илиодор доходил до такой степени самоуничужения, что считал себя ниже всякой твари. Ревниво охраняя свое смиренномудрие, он во всю свою жизнь не позволил снять с себя портрет. В отношении пищи старец Илиодор держался строго скитского устава. В продолжение всех постов он ел без постного масла. В понедельник, среду и пяток — тоже. В разрешающие же дни он следовал церковному уставу, но не ради услаждения вкуса, а именно только ради того, чтобы последовать разрешению, предписанному Святой Церковью. Никаких отступлений от принятых правил он не допускал даже и во время тяжких болезней.

Монах И. спросил старца Илиодора: "Как поступать при встрече различных обстоятельств, чтобы не погрешить перед Богом?". Старец сказал ему: "Чадо, если ты желаешь, чтобы твои действия были не погрешительны, постарайся, чтобы они всегда были

основаны на Священном Писании: на Евангельских истинах, на учении святых апостолов и на изречениях святых отцов подвижников. В этой святой сокровищнице ты найдешь основание на все, что тебе будет нужно, на всякий случай, на всю жизнь".

Последнее время старец почти постоянно лежал и поднимался лишь с большим трудом и более с помощью других. Видимо он таял, как воск догорающей свечи, и жизнь его готова была скоро закатиться. Старец Илиодор последний год жизни почти постоянно лежал от истощения сил. Часто он лежал на спине вверх лицом, в таком виде делал наставления слабеющим голосом и давал ответы вопрошавшим.

25 июня, в понедельник, старец Илиодор еще раз причастился Святых Тайн и мирно ожидал своего исхода. Все время старец был спокоен, таковое спокойствие видимо происходило от примирения совести, уверяющей в оправдании себя Божественной благодатью. Он ожидал своего исхода не как смертного, а как переселения в иной мир. 26-е старец провел спокойно в молитвенном погружении, а 27-го в среду у старца спросили, не желает ли он принять Таинство Елеосвящения и приобщиться Святых Тайн. С усилиями, едва слышно проговорил он: "Желаю очень". Игумен Иннокентий совершил Таинство Елеосвящения, вслед за тем в последний раз приобщили его Святых Тайн.

Он мирно почил о Господе ровно в час по полуночи, с двадцать седьмого на двадцать восьмое число июня 1879 года, на восемьдесят четвертом году своей многострадальной жизни.

Примечание

[1] Включён в месяцеслов Русской Православной Церкви решением Архиерейского Собора 2017 года.

Преподобный Иннокентий (Степанов), Глинский, архимандрит

Прп. Иннокентий (Степанов, 1825–1888) – дворянин Курской губернии, с 1845 года насельник Глинской пустыни. С 1862 года – настоятель обители. Отличался феноменальной памятью, глубокой молитвенностью и прозорливостью. Был милосердным пастырем: утешал страждущих, исцелял больных, раздавал милостыню. Скрывал свои подвиги, стяжав дух мира и кротости. Перед кончиной удостоился видимого благодатного сияния. Скончался в 1888 году, погребен в Глинской пустыни.

Любвеобильный архимандрит Иннокентий (в миру дворянин Старооскольского уезда Курской губернии Яков Фирсович Степанов) поступил в Глинскую пустынь в 1845 году и был под духовным руководством известных Глинских старцев. По своим блестящим способностям, тихому нраву и усердию ко благочестию он обратил на себя внимание монастырского начальства и скоро занял должности письмоводителя и библиотекаря обители. В должности письмоводителя и поверенного монастыря, отец Иннокентий был правой рукой трех настоятелей Глинской пустыни: Евстратия (1855), Авксентия (1857) и Иоасафа (1862) и прекрасно ознакомился с многотрудными и разнообразными обязанностями аввы большого общежительного монастыря. Потому ему вполне по достоинству в 1862 году вручен был настоятельский посох. В должности настоятеля первой и главной заботой о. Иннокентия стало с строительство храмов и построек монастыря, и при нем были построены: соборный храм, двухэтажная каменная больница и многие другие строения.

Братия удивлялась мудрому управлению о. Иннокентия, посторонние славил его за любовь, приветливость, милосердие, прозорливость и исцеления. Утром отец Иннокентий долго молился. Молитва составляла для него действительную необходимость. Скорее забывал о пище, чем о молитве, ибо насколько душа выше тела, настолько и пища души им ставилась выше телесной пищи. Велика была забота духовного отца и пастыря о великом

семействе Глинского братства, которое надобно было не только пропитать, но еще держать в мире, любви, богоугождении, по возможности всех представить Богу достойными Его милосердия на Страшном суде. Иногда батюшка утомлялся приемом до полного изнеможения, язык его уже не мог говорить; тогда он прекращал прием. Но видя массу народа, жаждущего его благословения и наставления, через несколько минут опять начинал принимать. Однако удовлетворить всех было невозможно, подвижник об этом немало скорбел.

Вечером, отпустив от себя всех посетителей, о. Иннокентий иногда оставлял у себя кого-либо одного из братии, с кем намерен был продолжать беседу о молитве и кто по внутреннему своему устроению и усердию мог заняться непрерывным внутренним трезвением от посторонних помыслов: благодатная речь его лилась непрерывно, неудержимо; время незаметно переходило за полночь. Когда о. Иннокентий не вел вечерней беседы о молитве, то сам молился и бдел за спящих братии. Вратарь, приходящий в полночь просить благословения будить будильщика для пробуждения братии, всегда заставал о. Иннокентия одетым и бодрствующим. Окончив бдение за братии, которые должны были сразу встать на утреннее молитвенное славословие, архимандрит Иннокентий отправлялся в лес и там в ночной тишине, на лоне природы, бдел за себя, подкрепляясь молитвой на дневной подвиг. Душа подвижника жаждала уединения, но не могла его нигде найти, кроме леса и только в ночное время.

Кроме слова духовной мудрости, о. Иннокентий широко пользовался данным ему от Бога даром прозрения или, как говорит Священное Писание, "проявлением духа на пользу" (1Кор.12:7). Приведем здесь несколько таких случаев. Купчиха В. К-ова говорила: "Отец Иннокентий, увидев меня в первый раз, до мельчайшей подробности рассказал мою жизнь, — лучше, чем я сама смогла рассказать, и напоминал давно забытое, мне приходилось только соглашаться и подтверждать слова батюшки".

По дару прозрения многие обращались к о. Иннокентию. Кажется, ни один молодой человек, желающий жениться, ни одна невеста, имеющая жениха, не решались на брак без благословения Глинского настоятеля. И замечательно, что, кого он благословлял, те жили счастливо, кого не благословлял, те всегда каялись, что не послушали прозорливого старца. Так, одной госпоже о. Иннокентий советовал погодить годик до брака дочери, но мать не послушалась. Дочь ее умерла в страшных муках первой беременности.

Не напрасно отца Иннокентия называли "благоутробным, чадолюбивым, сострадательным, милосердным". Качества сии в нем выражались разнообразно. Милостыню батюшка выдавал не считая, явно и тайно, никто не уходил без помощи. Иногда о. Иннокентий нуждающимся давал большие суммы денег, но чтобы братия не осудила его в излишней щедрости, не велел никому сказывать и только близкие знали, и то не всегда, великую щедрость своего аввы. Когда негде было взять, о. Иннокентий отдавал нуждающимся свой подрясник, сапоги или рубашку.

По тому же состраданию к ближним он помогал больным. Преимущественно исцелял помазанием маслом из лампы от Глинской чудотворной иконы. Это знали почти все иноки Глинского братства, жившие при отце Иннокентии. Келейник батюшки монах Илиодор говорил: "Однажды к отцу Иннокентию пришли две женщины, одна из них была с девочкой на руках и объяснила, что дочь ее один год видела глазами, а два года совсем не открывает глаз, постоянно стонет, кивает головой, точно расслабленная, и потому она пришла просить помолиться о болящей. На это архимандрит сказал: "Я ничего не помогу, а вот только помажу глаза маслом от лампадки Царицы Небесной, а ты иди в скит и молись Богородице, потом приходи ко мне". Сказав это, отец Иннокентий благословил девочку, помазал ей глаза крестообразно маслом. В ту же минуту она перестала кивать головой. Батюшка сказал: "Вот уже и головой кивать перестала". После обеда женщины снова пришли, девочка была совершенно здорова, весело смотрела глазами и улыбалась. На благодарность матери исцелившейся девочки о. Иннокентий сказал: "Это дело милосердия Матери Божией".

У больных ногами о. Иннокентий своими руками разматывал онучи (пришедшие были обуты в лапти), ноги натирал мазью, снова помогал обуться и говорил: "Теперь иди с Богом". Такая любовь, такое внимание батюшки к страждущим беднякам кого не тронут?! Все были ему благодарны и уходили с молитвой на устах".

Но исцеляя других, сам о. Иннокентий не принимал никаких лекарств и при слабом телосложении почти всегда был болен. Но болезни переносил благодушно, с благодарностью Господу. Ибо в болезнях тела видел здоровье души. Кроме того, за 8—10 лет до кончины подвижник взял на себя особый подвиг: никогда не отворять ставней своей спальни, и днем находился там с огнем. 21 июля 1888 г., после выноса в Глухов Глинской чудотворной иконы, он заболел предсмертною болезнью, страшно страдал, но никому не подавал вида. За месяц до смерти о. Иннокентий принял к себе одну благодетельницу М.Ф.П. Она вошла, остановилась, всплеснула руками и сказала: "Батюшка! Я к вам!"... Лицо ее как-то особенно изменилось. Потом госпожа П. говорила гостиннику приблизительно следующее: "Как только я вошла, увидела вокруг головы батюшки золотой венец, и лицо его было, как у ангела, я вся изменилась и трепетала от страха. Прощаясь, я хотела сказать о своем видении и только упомянула, что я видела, о. Иннокентий, улыбаясь, перебил меня словами: "Молись, и ты то же получить можешь".

17 сентября вечером в субботу, когда на бдении пели "Ныне отпускаеши раба твоего, Владыка", о. Иннокентий на 64-м году своей жизни тихо, блаженно скончался, напутствованный Таинствами елеосвящения, исповеди и причащения. Тело его в течение четырех дней не изменялось, не предавалось тлению, окоченелости и не издавало никакого запаха. Народ стекался к одру почившего, каждый спешил отдать ему последний долг уважения.

Примечание

[1] Включён в месяцеслов Русской Православной Церкви решением Архиерейского Собора 2017 года.

Преподобный Лука (Швец), Глинский, схимонах

Прп. Лука (Швец, 1838-1898) – глинский старец, происходивший из крестьян. 24 года нёс тяжёлые послушания на кухне и в пекарне. Приняв схиму, нёс подвиг умной молитвы, удостоившись явления Глинского образа Нерукотворного Спаса, от которого был голос с призывом читать молитвы внимательно. Подвергался бесовским искушениям, но победил их. Обладал даром прозорливости и исцелений, которые скрывал под внешне простыми действиями.

Преподобный Лука (Швец)[1], в миру Леонтий († 1 мая 1898 г.). Происходил из крестьян Сумского уезда Харьковской губернии (родился в 1838 г.). В Глинскую пустынь пришел в 1864 г. Вначале 2 года трудился на кухне, затем 22 года — в пекарне. В 1869 г. был пострижен в рясофор и назначен старшим в пекарне. Заботясь о духовном преуспевании подначальных ему послушников, он нередко ругал их, — чтобы они, обнаружив в себе гневливость (и увидев правду о своем незрелом духовном состоянии), учились преодолевать эту страсть терпением (начинали путь к незлобию, без которого невозможно подлинное монашество); при этом, естественно, о. Леонтий «вызывал огонь на себя» и смиренно переносил обиды.

В 1875 г. он принял постриг в мантию с именем Лонгин. В 1888 г. о. Лонгина назначили «смотрителем Псалтири» — ответственным за порядок чтения старцами Псалтири по благодетелям монастыря. В 1891 г. подвижник принял схиму с именем Лука и поселился в Ближнем скиту, а в 1893 г. перешел в Дальний скит. Старцем схимонаха Луки был прп. Архипп (Шестаков). Включив в свое келейное правило 500 молитв Иисусовых (по указанию о. Архиппа), прп. Лука, вероятно, не сразу научился удерживать полное внимание при их прочтении, — и однажды ему явился на воздухе Глинский образ Нерукотворного Спаса, от

которого был голос с призывом читать молитвы медленно и внимательно. Как многие истинные подвижники, о. Лука подвергался бесовским страхованиям («Однажды выхожу я из келии, налетела на меня большая белая лошадь и начала грызть», — признавался он ученикам), однако вышел из этой брани победителем («Враг гнал меня из скита, но я поборол его»). Имея учеников, схимонах Лука умел мудро наставить каждого из них: одного — откровенным словом, другого — иносказанием (один инок рассказывал: «Несколько раз отец Лука давал мне читать именно то, о чём хочешь узнать, но стесняешься спросить»). «Истинная любовь, что может, дает для всех, а не избранным», — было одно из его назиданий пасомым. Бесы мстили старцу за то, что он бдительно оберегал своих чад от духовной опасности («Через вас всю сию ночь на полу прокатался», — молвил однажды схимник). Имея дары прозорливости и исцелений, о. Лука скрывал свою молитву о больных внешним действием — предлагал вкусить какое-либо простое снадобье (когда к нему пришел один больной лихорадкой инок, старец размочил часть бублика и вручил гостю со словами: «Больной? На — ешь!»; из кельи тот инок вышел здоровым). В келейной жизни подвижник был радушным и веселым, однако при этом всегда носил в сердце страх Божий: раз, когда его келью побелили и он, вернувшись в нее, увидел образ Божией Матери «Всех скорбящих Радость» поставленным на кровать, то немедленно перенес святыню на прежнее место; после случившегося о. Лука усердно помолился перед иконой и услышал голос: «Раб, всегда храни благу веру, сим оправдан будеши».

Примечание

[1] Включён в месяцеслов Русской Православной Церкви решением Архиерейского Собора 2017 года.

Преподобный Архипп (Шестаков), Глинский, схимонах

Прп. Архипп (Шестаков, 1825-1896) – глинский старец из купеческого рода, с юности пренебрегавший земными благами. В обители 5 лет ночевал на полу в пекарне, трудился в молчании, юродствовал и терпел упрёки. Приняв схиму, стал мудрым прозорливым наставником, утешавшим братию и обличавшим козни лукавого против многих из них. Его называли «одним из древних старцев».

Преподобный Архипп (Шестаков)[1], в миру Афанасий († 27 сент. 1896 г.). Родился в купеческой семье в слободе Ездоцкой Старооскольского уезда Курской губернии (1825). В характере Афанасия рано обнаружилось пренебрежение земным благополучием: он бесплатно отпускал товар беднякам во время дежурства в торговой лавке отца, деньги презрительно называл железом, спал без подушки, стремился к уединению, не любил хорошо одеваться. За эти «странности» Афанасий не раз терпел скорби в семье. Однажды он тайно ушел в Киев, однако его догнали, поколотили и привели домой; спустя время он спрятался в погребе у одного родственника: тот держал убежище Афанасия в тайне, пока семья не дала согласие написать беглецу увольнительную бумагу.

В 1852 г. Афанасий пришел в Глинскую пустынь и стал работать в пекарне (где 5 лет ночевал на полу, пока не был определен в келью). Когда кто-либо из послушников допускал нерадивость, его работу с охотой доделывал Афанасий, считая при этом, что совершил не подвиг, а лишь благодарно использовал случай заботы о ближнем; готовясь к работе, подвижник клал в рот щепку, чтобы не празднословить (если его втягивали в пустой разговор, отвечал: «Прости, Бога ради, я ничего не знаю», — и начинал громко читать Иисусову молитву); иногда он юродствовал: рассыпал муку, разливал воду, ронял на пол тесто: чтобы смиренным терпением упреков и тумачиваний умертвить в других страсть гневливости. Если же на него гневались несправедливо, — просил прощения, чтобы внушаемая бесом вражда не нашла себе места в душе собрата.

В 1869 г. Афанасий был пострижен в мантию (с именем Архипп). Как опытного в пекарне его хотели назначить старшим, но он уклонился, назвав себя неразумным. В 1885 г. о. Архипп принял схиму; его освободили от послушания при пекарне, оставив за ним только чтение Псалтири по благодетелям монастыря (однако и после этого схимник нередко ночью являлся на помощь пекарям). В 1890-х гг. прп. Архипп был 1-м начальником Дальнего скита Глинской пустыни. В этот период во всей полноте раскрылись его духовные дарования. «Чудный он у нас, — говорила братия, — сам едва ходит, а когда надобно утешить другого, прибежит веселый, запоем о смерти, ободрит словом, видя его, невольно сам ободрись». По данной ему прозорливости старец видел козни лукавого против многих из братий и вовремя предупреждал об опасности: в одних случаях он старался дать наставление деликатно (не поучая, а будто нуждаясь в совете), в других — мог обличить открыто (при этом его существо излучало отеческую любовь). Прп. Илиодор говорил о нём: «Это один из древних старцев живет в наше время».

Примечание

[1] Включён в месяцеслов Русской Православной Церкви решением Архиерейского Собора 2017 года.

Преподобный Иоанникий (Гомолко), Глинский, схиархимандрит

Прп. Иоанникий (Гомолко, 1842-1912) – схиархимандрит, настоятель Глинской пустыни. Пришёл в обитель после училища. С самого поступления вел внутреннюю борьбу со страстями; со временем он достиг постоянной духовной собранности. Став игуменом, открыл Дом трудолюбия для сирот, основал Дальний скит, наладил издательскую деятельность. Был оклеветан и смещён с должности, совершив при уходе чудо перехода через разлившуюся реку. Затворился у крестьян, после смерти погребён на братском кладбище пустыни.

Преподобный Иоанникий (Гомолко), в миру Иоанн. Родился в семье офицера в 1842 году. В Глинскую пустынь пришел после окончания в 1865 г. уездного Гомельского училища. С самого поступления в обитель подвижник вел внутреннюю борьбу со страстями; со временем он достиг постоянной духовной собранности («Если ум не обуздывает чувств, то глаза всюду разбегаются от любопытства, уши любят слушать суетное, уста становятся неудержимыми», — говорил впоследствии о. Иоанникий). В 1874 г. Иоанн был пострижен в мантию (с именем Исаия), в 1880 г. рукоположен в иеродиакона, в 1884 г. — в иеромонаха. Назначенный на послушание письмоводителя и поверенного, о. Исаия сподобился овладеть наукой грамотного и успешного ведения монастырских дел без ущерба для подвига; ввиду столь важного опыта в 1888 г. подвижник был избран настоятелем пустыни и возведен в сан игумена. Свт. Феофан Затворник, с которым о. Исаия вел переписку, называл его «старцем многоопытной мудрости». Игумен открыл при обители Дом трудолюбия для обучения грамоте и ремеслам мальчиков-сирот (1890), воздвиг Дальний скит на месте подвигов прп. Илиодора (1893), организовал издательскую деятельность пустыни (1891).

В 1906 г. о. Исаия принял схиму (с именем Иоанникий). Потерпев поражение во внутренней брани со святым, диавол воздвиг на него внешнее гонение: генерал П. Митропольский, арендовавший у пустыни дом, добился через Синод решения о замене епархиального архиерея новым, который, не зная о. Иоанникия в прежние годы, поверил в клевету о якобы неумелом ведении игуменом хозяйства (процветание пустыни в тот момент свидетельствовало об обратном); в марте 1912 г. подвижник был уволен от управления. Оставляя пустынь, прп. Иоанникий перекрестил разлившуюся от весеннего половодья реку

и перешел по воде на другую сторону (повторив чудо, совершённое некогда прп. Иоанникием Великим).

До недавних пор дальнейшая судьба подвижника считалась неизвестной. Ныне установлено, что о. Иоанникия приютила одна крестьянская семья, в доме которой он вел жизнь затворника; после кончины старец был погребен на братском кладбище пустыни.

8 мая 2008 г. на заседании Священного Синода Украинской Православной Церкви схиархимандрит Иоанникий, настоятель Глинской Пустыни был причислен к лику местночтимых святых.

30 ноября 2017 года Архиерейский Собор Русской Православной Церкви принял решение об общецерковном прославлении преподобного Иоанникия с установлением даты памяти 22 сентября – в Соборе Глинских святых.

Преподобный Серафим (Амелин), Глинский, схиархимандрит

Прп. Серафим (Амелин, 1874-1958) – глинский старец, пришедший в пустынь в 1893 году. Прославился крайней воздержанностью в речи и стяжанием внутреннего мира Христова. Был начальником иконописной мастерской, ризничим, казначеем. После закрытия обители жил в миру, но в 1942 году вернулся и с 1943 по 1958 год был настоятелем, восстановив монастырь в крайне трудных условиях. Сумел возродить традицию строгой и благодатной жизни обители, старческого руководства новоначальных иноков.

Преподобный Серафим (Амелин)[1], в миру Симеон († 18 окт. 1958 г.). Родился в благочестивой крестьянской семье в деревне Соломино Фатежского уезда Курской губернии (1874).

В Глинскую пустынь пришел в 1893 г. В 1899 г. был пострижен в рясофор, в 1904 г. — в мантию (с именем Серафим). Немногословный еще до пострига, он впоследствии стал еще более воздержан в речи, усвоив от старцев, что умение следить за каждым своим высказыванием есть одно из средств научиться трезвению и внутреннему нерассеянному предстоянию перед Богом; как плод о. Серафим рано стяжал тот внутренний мир Христов, к которому так усердно стремятся все истинные подвижники.

С 1899 г. о. Серафим трудился в иконописной мастерской, спустя короткое время был назначен ее начальником. В 1913 г. подвижник был рукоположен в иеродиакона, в 1917 г. — в иеромонаха и получил послушание ризничего, во время революции тайно принял схиму, с 1919 г. нес послушание казначея. После закрытия пустыни о. Серафим жил в с. Ковенки, где занимался столярно-слесарными работами; в 1941 г. — служил в открывшемся приходском храме села, в 1942 г. возвратился в пустынь, в 1943–1958 гг. был ее настоятелем. В крайне трудных условиях того времени (война и послевоенная разруха, богоборческая государственная идеология СССР) он сумел не только наладить быт изувеченного монастыря, но главное — восстановить традицию строгой и благодатной жизни обители, старческого руководства новоначальных иноков. Глубоко уважаемый и любимый братией, прп. Серафим воплощал в себе образ мира и тишины; вместе с тем, он был зорким и бдительным отцом, от взгляда которого не укрывалось ничто, требующее пастырского внимания и руководства.

Примечание

[1] Включён в месяцеслов Русской Православной Церкви решением Архиерейского Собора 2017 года.

Преподобный Андроник (Лукаш), Глинский, схиархимандрит

Прп. Андроник (Лукаш, 1889-1974), схиархимандрит – глинский старец, прошедший через аресты, ссылки на Колыму (в 1923 и 1939 гг.) и тюремные испытания. После возвращения в возрождённую Глинскую пустынь стяжал дар прозорливости и глубокой любви к ближним. После закрытия обители (1961 г.) переехал в Тбилиси, где продолжал старческое служение. Скончался в 1974 году.

Схиархимандрит Андроник (в миру Алексей Андреевич Лукаш) родился 12 февраля 1889 г. в селе Луппа Лохвицкого уезда Полтавской губернии в семье крестьянина Андрея и его жены Акилины[1]. Начальное образование получил в сельской церковно-приходской школе. В 1905 г., желая всецело посвятить свою жизнь Богу, Алексей приехал в Глинскую пустынь[2] и попросил настоятеля схиархимандрита Иоанникия (Гомолко) принять его в обитель. «Строгий, умный отец Иоанникий», проверяя решимость юноши, спросил: «Ты такой молодой, а послушания у нас тяжелые... Как будешь жить?»[3]. Но, видя непоколебимое стремление Алексея к иноческой жизни, принял его в состав братства. Сначала Алексей нес послушание в монастырской гостинице, принимая гостей, затем – на мойке белья, на кухне, в саду, на пасеке, и, наконец, в скиту. Первым его старцем был о. Аристоклий (Ветер). В 1913 г. о. Аристоклий перешел в Омский Покровский монастырь, а Алексея поручили строгому аскету и опытному подвижнику о. Иулиану (Гагарину), который научил его следить за душевными страстями, не действовать по их внушению, а призывая Божию помощь, противоборствовать им. С детства кроткий и смиренный, Алексей полностью предал себя в волю старцев. Такая настроенность привлекала к нему благоволение и милость Божию, помогала возрастать в богоугодной жизни и идти спасительным путем духовного обновления. Тем, кто усердно занимается внутренним подвигом, посылаются и сугубые скорби. Так и жизненный путь старца был преисполнен различных скорбей.

В 1915 г. Алексея призвали в армию. Сначала он служил в Перми, но вскоре был переведен на фронт, где попал в плен к австрийцам[4] и пробыл в Австрии три с половиной года. Пленных почти не кормили, работу давали самую трудную. Многие пленные умерли. Но Алексей усиленно молился и принимал все скорби как от руки Божией. От такого внутреннего устроения в душе его постоянно сохранялся мир. Он стяжал живую веру и получал благодатные утешения. О страданиях тех лет старец с присущей ему кротостью говорил: «Мы землю копали, все равно ведь нужно трудиться. И чудеса Божии сопутствовали нам»[5]. Конвоиры, видя, как старательно он работает, предлагали ему табак (нередко пленные меняли хлеб на табак), но Алексей не брал. Они удивлялись и говорили: «И не курит, и трудится»[6]. После окончания войны в 1918 г. он вернулся в обитель, где сначала проходил послушание на монастырской мельнице, а затем был определен на должность эконома[7]. 11 июня 1920 г. был пострижен в рясофор, а в 1921 г. – принял монашеский постриг с именем Андроник[8]. День пострига навсегда остался в его памяти. Позднее он писал и говорил своим духовным детям: «Помните великий день вашего пострига, помните обеты при постриге, данные вами... быть истинными монахами – вовеки не согрешите»[9]. Годы, проведенные в обители, оставили в молодом иноке неизгладимый след и способствовали его духовному совершенствованию. И впоследствии, где бы он ни был, он всегда был тверд в исполнении своих монашеских обетов.

Отец Андроник глубоко переживал закрытие Глинской пустыни и говорил, что это было «событие страшное»[10]. Своей строгой иноческой жизнью и беспрекословным послушанием монах Андроник обратил на себя внимание епископа Павлина (Крошечкина), Курского викария, который взял его к себе в келейники и в 1922 г. рукоположил во иеродиакона. Старец рассказывал: «Однажды в храме подошла ко мне какая-то женщина и со слезами говорила, что все церкви закрыты, колокола перестали звонить, а я сказал: «Бог

даст и зазвонят», за эти слова сослали меня на Колыму в 1923 г. на 5 лет[11]. В ссылке о. Андроник служил санитаром в тюремной больнице. Он ухаживал за больными с искренними состраданием и любовью, сам мыл их. Все его любили, а сосланные узбеки даже звали «мамой». Однажды в больницу привезли умершего епископа Иринарха (Синькова). Отец Андроник обмыл его и упросил врача, чтобы тот отдал для погребения епископа большой гроб, который несколько лет стоял в больнице, потом «застелил гроб белой простыней, из полотенца сделал омофор, надел на епископа свою шапку и в руки дал четки[12]. Отец Андроник написал епископу Павлину, что Господь сподобил его похоронить епископа Иринарха. В 1936 г. он был награжден за это золотым наперсным крестом Патриаршим местоблюстителем блаженнейшим митрополитом Сергием. По амнистии о. Андроник вернулся из ссылки раньше срока и по-прежнему был келейником у епископа Павлина, который в 1926 г. в Московском храме Воскресения в Сокольниках (к этому времени преосвященный Павлин был назначен епископом Можайским, викарием Московской епархии) рукоположил его в сан иеромонаха. Через год, когда о. Андроник сильно заболел, он был пострижен в схиму с оставлением имени Андроник (в честь преподобного Андроника, память 26 (13) июня)[13].

В 1939 году о. Андроник во второй раз был осужден и сослан на Колыму. Сначала его одиннадцать месяцев держали в тюрьме, где каждую ночь вызывали на допросы и принуждали оклеветать епископа Павлина, но старец молчал. Ему угрожали, мучили: «Поставят к стене и начинают стрелять, но мимо, запугивают...»[14]. Следователь кричал на о. Андроника: «Я тебя убью», а однажды сорвал со старца крест и бросил в печь. Отец Андроник сказал: «Что ты делаешь? Меня крестили, мне дала мать крестик, а ты срываешь». Но на допросах его не били и бранными словами в его присутствии не ругались. Только один раз во время допроса вошел в комнату «какой-то верзила и сказал следователю: «Сколько ты будешь возиться с этим стариком?»[15] и ударил о. Андроника так, что тот потерял сознание. «Очнулся уже в тюремной больнице и на вопросы, что с ним случилось, отвечал, что шел на допрос, упал, да о камень ударился»[16]. Как-то привели старца в большую комнату, в которой была раскаленная печь, и сказали: «Ну, Лукаш, садись на печку». Отец Андроник спросил: «Как, разуваться? Босым лезть?» Тогда его удержали: «Пока подожди». Во время другого допроса раздели до нижнего белья, вывели в коридор, где стояли огромные ящики в рост человека, в таком ящике его и заперли, а мороз был пятьдесят градусов. Старец подумал, что замерзнет и умрет там, но в последний момент ящик открыли, под руки вывели его, так как сам он идти уже не мог[17]. Много раз предлагали подписать какие-то бумаги, но о. Андроник отвечал: «Я неграмотный, не знаю, что там написано», – и не подписывал. Затем о. Андроника перевели в лагерь, там было легче, допросов не было, «только шпана очень беспокоила, если к ней попадешь»[18].

В лагере много работали, о. Андроник был там дневальным. Трудолюбие, послушание и внутреннее благородство старца вызывали уважение не только у осужденных, но и у охранников. Сам начальник лагеря очень его уважал, дорожил им и в конце срока взял к себе в дом, где о. Андроник вел все домашнее хозяйство. «Я повесил картиночку «Воскресение», молился, а когда начальник стал за это упрекать, то сказал: «Не нравится – уйду в лагерь», – рассказывал старец. По-видимому, он сильно болел в то время, так как просил начальника в случае его смерти сообщить в Патриархию, что скончался такой-то схимник. Все в той семье очень полюбили о. Андроника, жена начальника расспрашивала его о духовной жизни, а когда закончился срок о. Андроника и он уезжал в Глинскую пустынь, она дала ему денег на дорогу. Сам же начальник всеми силами пытался удержать о. Андроника, жалко ему было расставаться со старцем[19].

28 сентября 1948 г. о. Андроник вернулся в Глинскую пустынь[20]. С самыми теплыми чувствами братской любви встретили его настоятель и старцы обители. Видя высокоподвижническую жизнь о. Андроника, епископ Сумской и Ахтырский Иларион в апреле 1949 г. назначил его благочинным и ризничным монастыря[21]. Как благочинный, он должен был следить за всем в обители, собирать братию на общие послушания (сенокос,

заготовку дров, работы на огороде и др.), на которых всегда сам был первым. Во всех делах о. Андроник был энергичен и бодр, так что слово его, живое, задушевное, ясное, подбадривало и всех окружающих. Работать с ним было легко и радостно.

Все делал о. Андроник аккуратно, чисто, красиво, с любовью. Не легко жили в недавно возрожденной обители. Не просто скудость во всем, а крайняя нищета. При том архимандрит Нектарий сразу же после открытия Глинской пустыни ввел строгий афонский устав. Богослужение начиналось в 4 утра. Сначала – утренние молитвы, потом полунощница и утренняя. После 3-й и 6-й песни канона и после кафизм читались святоотеческие поучения и пролог. После утрени – 1-й час. К 7 или 7: 30 она кончалась и все, кроме служащих, шли на послушание. После утрени в субботу – акафист Спасителю или Божией Матери. В 9 часов совершалась Божественная литургия, всегда одна, так как в обители тогда был один храм и один престол в нем. С 12 до 13-обед, после которого все шли на послушание. В 16 часов вечерня до 17 часов, потом небольшой перерыв. В 18 часов – повечерие, 3 канона и молитвы на сон грядущим. Для отдыха оставалось мало времени. В обитель собрались, в большинстве, измученные суровой жизнью иноки, уже в преклонных годах, отягченные многими болезнями. Казалось бы, только и думать об отдыхе и лечении, но все, кто жил в эти годы в Глинской пустыни радовались возможности молиться, забывая о себе, старались делать все, что можно и нужно для братии. О. Андроник в этом для многих был примером.

Душа о. Андроника, очищенная многими скорбями, была преисполнена благодатных даров Святого Духа. Эта духоносность и привлекала людей к старцу. Великодушно претерпев все страдания, он делом исполнил заповедь: «Любите врагов ваших» и стяжал в своем сердце величайший дар благодати Божией – христианскую любовь к ближнему. Смирение и кротость безраздельно царили в его душе, даже ходил старец всегда смиренно согнувшись.

В его послужном списке было сказано: «Отец Андроник отличается особым смирением, кротостью и трудолюбием; послушлив, любвеобилен»[22]. Вначале братия обращались к нему лишь по делам послушаний, но, чувствуя его горячую, искреннюю, снисходительную ко всем человеческим немощам любовь и духовную опытность, стали верить ему свою душу. После беседы со старцем, его молитв тихое и благодатное утешение наполняло их сердце. В короткое время он снискал такое доверие, что стал братским духовником[23]. Епископ Сумской и Ахтырский Евстратий писал: «Отец Андроник... пользуется заслуженным уважением всех насельников обители. Все свободное время проводит в молитве»[24].

Действительно, ни одного решения не принимал старец без усердной молитвы. За своих духовных детей молился он непрестанно, как сам писал: «Сколько есть моих сил, всегда днем и ночью я вас поминаю в своих прежних молитвах»[25]. Мудрый духовный наставник, о. Андроник имел дар от Бога безошибочно видеть внутреннее состояние человека. Вся сила духовного руководства старца сводилась к тому, чтобы указать каждой душе путь спасения через веру во Христа Спасителя. Спасая других, он и сам восходил на вершину богообщения, и слушающих его возводил за собой.

Советы старца всегда были основаны на учении святых отцов. В сохранившихся записях о. Андроника собраны наставления из «Отечника», «Луга духовного», других святоотеческих творений, а также глубокие по своему содержанию собственные изречения старца, которые он сам переписывал и раздавал своим ученикам[26].

5 мая 1955 г. по благословению Святейшего Патриарха Алексия I о. Андроник был возведен епископом Евстратием в сан схиигумена. Велик был духовный авторитет старца. Не только братия, но и сам настоятель обители архимандрит Серафим исповедовались у него. С глубоким почтением и уважением относился к нему епископ Евстратий (Подольский), который писал о. Андронику: «Вот уже шестой год я знаю Вас в ответственной и многотрудной должности (благочинного. – А.И.), которую Вы исполняете с большой ревностью и такой же большой пользой для монастыря... Вы пользуетесь

заслуженной любовью как насельников обители, так и многочисленных богомольцев ее... и моим архипастырским расположением»[27]. В прошениях обители к архиерею самыми убедительными для него были слова: «Сам схиигумен Андроник лично просит Вас»[28]. В 1960 г. Святейший Патриарх Алексий I наградил о. Андроника палицей.

После закрытия обители в 1961 г. о. Андроник переселился в Тбилиси под непосредственное попечение бывшего начальника Глинской пустыни митрополита Тетрицкаройского Зиновия (Мажуги), который очень любил и почитал старца. В Грузии о. Андроник продолжил свое старческое служение. Он совершал богослужения и исповедовал в храме святого Александра Невского – кафедральном храме владыки Зиновия. Сюда, как раньше в Глинскую пустынь, со всех концов страны устремились к нему ищущие спасения. Поистине, старец был вождь духовный. Вся его жизнь была направлена к одной цели – спасению своей души и душ ближних. Своим благодатным словом он врачевал язвы страждущих, утешал любовью и участием, разделял скорбь и горе, давал отраду и духовную поддержку. По его молитвам врачевались не только духовные раны, но и болезни телесные. Его пастырство побуждало иерархов Грузинской Православной Церкви ревностнее относиться к своему служению, поскольку у них в храмах было немного богомольцев, а церковь, где исповедовал о. Андроник, всегда была переполнена, благодаря молитвенному подвигу старца. В 1963 г. по благословению Святейшего Патриарха Алексия I митрополит Зиновий возвел о. Андроника в сан архимандрита.

Тесна была духовная связь о. Андроника со всеми Глинскими иноками, которые часто писали ему, приезжали. «Сердце горело, когда ехали к старцу», – вспоминали они. Письма о. Андроника к его духовным детям – инокам Глинской пустыни, составляющие часть его духовного наследия, проникнуты необыкновенно искренней, трогательной любовью, истинно отцовской заботой и даже лаской. В то же время они содержат и строгие, мудрые, высокодуховные наставления. Приведем лишь несколько отрывков из его писем: «Духовный и возлюбленный мой родной сыночек отец И. (имя снято автором. – Примеч. издат.). Не скорби... Господь – сердцеведец, призови Его крепкой сердечной верой, и Он, Всеблагий, всегда тебе поможет. А больше всего всегда старайся и дела, и жизнь свою предавать всецело святой воле Божией. Буду молиться за тебя, родной, но ты и сам приложи свой посильный труд к этому делу». «Мужайтесь, и да крепится сердце ваше среди докучливых и иногда устрашающих искушений. Добро всегда иметь Господа пред собою и в Его присутствии находиться в непрестанной молитве... Господи, посылаешь ми скорби, прошу: пошли и терпение. Господи помилуй, Господи помилуй, Господи прости, помоги мне Господи Крест Твой понести».

«Радуйся во искушениях, которые будут допущены тебе, при посредстве их приобретается духовный плод». «Молися почаще и говори: «Не яко аз хочу, а яко Ты, Отче». Матерь Божию нужно просить, Она никогда не оставит». Только нужно крепко верить»[29]. К Матери Божией имел о. Андроник величайшее благоговение и любовь: «Поручитесь Матери Божией – Она вас всегда и везде спасет!»

Очень часто старец повторял: «У человека невозможно, у Бога все возможно...», – «Нужно думать и помнить каждую минуту о смерти. Как ложишься спать, думай: «Легли многие и не встали; заснул – и на вечность».

К старцу обращались многие священнослужители для разрешения вопросов, которые у них возникали в их пастырской деятельности. Вот дословные ответы старца на некоторые из таких вопросов:

«Те, кто причащаются каждый день, – эти люди в прелести. Это не нужно, это от лукавого. Причащаться надо только один раз в месяц. Нужно подготовиться к Причастию, отсекай своеволие, чтобы Причастие было во спасение, а не во осуждение. Каждый день причащаться может схимник, монах больной, седмичный священник... Священникам надо почаще каяться. Людей исповедуем часто, а сами не каемся. Хорошо каждый день исповедоваться, что есть на совести...

Если в храме есть ковры, на которых изображены кресты, то такие ковры надо убрать... на кресте был Господь распят, а мы ходим, топчем. Однажды в Глинскую пустынь прислали дорогой ковер, а на нем большой крест, но сразу заметили и убрали...

Некоторые священники, когда нет вина, совершают литургию на соках. Это грех. Это недопустимо.

Во время литургии на жертвеннике и на престоле нужно, чтобы обязательно горели свечи, если не горят, то смертно согрешает иерей»[30].

Достигнув преклонного возраста, схиархимандрит Андроник почувствовал, что приближается переход его в иной мир, к чему он готовился всю свою жизнь бдением, пощением и молитвой. В ноябре 1973 г. во время чтения утренней молитвы «Боже, очисти мя, грешного...» он стал говорить невнятно и сбивчиво, вскоре у него пропала речь, и отнялась левая сторона тела. Многие полагали, что ему осталось жить несколько часов, но Божиим Промышлением он еще должен был пожить на пользу своих духовных чад. Через двадцать пять дней речь его восстановилась, но паралич левой стороны продолжался до самой кончины.

Не имея возможности по болезни посещать богослужения, он переносил болезнь без ропота и непрестанно молился дома, ежедневно причащаясь Святых Христовых Таин. На первой седмице Великого поста о. Андроник почувствовал облегчение и даже мог петь ирмос «Помощник и Покровитель...» И никто теперь уже не думал, что это была последняя его песнь. На третьей седмице его здоровье ухудшилось, и он перестал принимать пищу. 17 марта, в воскресенье, в половине шестого утра, он был в забытии. Это состояние продолжалось до 10 часов вечера, когда он внятно произнес слова: «Милость Божия все покроет», а затем начал кого-то благословлять. По-видимому, за строгую подвижническую жизнь Господь сподобил его узреть отшедших своих собратий по духу. После этого он пришел в сознание, тихо сказал: «Я буду умирать», закрыл глаза и уже ни с кем не говорил, хотя все понимал и оставался в полном сознании. Силы старца слабели, и 21 марта, в четверг, в начале шестого часа утра он в мирной и безболезненной кончине предал дух свой Богу.

21 марта гроб с телом почившего схиархимандрита Андроника был поставлен в соборе во имя святого благоверного князя Александра Невского в Тбилиси, где митрополитом Зиновием была совершена великая панихида. Тело старца находилось в соборе до 26 марта. У гроба совершались панихиды и читалось местными и приезжими священниками Святое Евангелие. 26 марта архимандрит Иоанн (Маслов) с собором клириков совершил литургию Преждеосвященных Даров. Отпевание и погребение схиархимандрита Андроника были совершены митрополитом Зиновием с собором духовенства в присутствии иерарха Грузинской Церкви епископа Цилканского Гайоза, ректора Мцхетской духовной семинарии. Бывший насельник Глинской пустыни игумен Иларион (Приходько) сказал сердечное прощальное слово, в котором подчеркнул, что о. Андроник был человеком широкой души, глубокой веры и большим тружеником, его сердце было исполнено сострадательной любви к каждому человеку, он жил не для себя, но для народа, поэтому к нему вполне приложимо наименование печальника душ человеческих. Затем гроб с телом о. Андроника был обнесен священнослужителями вокруг престола. Прощальная процессия направилась к месту погребения – Грмагельскому городскому кладбищу. По совершении на могиле краткой литии гроб с останками верного служителя Церкви Христовой при пении «Вечной памяти» был опущен в могилу. Прах о. Андроника предал земле митрополит Зиновий, который заботился о нем, как любящий отец о своем сыне. Он же в сороковой день по преставлении к Богу схиархимандрита Андроника в соборе святого князя Александра Невского совершил заупокойную литургию и панихиду в сослужении всего духовенства, съехавшегося почтить память старца. Могилу старца посетил Святейший и Блаженнейший Католикос-Патриарх всея Грузии Давид V, который, обращаясь к о. Андронику, положил на его могилу красное яйцо и сказал: «Отец Андроник! Христос воскрес! Мы знаем, что ты теперь в Царстве Небесном. Что отличало тебя в этой жизни?

Ты не имел врагов, и потому все любили тебя. Ко всем открыто было твое любящее сердце. Молись за нас, чтобы и нам разделить радость твоего блаженства».

Память об о. Андронике будет всегда жить в сердцах многих людей. Он поистине «подвигом добрым подвизался, течение совершил, веру сохранил, а теперь ему готовится венец правды, который даст Господь, Праведный Судия в день оный» (2Тим.4:7-8).

Примечания

- [1] ГАСО, ф. 454, оп. 1, д. 3. л. 75; ГАКО, ф. 750, оп. 1, д. 144, л. 3 об.
- [2] АСЕУ. Послужной список схиархимандрита Андроника (Лукаша).
- [3] Личный архив автора. Беседы схиархимандрита Андроника (Лукаша) с архимандритом Иоанном (Масловым). Магнитофонная запись. 1966 г.
- [4] Вместе с о. Андроником в плен попали еще пять монахов, служивших с ним в одном взводе. (Там же).
- [5] Там же.
- [6] Там же.
- [7] Там же.
- [8] ГАКО, ф. 750, оп. 1, д. 144, л. 3 об.
- [9] Личный архив автора. Письма схиархимандрита Андроника (Лукаша).
- [10] Там же. Беседы схиархимандрита Андроника (Лукаша) с архимандритом Иоанном (Масловым). Магнитофонная запись, 1966.
- [11] Там же.
- [12] Там же.
- [13] Там же.
- [14] Там же.
- [15] Там же.
- [16] Там же.
- [17] Там же.
- [18] Там же.
- [19] Там же.
- [20] АСЕУ. Послужной список иеросхимонаха Андроника (Лукаша).
- [21] Там же.
- [22] Там же.
- [23] ГАСО, ф. Р2196, оп. 12, д. 53, л. 3.
- [24] АСЕУ. Список монахов, представленных к наградам в 1954 г.
- [25] Личный архив автора. Письма схиархимандрита Андроника (Лукаша).
- [26] Там же. Наставления схиархимандрита Андроника (Лукаша).
- [27] АСЕУ. Письмо епископа Сумского и Ахтырского Евстратия схиигумену Андронику (Лукашу) от 21 сентября 1957 г.
- [28] Там же. Рапорт архимандрита Тавриона (Батозского) Преосвященнейшему Евстратию. епископу Сумскому и Ахтырскому от 24 августа 1957 г.
- [29] Личный архив автора. Письма схиархимандрита Андроника (Лукаша).
- [30] Там же. Беседы схиархимандрита Андроника (Лукаша) с архимандритом Иоанном (Масловым). Магнитофонная запись, 1966.

Преподобный Серафим (Романцов), Глинский, схиархимандрит

Прп. Серафим (Романцов, 1885–1976), схиархимандрит – глинский старец, прошедший через войны, ссылки и гонения. Вернувшись в возрождённую Глинскую пустынь в 1947 году, он стал духовным столпом обители, принимая тысячи паломников и наставляя в вере.

После повторного закрытия монастыря в 1961 году переехал в Сухуми, где продолжал старческое служение. Скончался в 1976 году, сохранив до конца ясность ума и духа.

«Иди до духовника». – Такую фразу слышал каждый, кто переступал порог той Глинской пустыни, в которую в 50-60-тых годах минувшего века стремились многие со всех концов нашей необъятной Родины. Отец Серафим (Романцов) – духовник определял всех – где остановиться, чем помочь обители, если приезжали более, чем на 3 дня. Первые 3 дня можно было провести как душе угодно: молись, исповедуйся, посиди на ступеньках скрипучей лестницы в очереди к тому же о. Серафиму-духовнику, если надо что-то решить, посоветоваться.

Отец Серафим в Глинской пустыне с 1910 г. Разумеется, был перерыв его пребывания в пустыни, ведь пришлось пережить многое: войну, разорение обители, ссылку, скитания. Родился он в Курской губернии в деревне Воронок 28 июня 1885 г. в семье крестьянина Романа Романцова. В крещении дали имя Иоанн. Окончил церковно-приходскую школу и, похоронив родителей, в августе 1910 г. пришел в Глинскую пустынь. Сначала он был определен на послушание при хлебне, а через год – при бондарне.

Когда началась Первая мировая война, его взяли в армию. В 1916 г. он был ранен, выздоровел и вернулся в Глинскую пустынь. О нем мало сведений сохранилось, только основные этапы известны. Иногда он кое-что рассказывал сам. Так, когда его послали работать на кухню, то, вместе с этим послушанием, благословили, как и каждого вновь поступившего, обращаться к старцу. Послушник походил-походил к этому старцу... и загрустил. Обижаться не на что,... но как быть? Смущение заметил другой послушник, с которыми были на кухне. «Ты что, Ваня, такой скучный стал?» Не утерпел Иоанн, рассказал ему о своей печали. Тот предложил ему сходить к его старцу. Просто пойти и послушать, и поговорить, если захочется. Очень понравился Иоанну старец. Такому бы всю душу наизнанку вывернул. Конечно, рассказал он о том, что беспокоит. Старец посоветовал: «пойди к своему старцу и расскажи все, как есть. Если он тебя с миром отпустит, приходи ко мне». Очень волновался Иоанн: вдруг обидится старец? Но тот просто сказал: «Такое бывает. Что же, раз душа не лежит, иди. Я хочу тебе только пользы. Иди с миром». Умели старцы беречь мир души – и своей, и ближних.

В 1919 г. постригли Иоанна с именем Ювеналий. Бушевала революция. Надо было успеть утвердиться в самом необходимом – учиться молиться. Смирения, терпения, послушания без молитвы не приобрести, но и молитве без таких добродетелей не научиться.

В 1920 г. его рукоположили во иеродиакона. Рукополагал владыка Павлин (Крошечкин). После закрытия Глинской пустыни надо было искать пристанище. Отец Ювеналий поехал в Сухуми, откуда можно было попасть в Драндский Успенский монастырь, еще существовавший. Монахи (часть которых перешла из закрытого Ново-Афонского монастыря) согласились представлять из монастыря сельскохозяйственную артель, чтобы продлить жизнь обители и так до 1928 г. уцелели, но в 1928 г. закрыли и этот монастырь. В 1926 г. отец Ювеналий был рукоположен епископом Никоном в иеромонаха и пострижен в схиму с именем Серафим.

Иногда, уже в старости, батюшка вспоминал отдельные эпизоды тех лет. Рассказывал, как жили вдвоем (кажется, с Владимиром), разделяя домашние дела и поочередно делая все нужное, не прекращая молитвы. Если кто-то замолкал, другой вполголоса начинал читать ее. Так жили в атмосфере мира и молитвы. «Горячая молитва, – говорил не раз много позже о. Серафим, – ограждала меня во всех трудных обстоятельствах моей жизни». Отшельников прогнали и с гор, разорив их жилища. Отец Серафим уехал в Алма-Ату и в 1930 г. и устроился работать в окрестностях города сторожем на пасеке. В том же году его арестовали и выслали на строительство Беломорканала.

В 1934 г. о. Серафим попал в Киргизию, сначала в Токтогул, затем в Таш-Кумыр. Пробыл он там до 1946 г. Летом в горах устроил себе келью: нашел выступающий камень над родником, пристроил к нему плетеную хижину. Камень заменял стол, сиденье тоже

получилось. Тишина, уединение... Можно молиться, читать, размышлять, ни о чем не заботиться. Кормили его жители окрестных селений. Он спускался к ним, чтобы вместе молиться, служил под воскресные и праздничные дни всенощную. Отец Серафим видел, как нуждались люди в духовном окормлении, и старался, чаще всего ночами, служить, исповедовать, проповедовать Слово Божие. Зимой он жил у одной благочестивой семьи в пристройке (сделана она была так, чтобы не заметили ее за курятником). Там была печка, кровать и стол.

В 1946 г. он был уже в Ташкенте, мог открыто служить в кафедральном соборе. Видимо, там он узнал о том, что открылась Глинская пустынь и 30 декабря 1947 г. вернулся в нее. Долговременный духовный опыт сразу же оказался востребованным и собравшейся братии и паломникам, все более мощным потоком, вливающимся в такие еще шаткие стены (когда был просто плетень) возрождающейся обители. Люди шли и ехали издалека, чтобы встретить у старцев внимание к своим бедам, сочувствие, совет, направление, наставление на путь истинный. И встречали все нужное! Отец Серафим полностью посвящал все свои силы, время, всю жизнь духовному окормлению братии и всем приезжающим. Отец Серафим мог своим отношением к каждому помочь открыть душу, не стесняясь, не боясь грозного вида, каким иногда встречал старец тех, кто искал чего угодно, но не спасения души. На исповеди же не оставалось ничего от его внешней строгости. Он многое видел на своем веку, удивить грехами его невозможно было. Он мог сострадать каждому, но и напоминал всегда о необходимой работе над собой, т.е. о борьбе со своими вредными привычками, самооправданием, лукавством, ленью, осуждением и др. Чтобы эта работа воспринималась, как правило, и распространялась на всех, о. Серафим сам выписывал и давал потом переписывать не один раз всем, кто мог писать грамотно и четко целые абзацы из поучений святителя Игнатия (Брянчанинова), святителя Феофана Затворника, о. Иоанна Крондштатского и многих других. Потом о. Серафим подбирал нужное тому или другому, обратившемуся к нему письменно, несколько слов добавлял от себя и так старался помочь каждому. День его загружен был до предела. Редкие минуты его не просили, к нему не стучали, его не ждали на ступеньках скрипучей лестницы, ведущей в круглую его келью (она была в башне, разделенной на 2 этажа. Внизу жил о. Михаил). Иногда он заходил в келью братии, притом всегда в самый нужный момент и как бы случайно исправил то, что требовало его вмешательства. Рассказывала одна паломница, как о. Серафим помешал ей чуть свет, а вернее даже до света (около 4-х часов утра) тайно покинуть обитель, куда она накануне только приехала. Ее обидел духовник, с которым она, в числе его провожавших, добралась с трудом до монастыря. Почти не спала, расстроенная, она вышла тихонько... и нечаянно встретила о. Серафима. «Ты куда?» Со слезами сказала она в своем решении уехать сейчас же. Он ее успокоил и, ободренная его вниманием и заботой, пошла она в храм. Там уже читали утренние молитвы. Подобных случаев много было, из них состояла вся жизнь. Их не записывали, им даже не удивлялись, их воспринимали как само собой разумеющееся. Не считал чем-то особенным такие «совпадения» или своевременные указания, кому-то крайне необходимые и сам старец. Он всегда помнил, что Господь через человека помогает обращающемуся к Нему, и свое служение воспринимал как естественное, необходимое исполнение воли Божией. Он не суетился, не раздражался, хотя попевал везде и всегда, когда надо. Он умел видя не видеть лишнее, бесполезно, т.е. пропускал без внимания все увиденное и услышанное, если оно не несло пользы душе. Он говорил коротко и ясно самое нужное. Например тому, кто переживал из-за необходимости многое делать из того, что никому не нужно (и все это знали), допустим, писать «липовые» отчеты о проделанной работе за год или придуманные % выполнения намеченного плана, о. Серафим сказал: «Твое от тебя не уйдет». Значит, уйдет это, допущенное как школа терпения, а настоящее, нужное – будет. И, вспоминая эту краткую фразу, человек успокаивался. Можно сюда же добавить и замеченный о. Рафаилом (Карелиным) вопрос одному монаху, возмущавшемуся бесстыдством современных молодых людей, особенно девушек, когда тому пришлось быть в городе: «Ты давно вернулся? – Да вот 3 дня назад. –

И ты все это помнишь?» Казалось бы, ничего особенного. И вопрос задан кому-то неведомому, и встречный вопрос – ответ на возмущение ничего особенного в себе не таит... И, все-таки, его стоит вспомнить не только в подобной ситуации, но и во многих других обстоятельствах, когда требуется силой воли, а лучше молитвой, отвергнуть назойливое впечатление. Отец Серафим очень не любил «благочестивого пустословия», когда хорошие и нужные слова, как «спаси вас (или тебя), Господи», «простите», «благословите» и т.п. говорилось без меры и смысла. Даже тогда, когда можно и нужно было сделать замечание, он говорил спокойно и мягко, если видел смущение и раскаяние. Вряд ли кто мог бы вспомнить, чтобы о. Серафим был недовольным, подавленным. Всегда ровный, внимательный (только в исключительных случаях грозный, если была в этом необходимость), он никогда не создавал дистанции, не подчеркивал своего сана, положения. Когда надо было ему ехать в Москву по делам, он одевал плащ, предварительно подвернув полы рясы. Пользовался обычным городским транспортом, не выражая желания вызвать такси или отвезти его на машине. В электричке, например, сядет где-нибудь в уголок, если уступит кто место старичку, похожему на пасечника, наклонит голову, делая вид, что дремлет, и живет своим. Если намеревался о. Серафим посетить знакомых, то останавливался обычно в незаметных комнатках, где попроще, говорил, кого позвать. Обычно он не говорил бесед, а отвечал на вопросы, какие задавали собравшиеся. Если чего-то не знал (из событий церковной жизни), то спрашивал, не стесняясь признать, что знать надо, потому что спрашивают, но совершенно спокойно это говорил. Умел о. Серафим дать простой и выполнимый совет, учитывая обстановку, в которой живет и трудится человек. Так одна медсестра выразила ему сожаление, что не может вставать ночью на молитву, потому что работала в смену (были ночные дежурства), и по слабости здоровья. Отец Серафим сказал: «Когда надо вставать ночью, прочитай несколько кратких молитв и ложись спать. Не смущайся, Бог свыше сил ничего не требует». Бывало и так, что человек только подумает – спросить у батюшки благословения поехать (в паломничество) или оставить все на волю Божию, – батюшка вдруг спрашивает: «А ты хотела бы поехать (именно туда, куда и думалось)? Теперь скажут – он прозорлив, а тогда, когда такое на каждом шагу было, принималось как так и надо. Можно было не спрашивать, не обдумывать заранее, не тратить время зря и не распылять внимание на второстепенное, учиться главное видеть перед собой, уметь «ходить перед Богом». Этому старцы учили примером. Даже те, кто получали письма о. Серафима, перечитывали знакомые тексты (кто уже раньше читал творения святых отцов и наставления отечественных подвижников), с особым вниманием относились к этим выпискам уже потому, что о. Серафим обновлял их примером своего благоговения и усердия. Те, кто бывал в Глинской пустыне не могли не знать о. Серафима, даже если не исповедовались у него, не искали совета, ни о чем не спрашивали. Он организовал всю внешнюю жизнь монастыря, особенно то, что касалось паломников. Внутреннюю жизнь обители, которая могла быть незнакома приезжим, держали три «столпа» – совет старцев, в который входили о. настоятель архимандрит Серафим (Амелин) (в то время единственный архимандрит), о. Серафим (Романцов) и о. Андроник (Лукаш).

Те, кто узнали о Глинской пустыне уже после вторичного закрытия, могут представить себе о. Серафима – духовника по письмам, которые хранят все, кому они дороги. Часть их опубликовали, возможно, она со временем пополнится и теми, которые еще неизвестны читателям. Ничего своего, нового, оригинального, что могло бы как-то подчеркнуть его индивидуальность, отличного от писаний святых отцов, о. Серафим в письмах не наставлял. Наоборот – только польза душевная, а если человек может понять, то и духовная в центре его внимания, его заботы. Почти нигде ничего о себе, никаких жалоб на усталость, нездоровье, личные переживания, а ведь они были, только никогда не ставились на вид, в центр. Для о. Серафима в письмах основное – помочь душе обратившегося.

В своих письмах старец говорил о необходимости смиряться, ибо «без смирения нет спасения». А в наше время о смирении можно услышать неверное мнение. Будто в том оно,

чтобы себя или другого («для смирения») втоптывать в грязь, топить в помойке реальных или выдуманных ошибок или грехов (особенно в отношениях с ближними), отчего скорее придешь в уныние. Нужно приучить себя помнить, что Господь каждого почтил своим образом и научиться беречь его чистоту в себе и помочь в этом ближнему – вот в чем смирение, забывающее о себе совершенно. Как к этому прийти? Отец Серафим в письмах не раз призывал учиться принимать все скорбное без возмущения, раздражения, ропота, уныния, чувства безысходности. Без скорбей никто не живет, но как кто к ним относится – от этого многое зависит в духовной жизни. Жалуясь на трудности, мы забываем, что более всех и всего вредим себе сами. Чем? – Многословием, пустословием, рассеянностью, небрежностью, забвением о своем спасении, ленью и многими другими недостатками. Из-за них теряется доверие Богу, растет желание доказать себе и другим свою значимость, требовать себе внимание и почтение, находя тысячи причин к самооправданию. Как врачевать в себе эти недуги, и как старцу помогать таким, кто формально соблюдает все необходимое, но не может успокоиться, не чувствуя в душе мира, испытывая лишь глухую неудовлетворенность? Отец Серафим не зря посылал выписки из творений святых отцов. Не случайно, и не только по традиции в Глинской пустыни так часто обращались к чтению святоотеческих творений. Слушая их наставления и предостережения, видишь как в зеркале свои недостатки и немощи. Тут уж нечем превозноситься! Святые отцы помогут понять, что все у нас, у каждого – от Бога, а свое – желание сберечь, не растерять данное и даже умножить по заповеди Божией! Потому и старцы были смиренны. Кто сокрушается, что теперь нет старцев, какие были прежде, тем о. Серафим напоминает, что прежним старцам было открыто, что нашему времени оставлены скорби и болезни вместо старцев. Их у всех много. Важно только отнестись к этому благоразумно, т.е. увидеть в этом направляющую ко спасению руку Божию. Господь для каждого подбирает такие жизненные обстоятельства, которые именно теперь ему полезны. Это повторял почти каждому в своих письмах о. Серафим. В этом, т.е. во внутреннем согласии принимать без возмущения и недовольства все, что Господь допускает, старец видел возможное в любых обстоятельствах послушание воле Божией. Такое понимание обогащает давно всем известное, и для желающих драгоценное, указание на послушание как на необходимую христианскую добродетель. Чтобы это утвердить в сознании всех, кто будет читать письма о. Серафима (а он иногда в конце подписывал: «давайте читать всем»), он напоминал, что Господь устраивает все в нашей жизни, учитывая наши желания, склонности, способности. Иногда не сразу получается так, но со временем совершенно ясно каждому, что смирившись даже с непонятным пока, человек «вкушает мир» души. Неприятности же, принятые с доверием Богу, учат терпению и ведут к радости духовной. Но радоваться может лишь благодарная душа. И о благодарении Богу в письмах можно найти напоминания. Приходилось о. Серафиму об этом говорить часто и многим, потому что мы очень рассеянны и невнимательны. К сожалению, это относится к тому, что касается серьезной духовной настроенности. Когда же речь идет о себе, о своих обидах, недовольстве, мелочных разборках в совместной жизни и других огорчениях, тут оторвать внимание от себя бывает нелегко. В таких случаях о. Серафим предлагает решительно взяться за себя и не оправдываться, не винить обстоятельства или кого-то из близких и дальних, а видеть свою немощь, каяться, оставляя других суду их совести и Богу. Говорить о том, чего касается о. Серафим в своих письмах, можно много, но лучше их прочитать, возвращаясь не раз к тому, что писал старец, личным духовным опытом делясь с каждым, кто искал его совета и наставления. Внешне его жизнь не богата яркими событиями. В основном все дни проходили в работе и заботе о многочисленных паломниках. Он сам говорил, что «у нас нет ни святынь особенных – икон чудотворных, святых мощей – а вот едут...» Знал, что едут душу очистить покаянием, наставление получить, помощь Божию ощутить через отношение старцев.

Поток приезжающих ширился, а над обителью снова нависли грозные тучи. Хрущевская «оттепель» сменился явным стремлением покончить с Церковью. Повод при

желании всегда найдется. В 1961 г. Глинскую пустынь снова закрыли. Правда, никого не сажали в тюрьмы, просто разогнали. Предстояло каждому искать себе место. Отец Серафим поехал в знакомые края, в Грузию. Сначала он жил в Очамчири, у одного прихожанина церкви села Илори, потом перебрался в Сухуми. Там он мог в соборе помогать местным священникам: исповедовал чаще всего, сослужил иногда, делал все, что скажут охотно, просто, незаметно. К нему на исповедь приходило все больше и больше людей, многие приезжали издалека, как только узнали, где он. И здесь, как прежде в Глинской пустыне он хлопотал, устраивая каждого к кому-то из местных под крышу, даже организуя паломничества по святым местам древней Иверии, большей частью уже забытым самими местными жителями. Пока были силы, ездил сам (направлял в монастырь прп. Шио Мгвимского, в Сигнахи, где скончалась и похоронена святая равноапостольная Нина, в Комане, где почти разваливался храм на месте кончины святого Иоанна Златоустого, на Иверскую гору и др.), позже благословлял проводить кого-либо из знающих дорогу к святыням. Естественно, к о. Серафиму потянулись и монахи закрытой Глинской пустыни. Кто в миру невольно заражался пропитавшим все духом гордыни, подогреваемым сознанием собственной исключительности (как же – гонимый монах закрытой обители!), с тем о. Серафим на исповеди был строг. Однако, строгость вызывала не страх, не чувство подавленности или обиды на непонимание, а отрешение. Понимал человек опасность такого самомнения, каялся – и старец тут же смягчался, радовался, что тот понял и намерен следить за собой. Кто, особенно из молодых, рвался к подвигам, старец удерживал от неразумной горячности, ревности не по разуму, указывая на более надежные добродетели – терпение, смирение, послушание. Особенно предостерегал от всевозможных видений, откровений, явлений и т.п., тешащих самолюбие и как бы подчеркивающих духовную высоту и исключительность. В отрыве от серьезной духовной школы, от обстановки реальной духовной борьбы со страстями особенно рьяно неопытные жаждут подтверждения «свыше» и могут вместо «благодатных озарений» нажить очень серьезную духовную болезнь (прелесть – как называют ее аскеты, т.е. обман, который наша гордость не позволяет узнать) и кончить психическим расстройством.

Тем, кто просил благословения читать Иисусову молитву, старец благословлял, напоминая, что в ней главное – чувство покаяния. Начинать же ее читать, как и всякую другую, следует, внимая словам молитвы, не увлекаясь количеством и, тем более, не прибегая к искусственным приемам. Если человек не был склонен бороться с гордостью, считая ее своим достоинством, то старец советовал начинать с молитвы мытаря, приучать себя к сознанию необходимости покаяния. Это сознание не ограничивается только признанием за собой когда-либо допущенных грехов, в которых человек каялся, оно включает в себя понимание своей греховности, которое по милости Божией не исчезает даже у подвижников. Потому покаянное состояние святые отцы считали нормальным. Это не приводит к унынию, так как кающийся всегда опытно знает, что Господь его прощает и милует. Покаяние, смирение, терпение, внимание... и все – с молитвой. Эти темы у о. Серафима не просто повторяются, они наполняют все его поучения. Кто не заботится об этом, тот попадает в пучину «бестолкового немирствия».

Относился о. Серафим ко всем по-разному, смотря по настроенности, учитывая обстановку, условия, возраст, физические силы. Кто любил читать каноны и акафисты, о. Серафим не ломал своим советом привычки и расположения, кто мог молиться в уединении и старался вычитывать пятисотницу, чтобы приобрести навык к Иисусовой молитве, о. Серафим благословлял, учитывая условия и настроенность. Где мог, особенно в странствиях своих, он старался служить вечерню, утреню... все, что можно. При этом присутствующие в самой обыденной обстановке не могли не отметить такого спокойствия, умиротворенности, внутренней тишины, которые обычную хатку или квартирку в городе превращали в храм Божий. Его простота, искренность, ясность, желание помочь каждому, кто просил совета и наставления, удивляли многих. Помогал он и тем, кто нуждался

материально, посылая через доверенных, умеющих молчать людей, продукты и деньги в забытые местными жителями монастыри.

К отцу Серафиму часто приезжал его духовный друг – схиархимандрит Андроник (Лукаш), который вел полузатворническую жизнь в Тбилиси, в доме митрополита Зиновия (Мажуги). Оба старца хотели сохранить единство братии Глинского монастыря, которая была рассеяна и разбросана по всей огромной стране. И действительно монахи Глинской пустыни знали, что они всегда найдут помощь и приют у митрополита Зиновия и у обоих старцев.

Как ни бодрился о. Серафим, как ни старался не обращать внимания на свои недуги и немощи, но годы трудов, лишений, переживаний не могли не сказаться на его здоровье, да и возраст напоминал о предстоящем переходе в вечность. Старцу шел уже 90-й год. Митрополит Сухумский Илия (позже ставший патриархом Грузии Илией II) возвел о. Серафима в сан архимандрита (до этого в 1960 г. патриарх Алексей I возвел старца в сан игумена). До конца дней о. Серафим сохранил бодрость духа и ясность ума.

В декабре 1975 г. во время всенощной о. Серафим почувствовал себя плохо, пришлось лечь. Все время (это 2 недели) старец читал вслух молитву Иисусову, причащаясь ежедневно Святых Христовых Таин. Когда уставал, просил читать других. В полном сознании видел многих собратий по духу, которые пели стихиру Божией Матери «Совет преевечный», затем и он запел слабеющим голосом: «Вкусите и видите, яко благ Господь. Аллилуиа». После видения сказал: «О чем я молился всю жизнь и чего искал, то открылось сейчас в моем сердце; моя душа исполнилась благодати настолько, что не могу ее даже вместить». Последние его слова: «Теперь я буду умирать». 31 декабря старец закрыл глаза и больше уже ничего не говорил, ни на что не реагировал. 1 января 1976 г. он мирно скончался. Канон на исход души читал игумен Исаия, бывший послушник Глинской пустыни. «Весть о кончине схиархимандрита Серафима облетела многие места нашей Родины, она наполнила глубокой грустью сердца духовных чад отца Серафима», – писал в некрологе доцент Московской духовной академии архимандрит Иоанн (Маслов).

2 января гроб с телом схиархимандрита Серафима был поставлен в кафедральном соборе Сухуми. Три дня не прекращались чтения Евангелия и служение панихид. И все это время собор был заполнен духовными детьми отца Серафима, которые пришли проститься со своим наставником и молитвенником. 4 января, в Неделю пред Рождеством Христовым, митрополит Илия в сослужении многих клириков совершил Божественную литургию и чин погребения почившего старца. Владыка произнес сердечное надгробное слово, в котором охарактеризовал старца как истинного христианина, смиренного труженика и благодатного молитвенника.

Похоронили его на Михайловском кладбище г. Сухуми. Душа его «во благих», успокоилась от трудов своих, но окончательное ее умиротворение и радость придет тогда, когда многие, вспоминая сказанное, написанное им в назидании, научатся жить по заповедям Божиим, а те, кто не могли знать его, найдут в его примере, его наущении для себя ориентиры в жизни, особенно трудной в духовном отношении теперь. С Богом нет невозвратных потерь, и обращение к образу о. Серафима может помочь многим желающим знать верный путь спасения, тем более, что он, как и другие старцы Глинской пустыни жил в не менее трудное время, сравнительно недавнее, знал и пережил сам многое и, «быв искушен, может и искушаемым помощи».

«Для многих православных ощутима потеря отца Серафима, – писал в некрологе отец Иоанн. – Но мы утешаемся мыслью, что он не умер, а лишь отошел в тот мир, о котором тайнозритель говорит: блаженные мертвые, умирающие в Господе; ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними» (Откр.14:13).

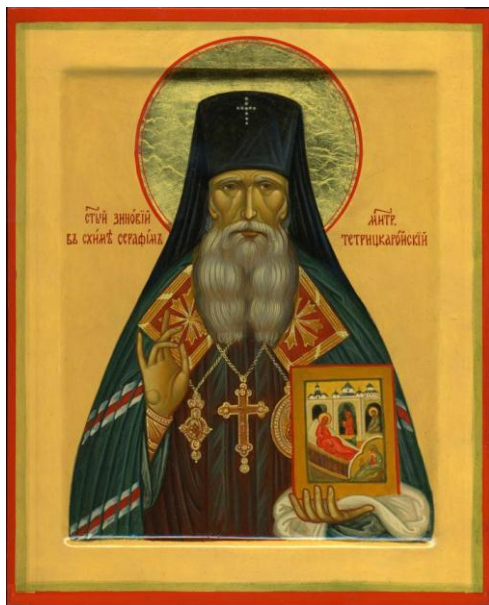
21 августа 2010 г. за Божественной литургией в монастыре Рождества Пресвятой Богородицы Глинская пустынь (село Сосновка Глуховского района Сумской области) был совершен чин прославления трех подвижников XX века – схимитрополита Серафима

(Мажуги), схиархимандрита Серафима (Романцова) и схиархимандрита Андроника (Лукаша), которые несли монашеское послушание в этой обители.

Решение о канонизации подвижников благочестия было принято на заседании Священного Синода Украинской Православной Церкви 25 марта 2009 г. По благословению Святейшего Патриарха Кирилла мощи архимандрита Серафима (Романцова) были доставлены в Глинскую пустынь из Абхазии.

30 ноября 2017 г. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви принял решение об общецерковном прославлении преподобного Серафима с установлением даты памяти 22 сентября – в Соборе Глинских святых.

Преподобный Зиновий (Мажуга) (в схиме Серафим), Тетрицкаройский, митрополит

Прп. Зиновий (Мажуга, 1896–1985), митрополит – грузинский иерарх русского происхождения, духовный воспитанник Глинской пустыни. После закрытия обители в 1922 году переехал в Грузию. В 1936 году арестован, провёл 4,5 года в лагерях. В 1956 году хиротонисан во епископа, с 1972 года – митрополит Тетрицкаройский. Приняв схиму с именем Серафим, он до конца дней оставался образцом монашеской простоты и молитвенника. Скончался 8 марта 1985 года.

Митрополит Зиновий, иерарх Грузинской Церкви (в миру Захарий Иоакимович Мажуга), начинал свою духовную жизнь в Глинской пустыни. Родился он недалеко от обители, в г. Глухове 14 сентября 1896 г. Назвали мальчика Захарием. Он рано лишился родителей. Отец умер, когда ему было 3 года, а мать когда исполнилось 11 лет. Пришлось жить у родственников. Жили бедно, но основы благочестия – веру и любовь к Богу, заложенные покойной матерью, мальчик берег всегда. Сестра его, уже имея свою семью, и принявшая младшего брата, вскоре устроила его в пошивочную мастерскую при Глинской пустыне. Это было для него великой радостью: он бегал в обитель и раньше, знал некоторых насельников, жалевших осиротелого мальчика, с теплом и участием относившихся к нему. Когда ему исполнилось 16 лет, его зачислили в Глинскую пустынь послушником. Обычно вновь поступивших определяли сразу же в гостиницу, чтобы научить служить людям – на полгода, потом – в прачечную, чтобы не боялся в будущем никаких трудов – на год или два. После этого, смотря по усердию и склонности к определенным трудам, посылали на кухню, в пекарню, в переплетную или швейную и другие мастерские, если явно была склонность к иноческой жизни. Если ее не замечали в юноше, то советовали вернуться домой.

У Захарии было все хорошо с первыми послушаниями, а на специальных – не ладилось. Старшие без конца жаловались на него настоятелю, его переводили с места на место... Он очень переживал, молился изо всех сил, боясь, что его отправят домой. Жалел его и старался поддерживать лишь один строгий схимонах Герасим, которому его поручили. Старец решил испытать молодого послушника, стал грозно выгонять и даже обещал побить, но огорченный юноша решительно заявил, что он никуда не уйдет, как бы старец к нему ни относился. С тех пор Захария стал духовным сыном строгого монаха, который приучал его к продолжительным молитвам, строгому ограничению в пище, воздержанию в словах. Постепенно наладилось дело и с послушаниями. Послали его присматривать за лошадьми.

Их он боялся, боялся и того, что, не справившись с этим послушанием тоже, его выгонят. Однако, скоро привык и полюбил их. Дело пошло на лад.

В 1914 г. началась 1-ая мировая война, а в 1916 г. Захарию вместе с другими молодыми послушниками взяли на военную службу. Проводил его старец Герасим, предсказав возвращение в обитель и то, что больше они не увидятся. Завещал старец при последнем свидании усердно молиться и во всем полагаться на волю Божию. Будущий монах молил Бога о том, чтобы его назначили на такое место, где он мог бы никого не убивать, и Бог дал ему: его зачислили в роту конвоиров и в военных действиях он не участвовал. Удерживать позиции, теснимые немцами, русским войскам (где был Захария) пришлось в Пинских болотах в Белоруссии. Постоянная сырость этих мест привела к заболеваниям, которые мучили его в течении всей жизни – экземе и тромбофлебиту.

Когда Захарию демобилизовали, он вернулся в Глинскую пустынь, где в 1917 г. был пострижен в день Благовещения Пресвятой Богородицы с именем Зиновий в честь священномученика Зиновия, епископа Эгейского. Старец Герасим, как и предсказывал, к этому времени умер. Новопостриженного монаха вручили старцу иеросхимонаху Николаю. Настоятель обители архимандрит Нектарий благословил монаху Зиновию ездить на монастырскую мельницу в г. Путивль (это в 40 км от монастыря на реке Сейм), отвозить туда зерно, а в монастырь привозить муку. Если учитывать, что это время – годы гражданской войны – особенно отличалось насилием, грабежами, убийствами, то можно представить, с каким риском было сопряжено такое послушание. По милости Божией, обозы приходили целыми. Монах Зиновий знал, что настоятель, благословляя на такое послушание, молился за него, но и сам просил Бога, чтобы благополучно выполнять порученное.

Учась на деле отсечению своей воли и смирению, монаху Зиновию пришлось испытать немало тревожных минут. Однажды его позвали к настоятелю, велели сесть на стул, и келейник, не говоря ни слова, остриг волосы, при этом ничего не объясняя. Он тоже ни о чем не спрашивал, но в мыслях недоумевая, почему так и к чему это... После чего ему велели идти в келью и ждать. Чего? Опять все молчат. Позвали вечером, сняли монашескую одежду, дали померить костюм. Все это молча, ничего ему не говоря. После этого, положившись на волю Божию, он пошел запрягать лошадей, как было велено. Подогнал повозку к настоятельскому корпусу, вошел к настоятелю. Тот молился, потом, повернувшись, сказал, что он в нем не ошибся и поручает ему трудное дело: тайно отвезти одного человека, не привлекая к себе внимания (для того и нужно было изменить внешний облик). На дорогах занимались грабежами всевозможные банды, и спастись от них было не так-то просто. Оказалось, монах Зиновий вез архиерея. Прощаясь, тот сказал: «Ты спас архиерея, следовательно, быть тебе архиереем». Это исполнилось через 35 лет.

В 1922 г. Глинскую пустынь закрыли и вскорости разорили. Монах Зиновий взял с собой один из антиминов, на котором впоследствии совершали богослужения под открытым небом. Направился он в Грузию, где тогда было спокойнее. В Драндовском Успенском монастыре его рукоположили во иеродиакона, а в 1925 г. епископ Сухумский Никон рукоположил во иеромонаха. Недолго жили монахи и там. В 1927 г. монастырь закрыли. Отец Зиновий стал настоятелем церкви великомученика Георгия, потом служил в Никольском храме г. Сухуми. Вскоре и это стало невозможно. Решил подняться в горы, устроив небольшой скит. И там не дали спокойно пожить. Пришлось о. Зиновию жить в греческих поселениях, переходя с места на место. Благодаря приобретенному в Глинской пустыне ремеслу он бесплатно шил местным жителям все, что просили, за это они его кормили и устраивали на ночлег. Общаясь с греками, о. Зиновий выучил греческий язык и мог свободно говорить на нем. Позже он рассказал об одном удивительном случае тех лет. Ночуя в одном селении, он узнал от хозяина, что намечается проверка. Он, конечно, там не прописан. Надо уходить, чтобы никого не подвести и себе не причинить неприятности. Ушел в лес, нашел подходящее местечко, будто кто-то устроил себе жилище, развел костер, стал молиться святителю Николаю, ведь эта ночь как раз под праздник «вешнего Николы»

22 мая. Вскоре он услышал тяжелые шаги, хруст веток. Кто-то ломился через кусты прямо к нему. Отец Зиновий подбросил хворосту в костер, стал стучать... Шаги стихли, но раздался рев. Медведь! Еще огня прибавил, еще усерднее стал молиться... Незаметно заснул. Проснулся от того, что его разбудил мальчик, сынишка хозяина, который пришел его позвать домой, принес с собой молоко для подкрепления сил. Отец Зиновий встал, обошел свое убежище – кусты помяты, видно, что по кругу, обходя свою берлогу, ходил медведь. У хозяина дома за завтраком о. Зиновий рассказал о ночном посетителе, но тот не поверил, решив, что это со страху приснилось отшельнику. Хозяин был охотником, знал повадки зверей, знал, что в их краях водятся гималайские медведи, которые никогда не уступят своей берлоги. Решили сходить на это место, чтобы убедиться, увидеть все днем. Увидели поломанные кусты, следы медвежьих лап, помет. Охотник сказал: «Да, о. Зиновий, тебя спас святитель Николай». Это очень редкий случай, когда медведь ушел, не наказав обидчика.

Не находя возможности для служения о. Зиновий уехал в г. Ростов-на-Дону, где стал служить в Софиевском храме. В 1936 г. его арестовали. В следственном изоляторе он заразился малярией, что было для него милостью Божией, так как один молодой врач, стал доказывать своим коллегам, что такого больного нельзя отправлять в Среднюю Азию, куда собирались переводить партию заключенных, из-за этого его отправили на Урал, а четырнадцать священнослужителей – в Ташкент. Отец Зиновий переживал, что его исключили, хотел ехать со всеми вместе. Позже, уже на строительстве Беломорканала, он узнал, что все, отправленные в Ташкент умерли. Утешением ему была краткая встреча в Ростовском распределителе с будущими Глинскими старцами – о. Серафимом (Романцовым) и о. Андроником (Лукашом).

По прибытию на место заключения о. Зиновий раздал все, что имел. Так поступил и один из его попутчиков. Другой смеялся над ними: «Завтра-то, что есть будете?». Когда же вечером все вернулись в барак, то увидели, что на кровати о. Зиновия и его спутника, последовавшего его примеру, лежали их вещи, а у насмешника украли все, даже матрас. Обычно священников помещали вместе с уголовниками. Так было и здесь. Однажды ночью в камеру привели молодого парня. Мест свободных не было. Он собирался уже постелить газету и лечь на бетонный пол. Отец Зиновий и его спутник разрезали свои одеяла и дали вновь поступившему. Утром он сказал о. Зиновию: «Отец, пока я здесь, вас никто не тронет». Он оказался одним из авторитетов в уголовном мире и их, действительно, защищал от многих неприятностей, неизбежных при общении с представителями преступного мира. В тюрьме о. Зиновий, помнивший наизусть часто употребляемые службы, исповедовал всех, кто просил, молился с желающими, но больше любил и молиться один, когда позволяли условия. Как-то, на Урале, когда заключенные строем возвращались в барак после работы, о. Зиновий, как самый маленький по росту, идя в конце колонны, заметил в снегу, в 50 градусный мороз свежесорванную гроздь винограда. Он подобрал ее, принес в барак и раздал каждому эку по виноградинке, как явное Божье чудо и утешение. Работать ему приходилось наравне со всеми. Никто не считался с тем, что он был физически слабее многих, к тому же еще со времен 1-ой мировой войны он страдал заболеванием ног. Когда его послали грузить мешки, он надорвался. Врач ходатайствовал о переводе его на более легкую работу. Хотя это было редким явлением, но, его все-таки, перевели в портняжную мастерскую. А там мастер старался ему досадить, так как намеревался взять на это место своего человека. Неожиданно мастера сменили, а новый мастер проверил оформления нарядов (где были намеренные искажения), и восстановил все, как надо было в соответствии с реальным выполнением нормы. Благодаря этому о. Зиновий оказался в числе передовиков и заслужил досрочное освобождение, пробыв 4 года и 8 мес. вместо 5-ти лет по приговору.

Много пришлось вытерпеть за эти годы, но и не раз убедиться, что Господь не оставляет без Своей помощи уповающих на Него. Освободили о. Зиновия на праздник Успения Матери Божией, реабилитировали. Поехал он в Сухуми, но там не стали его прописывать.

Решил поехать подлечиться в Тбилиси, но там у него украли деньги и документы. Как беспаспортного привели в милицию. Обыскав, нашли четки. Начальник милиции сказал своим сотрудникам: «Преступников надо ловить, а это монах. Кого вы привели?». Отца Зиновия отпустили, но пришлось ждать, пока восстановят документы. Ожидая свои документы, о. Зиновий стал ходить в Сионский собор, где его увидел патриарх Каллистрат, который предложил ему быть внештатным священником собора. Патриарх очень уважал о. Зиновия и поэтому просил, находясь на смертном одре, своего преемника, чтобы он добился епископской хиротонии для о. Зиновия. Это было очень непросто, так как грузины не хотели видеть среди своего епископата русского человека.

В годы Отечественной войны – с 1942 по 1945 годы – о. Зиновий служил в Сионском соборе и был духовником Ольгинского монастыря в Мцхете. В 1945 г. его перевели в с. Кирово Степановского района Армении. С 1947 и по 1950 годы настоятель Свято-Духовской церкви г. Батуми. Приходы где он служил, оживали, реставрировались храмы, люди начинали тянуться к Богу.

В послевоенные годы отношения между двумя братскими Церквями усердием патриарха Каллистрата, смягчились, восстановилось молитвенное общение. Патриарх Каллистрат поставил о. Зиновия благочинным русских приходов Грузии и Армении, которые входили прежде в юрисдикцию патриарха Московского. Назначение о. Зиновия способствовало дружественному примирению, знаком которого была передача этих приходов в юрисдикцию Грузинского Патриархата. Отец Зиновий многое сделал для того, чтобы не возникали конфликты между русскими и грузинами. Он любил Грузию, знал ее историю, чтит святых Грузинской Церкви, не делал различия между людьми разных национальностей, уважая в каждом обращавшемся к нему образ Божий.

Старец Зиновий, тогда архимандрит, как член Синода Грузинской Православной Церкви в 1950-е годы однажды был участником встречи предстоятеля Александрийской Церкви, приехавшего с визитом в Грузию. Высокую делегацию сопровождал епископ Пимен (Извеков; впоследствии Патриарх Московский и всея Руси). После литургии в одном из тбилисских храмов делегации выстроились для взаимных приветствий. Внезапно старец Зиновий подошел к предстоятелю Александрийской Церкви и попросил его уступить ему место, причем очень настойчиво. (Позднее владыка вспоминал, что действовал в этот момент не по своей воле и вполне понимал кажущуюся неуместность своего поведения.) Это чрезвычайно всех удивило, но, учитывая обстановку, не стали выяснять причины, а подчинились его требованию. Прошло какое-то время, вдруг из одного из верхних рядов иконостаса выпала икона и упала точно на голову отца Зиновия. Удар был очень сильным, и клобук на пострадавшем был весь разорван. Сам старец Зиновий отделался легким обмороком без каких-либо осложнений. Очевидцами этого события были все присутствовавшие в храме. Возмущение и недовольство гостей архимандритом сменилось искренним уважением и признательностью: все понимали, что благодаря отцу Зиновию удалось избежать больших неприятностей. Никто из присутствовавших не сомневался в чудесности происшедшего. Сам владыка Зиновий говорил после, что Промысл Божий и ангел-хранитель через него обезопасили жизнь главы Александрийской Церкви.

В 1956 г. состоялась хиротония архимандрита Зиновия во епископа, через год он был назначен викарием патриарха Мелхиседека III с титулом «епископ Степановский». При патриархе Ефреме владыка Зиновий в 1960 г. стал епископом Тетрицкаройским. В 1972 г. его возвели в сан митрополита. В этом же году он тяжело заболел. Консилиум врачей определил: он более 2-х дней не проживет. Владыка Зиновий лежал и молился Господу и Матери Божией перед Ее иконой «Целительница». Позже близким сказал, что Матерь Божия посетила его и благословила, после чего, вопреки всем прогнозам, стал поправляться и пережил всех врачей, предрекших ему близкую кончину.

Знавшие близко Владыку отзывались о нем с удивлением и уважением, так как в его лице сочеталось величие иерарха со смирением монаха. Пережив много трудностей, лишений, много болея (практически всю жизнь), он был сердечным, радушным,

гостеприимным. Всех ему хотелось утешить, духовно укрепить, воодушевить. Говорил он обычно мало, старался прежде выслушать, потом ответить, если надо. Не всегда сразу же определенно отвечал, иногда в общем разговоре высказывал свое мнение, и тот, кого оно касалось, делал для себя выводы. Многие, встречая внимание, доброжелательность, считали, что Господь наделил обладателя таких качеств даром прозорливости. Говорить об этом трудно, потому что имеющие такие дарования тщательно скрывали их от окружающих, а о том, что встреча с человеком Божиим может изменить жизнь говорить вполне возможно. Так не раз бывало с теми, кто общался с владыкой Зиновием. Например, хирург Г.А.Гзиришвили вспоминал: «Предки мои были православными, но я, к сожалению, был некрещеным. Знакомство с Владыкой пробудило во мне огромное желание быть крещеным, тем более, что Владыка сам предложил быть моим крестным отцом. Так и совершилось мое второе рождение, т.е. крещение, в декабре 1957 г. Мне было тогда 30 лет. Он стал моим крестным отцом и самым близким человеком. После крещения моя личная жизнь изменилась, я стал совсем другим человеком. Иначе стал смотреть на жизнь, на богатство, на людей и даже на больных. Самые сложные хирургические операции удавалось делать весьма успешно, с хорошим результатом. Помню больную в тяжелом состоянии, которая была прооперирована мною по поводу рака почки и выздоровела. Она и вся ее семья не знали, как благодарить меня. Они были русские, и я их направил в церковь к Владыке со словами: «Мои успехи зависят от Бога и от моей веры». Владыке Зиновию я обязан пониманием человеческой души, страданий, переживаний больного человека, и если я стал хорошим врачом, то в этом большая заслуга Владыки...».

А вот что пишет в своей книге «Глинская пустынь в Тбилиси» Валерий Лялин:

«В Тбилиси я сел на автобус и поехал в Кахетию поклониться мощам святой равноапостольной Нины и навестить своего духовного отца – пустынножителя Харалампия. Пробыв там день, я к вечеру вернулся в Тбилиси. Было уже довольно поздно, и мне пришлось заночевать у знакомых осетин. Утром на трамвае быстро добрался до собора. Здесь все было как в России. Вокруг собора ходили, сидели в ожидании начала службы истинно русские люди. Я и раньше обращал внимание, что чем дальше от коммунистических центров, тем яснее, спокойнее и приятнее лица, тем проще и естественнее люди одеты, тем спокойнее их разговоры, и нет в них хмурой напряженности. А собор-то какой благодатный, прямо как будто его перенесли из Шуи или Муромы. Эх, думаю, вот она, Русь-матушка!

Надо бы поспрашивать народ: где бы повидать владыку Зиновия?

Вижу, у церковной ограды стоит старый монашек, стоит и разговаривает со старушками в белых платочках. Пойду – расспрошу. Подхожу ближе: монашек сухой, старенький. Одет неважно: на голове поношенная скуфья, ряса серенькая, потертая, на ногах лапти. Стоит, опирается обеими руками на посох.

Эх, думаю, какой-то пустынножитель с гор из бедного скита. Слушаю, перебивать неудобно. Разговор шел за жизнь. Старушка жаловалась, что зять пьет горькую и ее обижает. Старичок-монах наставлял ее, как приняться за дело, чтобы отвести зятя от пристрастия к хмельному. Я дождался окончания разговора и обратился к монашку:

– Простите, Христа ради, где мне найти митрополита Зиновия?

Старичок посмотрел на меня ласково своими ясными добрыми глазами и тихо сказал:

– Митрополит Зиновий – это я.

Ну, я так чуть не повалился от удивления!

– Владыка, это Вы?

Я видел наших столичных митрополитов в черных шелковых рясах, в белых клобуках, с алмазными крестами, с драгоценными посохами в руках, как их с почтением принимали из черной лакированной машины, вели под руки в храм со славой колокольного звона, через строй подобострастно склонившихся священников, а они милостиво, обеими руками, раздавали народу благословение. А тут бедный, старенький монашек с посохом и в лаптях. Это был старец-святитель Зиновий-митрополит. Это про него сказал Патриарх Грузии Илия

II: «Владыка Зиновий является великим святителем Православия, носителем Божественной благодати, и источающееся отсюда не земное, а небесное тепло, собирает вокруг него столько духовенства, столько верующих...»

Владыка Зиновий все делал основательно, не спеша. Не раз он посещал и Москву, и Троице-Сергиеву Лавру, бывал в Пюхтицком женском монастыре и многих других местах. Так в середине 60-х годов вместе с епископом Черниговским Владимиром (Сабоданом) посетил свою родную разоренную «красавицу Глинскую». Посещали и его многие архиереи с официальными визитами, и тогда, когда нужен был совет, или просили его молитв.

Все 35 лет своего служения в Александро-Невском храме в Тбилиси владыка Зиновий прожил в скромном домике около храма. Все его «покой» составляла одна комната-келья, где поместился лишь стол, кровать и два шкафа книг. Патриарх Давид V предложил ему построить резиденцию, которая давала бы возможность посещать храм всегда, когда он может и хочет. Владыка Зиновий отказался. Ему привычнее и проще было в его келье. Каждый день утром и вечером владыка Зиновий старался приходить на богослужение. В праздничные дни служил или выходил на молебен. Если же его не было в храме, значит, он был болен. В храме все делалось по благословению Владыки. Он пользовался духовным авторитетом у иерархов, священнослужителей, монашествующих, у мирян и у всех, кто бы к нему ни обращался. Более всего он старался, чтобы все жили в мире, молился обо всех, приучал всегда помнить о Господе и, главное, никогда не считать себя чем-то значительным, способным на трудовые и молитвенные подвиги. Все может человек, если Бог даст ему совершить что-то, воодушевив и укрепив Своей благодатью. «Без Бога, – как говорит русская пословица, – ни до порога». Пока человек этого не понимает, все его успехи могут быть не только бесполезны для души, но даже очень вредны, так как умножают самомнение. Владыка учил этому и словом, и личным примером. Он постоянно читал, чтобы быть в курсе событий, так как приходили люди разных возрастов, профессий, взглядов, образования, национальностей. Для всех, по слову Апостола, надо быть всем, чтобы спасти хотя бы некоторых. И главное, приводить не к себе, а к Богу. Если некоторые неразумно привязывались, надеясь найти в нем опору и постоянную помощь, отказывались от личных усилий, то Владыка обличал таких, напоминая: «не надейтесь на князи, ни на сыны человеческия, в них же несть спасения». Когда просили благословения и молитв, и Господь помогал явно, то владыка Зиновий объяснял это с верой просивших: «По вере вашей будет вам». Вместе с тем Владыка внушал серьезно относиться к благословию: «Если спрашивать меня, так и слушать, а если не слушать, так незачем приходить ко мне за благословением». Когда надо было, когда явно имелась в виду польза душевная, Владыка мог быть и строгим. Однако строгость не была выражением раздражительности или гнева. Более всего учил Владыка усердной молитве, духовному рассуждению и долготерпению. Советы свои он давал, имея основанием не собственное мнение, а учение святых отцов. Сам он учился этому примерами старцев Глинской пустыни, которую всегда помнил и любил.

Когда в 1958 г. умер о. Серафим (Амелин), настоятель Глинской пустыни, владыка Зиновий приезжал на похороны. После вторичного закрытия Владыка опекал монахов обители, которые тянулись к нему, зная, что он является носителем тех духовных традиций, которые были заложены еще в дореволюционной пустыни, благодаря которым держались старцы в годы воссоздания монастыря из руин в середине минувшего века. Живой связью с Глинской пустыней, вновь разоренной в 1961 г. было общение с о. Андроником, к которому ехали отовсюду и те, кто бывал в Глинской пустыни, и те, кто только слышал о ней.

Владыка Зиновий, всегда окруженный людьми, которых стремился утешить, вразумить, наставить, вынужден был многих выслушивать и вести с ними многочасовые беседы. Это его очень утомляло, но никогда не раздражало, не лишало внутреннего мира и собранности. Потребность в молитве он мог осуществить только в ночные часы. Себе не делал послабления, но другим, включая и келейников, он не давал строгих правил. Вставал на молитву в час или два ночи и просил только, чтобы ему не мешали, если кто-либо, жалея

его, уговаривали лечь спать. Считая молитву барометром духовной жизни, Владыка Зиновий стремился и приходящих к нему настроить на серьезное и внимательное отношение к молитве церковной и домашней.

От приходящих к нему за духовным советом, о. Зиновий требовал послушания: «Если спрашиваешь, тогда слушайся, – говорил он. – А если не исполнишь, тогда зачем идешь за благословением».

Однажды он не разрешил причащаться м. Ангелине, игуменье Ольгинского монастыря за то, что она осуждала священников.

Об этом извращенно доложили русскому патриарху Алексею I, как будто о. Зиновий хотел закрыть этот русский монастырь. Получился конфликт. Впоследствии патриарх Алексей I, сожалея о возникшем непонимании, пожертвовал церкви св. Александра Невского икону в серебряном окладе.

О. Зиновий очень любил патриарха Илью II. Перед смертью он сказал о. Виталию (Сидоренко) и м. Серафиме: «Ваш духовник – патриарх Илья. Он мой духовный сын и хороший человек. Будьте с ним рядом».

Незадолго до перехода в вечность, владыка Зиновий совершил монашеский постриг Михаила Потапова, будущего старочеркасского архимандрита Модеста, и при этом произнес такие слова: «На Модесте все мое закончилось».

Неумолимые годы приближали время кончины. Владыка реже выходил в храм, но ничего не менял в своей жизни до конца. Казалось, его не будет – этого неизбежного конца жизни. Готовясь к нему, Владыка принял схиму с именем Серафим в честь преподобного Серафима Саровского. Последнюю литургию Владыка отслужил в день преподобного Серафима Саровского 1-ого августа 1984 г. и почувствовал, что ноги отказывают. А 19 декабря, в день памяти святителя Николая, Владыка последний раз вышел в храм, был на молебне. После этого он уже не мог ходить, молился в келье днем и ночью. В последнюю ночь перед кончиной он сказал келейнику: «я от вас ухожу». В это же время попросил остаться игуменов Филарета и Вениамина. Его соборовали, причастили и во время чтения канона на исход души он тихо скончался на 87 году жизни 8 марта 1985 г. Отпевали его монашеским чином. Возглавил собор иерархов и священнослужителей, собравшихся на отпевание патриарх Илия II. Пели два хора – русский и грузинский. Множество народа собралось проводить Владыку. Патриарх Илия II сказал прочувствованное слово, выразив в нем свою веру в то, что «он не оставит всех нас в своих молитвах». Многие по вере своей получали помощь в своих трудных обстоятельствах, приходя к надгробию Владыки и прося его молитв. Он и сам перед кончиной, успокаивая келейника, говорил: «Я ухожу, но там (указывая на небо) буду за вас молиться».

25 марта 2009 года Священный Синод Украинской Православной Церкви причислил к лику местночтимых святых схимитрополита Серафима (Мажуга).

30 ноября 2017 года Архиерейский Собор Русской Православной Церкви принял решение об общецерковном прославлении преподобного Зиновия (Мажуги) с установлением даты памяти 22 сентября – в Соборе Глинских святых.

Святые Казахстанской земли

Захария (Лобов) (1865 - 1937) – архиепископ Воронежский и Задонский, священномученик

Память 22 сентября (9 сентября по ст. ст.), в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской, в Соборе новомучеников и исповедников Соловецких и Соборе новомучеников и исповедников Казахстанских, а также в Соборах Воронежских и Липецких святых.

Захария (Лобов) (1865 - 1937) – архиепископ Воронежский и Задонский, священномученик

Родился 23 марта 1865 года в селе Петровка Павловского района Воронежской области. Окончил Донскую духовную семинарию.

8 сентября 1888 года рукоположен во иерея.

В 1903 году назначен ключарем кафедрального собора в городе Новочеркасске.

Возведен в сан протоиерея.

22 сентября 1923 года хиротонисан во епископа Нижне-Чирского, викария Донской епархии.

С 14 октября 1923 года епископ Аксайский, викарий донской епархии.

В 1924 году осужден Коллегией ОГПУ по статье 58-10. Приговорен к 2 годам заключения. До 1926 года находился в заключении в Соловецком лагере особого назначения.

В июле 1923 года принимал участие в составлении «Соловецкого послания» (обращения к правительству СССР православных епископов из Соловецких островов).

В 1927-1928 годах находился на поселении в Марийском.

В 1928 году назначен епископом Новоторжским, викарием Тверской епархии.

24 апреля 1928 года назначен епископом Бежецким, викарием Тверской епархии.

24 апреля 1929 года назначен на Воронежскую кафедру, возведен в сан архиепископа.

Арестован 23 мая 1935 года. 10 сентября 1935 года осужден по статье 58-10 специальной коллегией Воронежского областного суда, которая "...нашла доказанной виновность Лобова в том, что он, являясь классово чуждым лицом и будучи враждебно настроен против советской власти и проводимых ею мероприятий, в период с 1934-1935 годов в помещении церкви, в сторожке церкви, при проповедях, в присутствии свидетелей... неоднократно проводил контрреволюционную агитацию по вопросам социалистического переустройства сельского хозяйства и распространения госзайма.

В связи с обвинением Лобова Захара Петровича на основании статьи 58, п. 10, ч. 1 УК подвергнуть тюремному заключению сроком на 5 лет, а также подвергнуть дополнительному наказанию - денежному штрафу в сумме 25000 рублей, в погашение которого обратить изъятые ценности у осужденного - деньги в сумме 23191 рубль и серебряные предметы".

В Карлаг архиепископ Захария поступил из Мичуринской тюрьмы 8 февраля 1936 года. Определен в Чурбай-Нурынское отделение дневальным по бараку. В личном деле имеется следующая характеристика: "Вежлив с администрацией и заключенными, дисциплинирован, проводит читку газет и обучает неграмотных заключенных". Медкомиссией поставлен диагноз: старческая дряхлость, паховая грыжа, установлена

инвалидность.

В Карлаге вновь арестован на основании того, что "...В Чурбан-Нурынское отделение поступил материал, что заключенный Лобов занимается контрреволюционной террористической агитацией, направленной против решений партии и правительства". Заседанием Тройки УНКВД по Карагандинской области от 14 сентября 1937 года Лобов З.П. приговорен к расстрелу.

Приговор приведен в исполнение 21 сентября 1937 года в 24-00.

30 июня 1992 года реабилитирован прокуратурой Воронежской области на основании статей 3 и 5 Закона РСФСР "О реабилитации жертв политических репрессий" от 18 октября 1991 года.

Причислен к лику святых новомучеников и исповедников Российских для общецерковного почитания в августе 2000 года на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви по представлению Алма-Атинской епархии.

По материалам сайта: <https://mitropolia.kz/september/479-zakhariya-lobov.html>

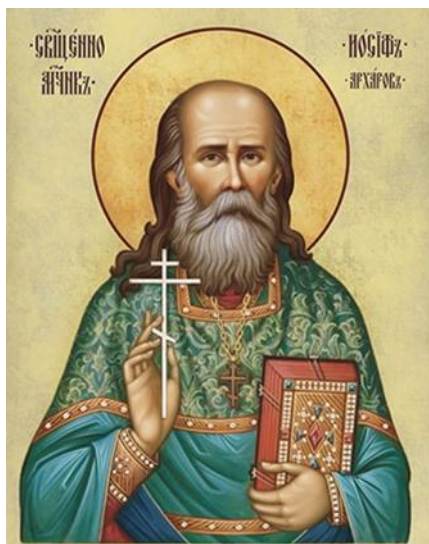
Иосиф Иванович Архаров (1874 - 1937) – священник, священномученик

Память 22 сентября (9 сентября по ст. ст.) в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской.

Родился 1 апреля 1874 года в селе Рогачёве Дмитровского уезда Московской губернии в семье заводчика кожевенного производства.

До 1930 года работал на кожевенном заводе. В том же году был рукоположен в сан священника.

В 1933 году был арестован и Вереysким народным судом осуждён на 2 года лишения свободы по статье 74 УК РСФСР.

1 января 1936 года вновь арестован; 2 января того же года Тройкой при НКВД СССР осужден по статье 54 УК РСФСР и приговорён к 3 годам исправительно-трудовых лагерей.

8 марта 1936 года был заключен в Карагандинском исправительно –трудового лагеря. Во время пребывания в лагере на отца Иосифа поступали доносы следующего содержания: "Заключенный Архаров, бывший священник... вечером в бараке, когда Романов стал спрашивать книгу о прочтении, то посоветовал ему лучше прочитать Евангелие или Псалтирь, другие книги читать бесполезно. Заключенный Архаров рассказывал публично, что, якобы снова все церкви начали реставрировать и начнется богослужение. ...Заключенный Архаров стремится всегда пропеть что-нибудь божественное".

3 сентября 1937 года снова арестован в Карлаге. Из доноса: ..."Заключенный Архаров очень любит Церковь... В лагере он очень хранит церковную рясу, одно время держал её в денежном шкафу. Когда однажды попросили её у него для сцены, чтобы играть роль попа, он ответил: "Я не дам глумиться над религией".

"Никогда не был доволен ни одним моментом советской власти. Неоднократно в беседах Архаров говорил, что признает советскую власть как Божие наказание, посланное на землю людям, поэтому приходится терпеть".

14 сентября 1937 года Тройкой НКВД по Карагандинской области был осужден по статье 58-10, 58-11 УК РСФСР с обвинением в контрреволюционной агитации, распространении провокационных слухов:

"Заключенный Архаров Иосиф Иванович... будучи осуждённым за контрреволюционную деятельность и отбывая меру наказания в Карлаге НКВД при Волковском отделении, систематически проводил контрреволюционную агитацию среди заключенных, направленную на дискредитацию политики партии и советской власти, выражая недовольство существующим строем, распространяя провокационные слухи о скорой войне и гибели советской власти. Допрошенный по делу в качестве обвиняемого заключенный Архаров виновным себя не признал, но свидетельскими показаниями полностью изобличен" и приговорён к расстрелу.

Расстрелян 21 сентября 1937 года. Погребен в безвестной могиле.

3 апреля 1990 года реабилитирован прокурором Карагандинской области по 1937 году репрессий.

Причислен к лику святых в сонме новомучеников и исповедников Церкви Русской для общецерковного почитания в августе 2000 года на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви.

По материалам сайта: <https://mitropolia.kz/september/484-iosif-arkharov.html>